

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

DOAJ
seal

2023 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 5 № 1

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 5 № 1

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 5, № 1 | 2023

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:

- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Камчаткина Мария Сергеевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10459
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Подписной индекс	В объединенном каталоге «Пресса России» – 85756.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 ¼. Усл. печ. л. 8,37. Заказ К-1119. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	29.03.2023
Дата выхода в свет	31.03.2023

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 5 No. 1 | 2023

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.2. Universal history
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Mariia S. Kamchatkina

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10459
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
The subscription index	In the merged catalog "Russian Press" — 85756.
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/4. Conditional printed pages 8,37. Order K-1119. Circulation 100 copies.
Signed in the print	29 March 2023
Date of publication	31 March 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания, Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранной язык и методика обучения иностранному языку», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Янюгло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация

Бушueva Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учавевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Кущаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник мирового института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Орден Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбзудкаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomical research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana G. Vlyadykina, doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin, doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7
--------------------	---

Этнография, этнология и антропология

Научная статья

Информационный потенциал и репрезентативность первой всеобщей переписи населения 1897 года в Бессарабской губернии.....	8
--	----------

Н. П. Гаврилюк

Языки и литературы народов мира

Научная статья

Динамика демографии чувашского языка на основе Всероссийских переписей населения (2002–2021).....	15
--	-----------

Э. Анос-и-Фонт

Обзорная статья

Литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока как часть мифа о русском поэте в мемуарных очерках Г. Иванова	28
---	-----------

В. В. Королева

Научные статьи

Сонет «Le vierge, le vivace et le bel aujourd’hui...» С. Малларме в переводческой интерпретации В. Брюсова.....	34
--	-----------

П. В. Ли

О «Сравнительном бесермянском словаре» Н. П. Штейнфельда	39
---	-----------

С. А. Максимов

Фразеологические единицы с компонентом «птица» в мордовских и финском языках (семантический анализ).....	48
---	-----------

Н. М. Мосина

Семантика антропонимов в романе С. Снегова «Люди как боги».....	54
--	-----------

В. О. Рожин

Образ цыган в чувашской лингвокультуре.....	60
--	-----------

Э. В. Фомин, Л. В. Илларионова

Этнокультурные проблемы образования

Обзорная статья

Роль карело-финского эпоса «Калевала» в этнокультурном воспитании младших школьников	65
---	-----------

И. В. Комарова

Обзоры и рецензии

Рецензия

Рецензия на: Лебедев Э. Е., Родионов В. Г., Семенова И. П., Касимов Е. В. Н. И. Ашмарин – корифей чувашской филологии. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2020. 270 с.....	70
--	-----------

Э. В. Фомин

CONTENTS

From the editor-in-chief	7
--------------------------------	---

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Article

Information Potential and Representativeness of The First General Population Census Of 1897 in The Bessarab Province.....	8
<i>Nataliia P. Gavriiliuk</i>	

World languages and literature

Research Article

Dynamics of the number of Chuvash speakers on the basis of the 2002–2021 Russian population censuses	15
<i>Ektor Alos i font</i>	

Review Article

Literary portraits of N. Gumilev and A. Blok as part of the myth about a Russian poet in G. Ivanov’s memoirs.....	28
<i>Vera V. Koroleva</i>	

Research Articles

The sonnet “Le vierge, le vivace et le bel aujourd’hui...” by s. Mallarmé in the translational interpretation of V. Bryusov	34
<i>Polina V. Li</i>	

About N. P. Steinfeld’s Comparative Besermian Dictionary	39
<i>Sergey A. Maksimov</i>	

Phraseological units with a component “bird” in the Mordovian and Finnish languages (semantic analysis)	48
<i>Natalya M. Mosina</i>	

Semantics of anthroponyms in S. Snegov’s novel “People as Gods”.....	54
<i>Vladimir O. Rozhin</i>	

The image of gypsies in the Chuvash linguistic culture.....	60
<i>Eduard V. Fomin, Lilia V. Illarionova</i>	

Ethno-Cultural Problems of Education

Review Article

The role of the Karelian-Finnish epic “Kalevala” in the ethno-cultural education of younger schoolchildren	65
<i>Irina V. Komarova</i>	

Reviews and Peer-Reviews

Review

Review of: Lebedev E. E., Rodionov V. G., Semenova I. P., Kasimov E. V. N. I. Ashmarin – the coryphaeus of Chuvash philology. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 2020. 270 p	70
<i>Eduard V. Fomin</i>	

Дорогие авторы и читатели!

Международный журнал «Этническая культура» вошел в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. В журнале могут быть опубликованы результаты научных исследований по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки),
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки),
- 5.9.4. Фольклористика (филологические науки),
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Мы намерены продолжить творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений! Пусть трудолюбие, искренность, профессионализм позволяют решать самые сложные задачи, покорять любые вершины!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The international journal "Ethnic Culture" was included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

The results of scientific research in the following scientific specialties and their corresponding branches of science, for which academic degrees are awarded, may be published in the journal:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences),
- 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (pedagogical sciences),
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education (pedagogical sciences),
- 5.9.1. Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation (philological sciences),
- 5.9.2. Literature of the peoples of the world (philological sciences),
- 5.9.4. Folklore studies (philological sciences),
- 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences),
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics (philological sciences).

Editorial staff and editorial board express our sincere gratitude to all external experts of the "Ethnic culture" journal, who shared their professional opinion on published materials. We intend to continue our creative cooperation with them and successively carry out the journal's main mission, i.e. development of fruitful dialogue, exchange experience in fields of art, culture, science and education for the representatives of different ethnicities. Editorial council, academic staff and Chuvash State Institute of Culture and Arts' authorities wish the authors and the readers good health, new scientific discoveries and creative achievements! May industriousness, sincerity and professionalism aid you in solving the hardest tasks and to conquer any summits!

With sincere wishes

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Информационный потенциал и репрезентативность первой всеобщей переписи населения 1897 года в Бессарабской губернии

<https://doi.org/10.31483/r-105776>

УДК 314.9

Гаврилюк Н. П.

Институт истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского» г. Калуга, Российская Федерация.
 <https://orcid.org/0009-0003-7609-2079>, e-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию практики подготовки и проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на территории Бессарабской губернии. Территория исследования выбрана не случайно и связана с событиями сегодняшнего дня, а именно: практикой определения языка общения и функционирования на территории Республики Молдова. Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку для изучения вопроса о занятости населения, динамики численности и национального состава жителей региона используются первоисточники и их анализ современниками Первой всеобщей переписи населения Российской империи, что позволит ответить на некоторые актуальные вопросы историков и политиков. Выявление субъектов, методики, установление этапов переписи послужат выяснению специфики подхода применительно к Российской империи, поскольку заимствованные из Европы методики и технологии проведения переписей населения требовали пересмотра и корректировки с учетом российских реалий. Результаты переписи имеют много недочетов, в частности по установлению этнического состава населения, социальных групп и категорий, языка общения, занятий жителей Бессарабской губернии, что находит объяснение в самой организации переписи, отсутствии квалифицированных кадров, недостаточного финансирования. В то же время необходимо учитывать, что для своего времени это были необходимые данные и показатели, которые позволили впоследствии определить политику центральной власти на местах и, в частности, в отношении к Бессарабии, территория которой долгие годы находилась под контролем Османской империи и вокруг которой велись геополитические споры.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения, Российская империя, Бессарабская губерния, анкеты, переписчики, счетчики, переписные комиссии.

Для цитирования: Гаврилюк Н.П. Информационный потенциал и репрезентативность первой всеобщей переписи населения 1897 года в Бессарабской губернии // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 8-14. – DOI 10.31483/r-105776. – EDN JNGLCH

Research Article

Information Potential and Representativeness of The First General Population Census Of 1897 in The Bessarab Province

Nataliia P. Gavriliuk

 Institute of History and Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski
Kaluga, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0009-0003-7609-2079>, e-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the practice of preparing and conducting the First General Population Census in 1897 on the territory of the Bessarabian province. The research area was not chosen by chance and is connected with the events of today, namely the practice of determining the language of communication and functioning on the territory of the Republic of Moldova. The relevance of the study is beyond doubt, since, to study the composition of the population, the dynamics of the population and national composition, the social picture of the region, primary sources and their analysis by contemporaries of the First General Census of the Russian Empire are used, which allows answering some provocative questions of modern historians and politicians. The identification of the subjects, methods and stages of the census makes it possible to clarify the specifics of this approach in relation to the Russian Empire, since the methods and technologies for conducting population censuses borrowed in Europe required revision and adjustment, taking into account the realities of the Russian Empire. One cannot but agree that the results of the census have many shortcomings, in particular, in terms of the ethnic composition of the population, social groups and categories, the language of communication, the occupations of the inhabitants of the Bessarabian province, which is explained by the very organization of the census, the lack of qualified personnel, insufficient funding, etc. d. But, at the same time, it must be taken into account that for their time these were the necessary data and indicators that subsequently made it possible to determine the policy of the central government on the ground and in particular with regard to Bessarabia – the territory of which for many years was under the control of the Ottoman Empire and around which geopolitical disputes.

Keywords: First general population census, Russian Empire, Bessarabian province, questionnaires, census takers, enumerators, census commissions.

For citation: Gavriliuk N.P. (2023). Information Potential and Representativeness of The First General Population Census Of 1897 in The Bessarab Province. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1), 8-14. EDN: JNGLCH. <https://doi.org/10.31483/r-105776>.

Введение

Выбор настоящей темы не случаен и связан с несколькими факторами: во-первых примечательна сама территория, вокруг которой до сих пор не стихают споры относительно истории возникновения государственности, этнического состава, языка общения, влияния России на развитие бессарабского региона; во-вторых, в исторической науке все чаще появляются противоречащие друг другу сведения, требующие обращения к первоисточнику, к глубокому и детальному анализу работ современников событий; в третьих – переписи населения, в том числе их организация и проведение всегда привлекали внимание как экспертов, так и общественности – важно проследить основные практики этих мероприятий, которые напрямую влияют на политику государства в области социально-экономических и политических отношений.

Материал и методы исследования

Целью исследования является выявление информационного потенциала и репрезентативности Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Бессарабской губернии. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, а именно: исследовать практику подготовки переписи населения; проанализировать основные документы и материалы, сопровождающие процедуру проведения переписи населения на территории Бессарабской губернии; изучить и подвергнуть осмыслению результаты переписи населения (особенно в части, которая вызывает споры в современном обществе – национальный состав населения, язык общения, занятость населения и т. п.); изучить историографию вопроса.

В качестве основных источников по теме исследовании использовались результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на территории Бессарабской губернии, а также работы участников самой переписи.

Историографический обзор основан на изучении работ молдавских и румынских авторов, которые неоднозначно оценивают как процедуру проведения Первой всеобщей переписи, так и ее результаты, обвиняя центральную власть Российской империи в подтасовке результатов с целью укрепления российской власти и усиления восточнославянского компонента на территории Бессарабии. Кроме того, автор обращается к работам российских ученых, являющихся авторами фундаментальных трудов по исследованию территориально-административного устройства Бессарабской губернии, национального и этнического состава, социально-экономического и политического развития исследуемого региона.

Перепись населения в Российской империи, проведенная 28 января 1897 г., явилась не только статичной констатацией общей ситуации, но и высветила последствия политики, проводившейся властями в течение XIX в. Новаторская тем, что она всецело ориентировалась на один день и предусматривала опрос жителей по стандартным анкетам, всеобщая перепись отражала, в отличие от ревизий или частичных переписей, широкую демографическую, социальную и этноконфессиональную картину каждой губернии отдельно.

В работе использованы исторический, статистический, структурно-функциональный методы исследования, методы дедукции, анализа и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение

Противоречивая во многих отношениях перепись 1897 г. тем не менее представляет собой один из основных источников для изучения различных сторон общества Российской империи в XIX в., отражая ее сложность с социальной, экономической и демографической точек зрения. Особенности территориально-административного устройства, пестрый характер населения, различия в языке, уровень грамотности и особенности обучения это лишь некоторые из факторов, определивших сложность переписи населения на территории Бессарабской губернии. Помимо серьезных финансовых затрат организация и проведение переписи осложнялась и подготовкой опросных материалов, анкет, подбором персонала. Анкеты составлялись по каждому владению, а не персонально, регистрировались все лица, находившиеся на территории владения в учетный момент переписи, а также и те, кто в это время в нем не находился. Исключения были сделаны для тех, кто путешествует по работе или учебе, а также для тех, кто обычно живет в другом месте. Каждая анкета состояла из 14 разделов:

- 1) фамилия, имя, отчество, прозвище;
- 2) семейное положение;
- 3) отношения к главе хозяйства (степень родства);
- 4) пол;
- 5) возраст;
- 6) социальная принадлежность;
- 7) религиозная / конфессиональная принадлежность;
- 8) место рождения;
- 9) место приписки;
- 10) постоянное место жительства;
- 11) родной язык;
- 12) уровень грамотности;
- 13) занятие, профессия, должность;
- 14) физические недостатки (глухота, слепота, глухонмота, душевная болезнь).

Несмотря на обозначенные пункты, анкеты содержали много неясностей. Некоторые рубрики включали несколько вопросов, а места, предназначенного для заполнения, было недостаточно для указания полного ответа [Пландовский, 1898, с. 348].

Органом центральной власти, ответственным за организацию и проведение Всеобщей переписи населения 1897 г., было Министерство внутренних дел. Перед руководителем этой структуры были поставлены задачи назначить специальных уполномоченных, разрешить любые неясности, которые могут возникнуть, вовлечь в работу другие учреждения, а также людей, не входящих в систему государственного управления [Пландовский, 1898, с. 322]. Инструкция, составленная Министерством внутренних дел и разосланная всем переписчикам к сентябрю 1896 г., положила начало подготовительной работе при проведении всеобщей переписи населения. Для проведения переписи были созданы следующие

институты: Главная переписная комиссия; губернские переписные комиссии; уездные переписные комиссии. Специальные комиссии были созданы в г. Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Николаеве, Кронштадте, Одессе, Севастополе и Керчи. В других городах с большим населением, где это было сочтено необходимым министром внутренних дел, создавались городские комиссии [Пландовский, 1898, с. 322].

В качестве счетчиков рекомендовалось привлекать людей грамотных с определенным уровнем знаний, хорошо знающих место и проявляющих определенные нравственные качества, в том числе церковных служителей, учителей или управляющих имениями [Пландовский, 1898, с. 360]. Главная комиссия по переписи продемонстрировала гибкость в политике найма счетчиков. Хотя первоначально Главная переписная комиссия была против участия женщин в качестве счетчиков из-за условий работы, позднее по причине острой нехватки кадров она вернулась к этому решению. Так, на начало 1897 г. на государственной службе было более 150 тыс. счетчиков [Елисеев, Дмитриев, 2013, с. 133].

Цель переписи, как правило, сводится к формированию информационных ресурсов, включающих демографические, экономические и социокультурные данные. Тем не менее, многие считали, что такой сбор сведений будет иметь прямые и непосредственные последствия для образа жизни. Власти недооценили необходимость информирования населения о целях, задачах и пользе всеобщей переписи [Кадоццев, 1897, с. 14], ограничившись только размещением уличных объявлений и изданием информационных брошюр с незначительным тиражом. Зато они во многом полагались на обязательность такого подхода, настаивая на том, что возможный успех переписи будет обусловлен тем, что «население гораздо более дисциплинировано и привыкло подчиняться власти, чем в случае других государств» [Кадоццев, 1897, с. 11].

Недостаточность информации, действие которой усиливалось растерянностью населения, определяла настороженное отношение опрашиваемых. Наиболее распространенные слухи о цели переписи относились к тому, что она является необходимостью в условиях подготовки новой войны, для передела земельных владений или для простого увеличения фискального бремени. Среди самых странных слухов были слухи, связанные с желанием властей узнать необходимое количество таверн, а также место, где они будут располагаться. Наиболее мрачная гипотеза заключалась в подготовке обширной программы массовых перемещений в малонаселенные районы за Уральскими горами, опасения оправдывались и тем, что в то время велись интенсивные работы на Транссибирской магистрали [Плющевский-Плющик, 1897, с. 8].

Среди женщин ходил слух, что с портных и ткачей должны были взиматься дополнительные налоги. Этот факт привел к сокрытию этих занятий, что засвидетельствовано и в отношении занимающихся мелкой торговлей и ремеслами [Елисеев, Дмитриев, 2013, с. 134]. На все вопросы обычно отвечали вскользь, пока не доходило до вопроса об основном или дополни-

тельном занятии. Подавляющее большинство крестьян указывало в качестве единственного источника дохода земледелие, а в случае выявления факта их занятости и в других видах деятельности обязательно уточняли, что доход, получаемый от этих занятий, был незначительным [Котельников, 1897, с. 12]. Делалось это для того, чтобы избежать возможное увеличение фискальной нагрузки.

Сбор данных о занятиях осложнялся еще и тем, что перепись проводилась в холодное время года. По этой причине многие респонденты объявляли основным занятием то, чем они обеспечивали себе существование в зимний период, особенно с учетом того, что многие крестьяне после окончания сельскохозяйственных работ временно переселялись в города в поисках заработка.

Кроме того, перепись совпадала с периодом праздников, что значительно затрудняло деятельность счетчиков, так как было решено, что в дальнейшем переписи следует проводить в периоды религиозных постов [Плющевский-Плющик, 1897, с. 11]. Некоторые счетчики констатировали, что после того, как крестьяне поняли, что перепись не будет иметь непосредственных и прямых последствий для бытовых проблем и особенно земельных вопросов, они стали равнодушными, ироничными или агрессивными по отношению к счетчикам, в некоторых случаях становилось необходимым вмешательство полиции.

Деталью, оказавшей большое влияние еще до обработки данных, стал уход ряда известных специалистов из Центрального статистического комитета. Большинство из них позже подвергло жесткой критике деятельность властей [Котельников, 1897, с. 47], обосновывая тем, что материальные ресурсы и финансовые затраты не были правильно просчитаны, а большинство ответственных лиц принуждались к работе в нечеловеческих условиях, подвергались давлению со стороны властей, особенно в условиях приближения сроков сдачи отчетных материалов. Заведующему переписным участком было крайне сложно следить за работой 100–150 человек, находившихся в его подчинении [Котельников, 1897, с. 47]. В прессе ходили слухи, что заведующие переписным участком не пытались исправить замеченные ими пробелы с целью не затягивать процесс. Электрические машины Hollerit, закупленные для первичной обработки данных, были малоэффективны из-за малочисленности тех, кто умел ими пользоваться. Другим недостатком переписи был бюрократический состав переписных комиссий, присутствие специалистов-статистов было редкостью. Таким образом, толкования на местном уровне существенно искажали намерения главной переписной комиссии.

Обработка данных заняла очень много времени. Сотрудники, производившие первичную обработку, помимо обладания элементарными знаниями, не говоря уже о знании специфических аспектов статистической области, еще и работали в две смены на разных участках, и шансы на ошибку были довольно высоки. А то, что позже посуточная оплата была заменена на оплату по количественным показателям, еще больше повлияло на качество обработки. Таким образом по-

сле обработки данных появились откровенно нелепые результаты, согласно которым в отдельных регионах добрая часть французов оказалась православными, а часть киргизов – католиками; также были выявлены случаи, когда дети в возрасте от одного года до десяти лет отмечены как бракосочетавшиеся.

Выяснилось к прочему, что многие анкеты были намеренно заполнены неправильно. Например, многие женщины указывали более молодой возраст или объявляли себя замужними, что не соответствовало действительности. Что касается мужчин, то многие скрывали свое семейное положение, заявляя, что не женаты [Сафронов, 2011, с. 218]. В случае же с другими анкетами было установлено, что содержащиеся в них сведения взяты из фискальных или церковных документов, что являлось серьезным отклонением от регламента [Кадио, 2002, с. 182].

Обработка данных также подвергалась резкой критике, особенно в отношении родного языка. Для установления достоверности корреляции между родным языком и этничностью обращались к данным о религиозной и социальной принадлежности. Выяснилось, что при учете нескольких лиц одной национальности указывались разные родные языки. С. Патканов, ответственный за этнический и национальный вопросы, в рамках переписи разработал детальную классификацию, позволившей выделить 131 язык и соответственно 131 этнос [Патканов, 1912]. Власти, однако, пошли на упрощение этой таксономии, обращая внимание на то, что должны быть отдельно выделены и зафиксированы лишь те этнические группы, которые играют важную роль в обществе, остальные попадают под категорию «другие».

Большинство дискуссий в историографии было сосредоточено на объективности данных об этнической принадлежности. Например, результаты о численности румын (молдаван) подвергались сомнению не только в румынской, но и в российской и советской историографии. Сообщалось о нескольких случаях, когда в некоторых уездах представительный вес коренного населения резко сокращался в пользу русского, особенно великорусского компонента. Процесс необоснованного перехода из рядов коренного населения, называемого в документах инородцами, в ряды господствующей нации был направлен на гомогенизацию империи и создание субстрата, оправдывающего присутствие русских на этих территориях.

Данные переписи свидетельствуют о населении Бессарабии в 1 935 412 человек, или 1,5 процента [Первая, 1897, с. XIII] от общего числа зарегистрированных в империи, в котором на тот момент проживало 125 640 621 человек. Средняя плотность в Бессарабии составила 48,3 человека на квадратную версту, для ср.: в среднем данный показатель по империи выражен показателем в 6,7 человека на квадратную версту [Дядиченко А., Чермак, 1906, с. 12].

Уездные центры Бессарабии, за исключением г. Рень и Кагул, превышали рубеж в десять тысяч жителей, хотя в целом население бессарабских городов составляло лишь 15,2 процента, что несколько превы-

шало средний показатель в 13,4 процента [Дядиченко, Чермак, 1906, с. 12]. Самыми густонаселенными землями были Хотин, Кишинев, Аккерман и Измаил. В конце XIX в. г. Кишинев был важным административным, экономическим и социальным центром Российской империи. С населением более 100 тыс. человек (108 483) в то время он уже мог считаться густонаселенным городом, входящим в число 20 лучших городов Российской империи по этому показателю. В то время Бессарабия включала 4785 населенных пунктов, в каждом из которых проживало в среднем 382 человека.

По критерию пола и возраста отметим, что в Бессарабии превалировало мужское население [Первая, 1897, с. XIV], что не соответствовало ситуации на уровне всей империи [Лашков, 1912, с. 185]. С точки зрения возрастного критерия лица до 50 лет составляли примерно 85 процентов от общей численности населения, что определялось как высокой рождаемостью, так и очень низкой продолжительностью жизни. Людей, достигших восьмидесятилетнего возраста, насчитывалось всего 0,58 процентов [Первая, 1897, с. XV].

Зарегистрированные сведения о населении Бессарабии показывают, что более пяти тысяч человек заявили о том, что они страдают физическими или умственными недостатками [Первая, 1897, с. XVI–XVII]. Возможно, это ошибочные данные: были задокументированы случаи, когда некоторые люди при поддержке местных властей объявляли себя глухонемыми или слепыми [Плющевский-Плющик, 1897, с. 24].

В итогах переписи нашла отражение повышенная уязвимость мужчин, что можно объяснить образом жизни, а также рисками, связанными с деятельностью, в которую они традиционно вовлечены. Наиболее частыми физическими недостатками становились дефекты зрения и слуха, в большинстве случаев приобретенные [Первая, 1897, с. XVI–XVII]. Это данные, которые в определенной степени служат индикатором состояния системы здравоохранения, но, возможно, и небрежного отношения населения к собственному физическому состоянию. Что касается лиц, страдавших умственной отсталостью (7341 человек), то лишь незначительному числу, около десяти процентов, удалось ощутить улучшение положения в результате лечения, проводимого в специализированных учреждениях [Лашков, 1912, с. 185].

Свыше 70 процентов населения Бессарабии являлись крестьянами, 23,53 процента – мелкими буржуа. Представители остальных социальных страт составляли небольшое количество населения: потомственные дворяне – 0,6 процента, личные дворяне – 0,5 процента, почетные граждане – один процент. Иностранцы, в основном выходцы из соседних государств – Австро-Венгерской империи и Королевства Румыния, составляли 1,4 процента [Патканов, 1912, с. 18].

Этнолингвистический и конфессиональный блок переписи имеет существенную погрешность. Способ получения сведений с привязкой к этническому происхождению через обработку данных о родном языке, избранный в случае переписи 1897 г., не дает убедительного результата. Однако были засвидетельствованы случаи, когда представители некоторых этносов,

кроме великоросов, указывали своим родным языком русский язык, на котором говорили в родительском доме. В результате, согласно положению, они были отнесены к категории великоросов. Также немало и тех, кто скрывал принадлежность к этническим или религиозным общинам, учитывая наличие слухов о применении принудительных мер к отдельным категориям, а некоторые решительно отказывались от участия в переписи, приписывая ей «злое происхождение» и эсхатологическую коннотации, актуальные для сообщества липован (староверов).

Подавляющее большинство населения Бессарабии составляли православные христиане, доля которых составляла 82,72 процента [Первая, 1897, с. XXII]. На уровне Новороссийского переписного округа, в состав которого входила и Бессарабия, доля православных фиксировалась на уровне 84,57 процентов, а на уровне всей империи – 69,3 процентов [Дядиченко, Чермак, 1906, с. 17]. Данные переписи свидетельствуют о том, что 99,9 процента этнических румын были православными христианами.

Румыны, или молдаване, как это зафиксировано в материалах переписи, составляли 47,58 процента всего населения Бессарабии, являясь самой многочисленной этнической группой. Хотя это не абсолютное большинство, но все же вдвое больше, чем у второй по численности этнической группы региона – малороссов.

Объективность доли в 47,58 процента подвергается сомнению записями, сделанными в конце XIX – начале XX вв. рядом этнографов и чиновников имперской администрации. Большинство из них утверждали, что коренное население составляет около трех четвертей всего населения Бессарабии [Ciobanu, 2018, с. 41; Зеленчук, 1979, с. 156–158].

Представители славянских национальностей представляют собой другую группу, в большинстве своем православную. Малоросы, вес которых составлял примерно 20 процентов [Первая, 1897, с. XXI] всего населения Бессарабии, были в основном сосредоточены в северных частях губернии, тогда как великороссы, имея восемь процентов, имели территориальное распространение более однообразное, преимущественно в городской среде. Долю великороссов на территории Бессарабии, как и во всей империи, можно считать в известной степени преувеличенной, поскольку, как было сказано выше, многие представители других этносов записывались великороссами только потому, что они декларировали язык русский как родной.

Результаты переписи свидетельствуют о наличии в Бессарабии около 20 тысяч христиан-католиков, что составляет один процент от общей численности населения [Первая, 1897, с. XXII]. Здесь католическая конфессия была представлена в основном этническими поляками.

Много больше было зарегистрировано протестантов, в основном этнических немцев или прибалтов, большинство из которых проживало в районе Аккермана: 54258 человек, т. е. 2,76 процента от всего населения Бессарабии [Первая, 1897, с. XXII].

Установление предела оседлости евреев в Российской империи обусловило значительное увеличение

присутствия этого этноса на территории Бессарабии, составившее к 1897 г. около 12 процентов [Первая, 1897, с. XXI]. В Бессарабии было сосредоточено более четырех процентов общего числа евреев империи [Дядиченко, Чермак, 1906, с. 17]. В целом доля евреев в городской среде Бессарабии составляла 37,4 процента, тогда как в сельской местности она равнялась лишь семи процентам.

К 1897 г. в Бессарабии было зафиксировано более 8,5 тысяч цыган, больше, чем в какой-либо другой губернии, а во всей империи их насчитывалось около 45 тысяч.

Интерпретация данных о грамотности требует уточнения понятия «грамотность», используемого в контексте данной переписи. Учет только умения читать не позволяет выделить категорию полностью грамотного населения. Способ, которым оценивалась степень грамотности, позволил увеличить данный показатель с тем, чтобы не подчеркивать слишком большой разрыв с остальной Европой.

Принимая во внимание многонациональность Российской империи, можно сказать, что часть населения могла читать только на родном языке, другая – дополнительно на русском. В некоторых случаях первая категория учитывалась как неграмотная.

Еще одним противоречивым элементом в этой главе является установление нижнего возрастного предела в пять лет, учитывая, что для большинства детей обучение начиналось в семь-восемь лет.

Данные переписи показали, что состояние грамотности, особенно в некоторых слоях населения, было неустойчивым. Только 22 процента мужчин и 8,9 процента женщин Бессарабии заявили о способности читать [Первая, 1897, с. XIX]. Этот средний показатель в 15,4 процента явно ниже, чем засвидетельствованный в Новороссии (22,8%) и в империи в целом (21,2%), Бессарабия занимает лишь 45 место из 50 европейских губерний империи по показателям грамотности населения. Лидером был Балтийский округ с уровнем грамотности свыше 75 процентов [Дядиченко, Чермак, 1906, с. 17].

Анализ уровня грамотности через призму сословий показывает, что наиболее образованными были представители дворянства и духовенства – около 70 процентов [Первая, 1897, с. XX]. Уровень грамотности через призму этнической принадлежности показывает, что лидерами в этой главе с показателем более 50 процентов были немцы, за которыми следуют армяне, евреи, поляки и великороссы. Состояние грамотности молдаван было плачевным. Лишь десять процентов мужчин обладали определенной степенью грамотности, тогда как представительницы женского пола имели положение, сходное с положением цыган, более 98 процентов молдаван были признаны неграмотными [Первая, 1897, с. XIX].

Если в случае с цыганами показатель 99 процентов объясняется сопротивлением этой этнической группы любым формам институционализации, особенно ориентированной на обучение, а также маргинальным статусом в обществе, то в случае молдаван, низкий показатель обуславливается в том числе ненадлежащим характером системы образования, а также ошибочной

регистрацией в ряде случаев неграмотными тех молдаван, которые заявляли, что не владеют русским языком.

Еще одним компонентом исследования степени грамотности является анализ через призму религиозно-конфессиональной принадлежности. Результат в целом принимает синусоидальную форму, продиктованную разительными различиями в уровне подготовки между отдельными сообществами. В случае с православными для десяти процентов репрезентативных значений для обоих полов указано наличие умения читать. В этом плане интересными представляются сведения о липованах с их заметной грамотностью, продиктованной необходимостью ведения религиозных практик в общинах без священников в условиях проживания компактными сообществами, где знания легче сохранить и передать. У липован мужского пола зафиксирован показатель в 30 процентов умеющих хотя бы читать, а у женского пола – пять процентов. Однако в действительности цифра могла быть и выше, раз были зафиксированы случаи, когда некоторые липоване объявляли себя неграмотными, лишь бы не писать на антихристовом документе [Плющевский-Плющик, 1897, с. 74].

Среди лидеров по уровню грамотности были армяне-григориане, протестанты и римокатолики. Евреи, благодаря занятиям в областях, требующих, по крайней мере, умения читать, имели уровень грамотности, значительно превышающий средний: 50 процентов у мужчин и 24 процента у женщин.

Впрочем, данные переписи 1897 г., касающиеся уровня образования населения Бессарабии, весьма неполны. По словам самих респондентов, неясно, продолжал ли человек обучение в то время или уже закончил его, а может быть, он просто посещал какие-либо курсы. Процесс обучения тех, кто был включен в систему образования, для большинства из них ограничивался начальной ступенью. Дворянство и духовенство являются двумя социальными слоями, которые сохранили присутствие более 30 процентов в сегменте сред-

него образования, а в случае дворянства около семи процентов лиц мужского пола продолжали обучение в высших учебных заведениях [Первая, 1897, с. XX].

Выводы

Перепись 1897 г. определила целостность Российской империи не только через призму территориальной принадлежности и происхождения родов, но и через особенности социально-экономического развития региона, специфики населения. Результаты переписи подтвердили мультикультурный характер империи, выраженный в наличии сотен языков, десятков религий и конфессий, различного рода занятий. Классификация по социальным классам существенно смягчала прогрессивный характер подхода к сбору и анализу информации. Отсюда двойственный характер переписи: с одной стороны, она создавала горизонтальную иллюстрацию, ставя всех граждан в одну плоскость, с другой – вертикальную, классифицируя субъектов по социально-классовому признаку. Анкеты первой переписи, включавшие 14 разделов с вопросами, часто неточно сформулированными, существенно затрудняли возможность получения объективной информации. Положение усугублялось недостаточной подготовкой счетчиков, низким уровнем культуры населения, а также недостаточным информированием властей о целях и пользе данного проекта, что, по сути, вызвало появление бесчисленных слухов, подпитывавших нежелание жителей участвовать в переписи.

Анализируя данные по Бессарабии, можно отметить тот факт, что эта губерния по многим параметрам имеет показатели ниже среднего уровня по империи, а анализ этноязыкового и религиозного спектра отражает прямые последствия включения Бессарабии в состав Российской империи, выражающиеся в том, что численность коренного населения значительно сократилась, хотя она, вероятно, и не соответствовала 47 процентам, полученным по Всеобщей переписи населения 28 января 1897 г.

Список литературы

1. Дядиченко А., Чермак Л. Статистический справочник // Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым европейским государствам. Санкт-Петербург : Земля и воля, 1906. Выпуск 1. 65 с.
2. Елисеев И. И., Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики: 2011–1811. Москва : Статистика России, 2013. 144 с.
3. Зак Л. С. Народные переписи: общедоступный очерк. Одесса : Типография Южнорусского общества печатного дела, 1897. 52 с.
4. Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев : Штиинца, 1979. 286 с.
5. Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1937–1897) // *Ab Imperio*. 2002. №4. С. 177–206 . DOI [10.1353/imp.2002.0008](https://doi.org/10.1353/imp.2002.0008)
6. Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года. Санкт-Петербург, 1909. 110 с.
7. Котельников А. Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897. Санкт-Петербург : Типография «Акционер», 1909. 124 с.
8. Лашков Н. В. Бессарабия к столетию присоединения к России – 1812–1912. Географический и историко-статистический обзор края. Кишинев: Типография Бессарабского губернского правления, 1912. 63 с.
9. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : в 3-х томах. Санкт-Петербург, 1911–1912.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. Том 3. 282 с.

11. Пландовский В. Народная перепись. Санкт-Петербург : Типография Штаба отдельного корпуса пограничной стражи, 1898. 412 с.
12. Плющевский-Плющик Я. А. Суждения и толки народа об однодневной переписи 28-го января 1897 года: материалы для истории первой всеобщей переписи народонаселения. Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1898. 95 с.
13. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. Москва: Госстатиздат, 1956. 352 с.
14. Сафронов А. А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург, 2011. 269 с.
15. Ciobanu Şt. Basarabia. Populația. Istoria. Cultura. Chişinău : Ştiința, 2018. 172 p.

References

1. Dyadichenko, A., & СHermak, L. (1906). *Statisticheskij spravocnik. Naselenie I Zemlevladienie Rossii Po Guberniyam I Sravnitel'nye Dannye Po Nekotorym Evropejskim Gosudarstvam*, 65.
2. Eliseev, I. I., & Dmitriev, A. L. (2013). *Istoriya rossijskoj gosudarstvennoj statistiki: 2011–1811*. Statistika Roscii.
3. Zak, L. S. (1897). *Narodnye perepisi: obshchedostupnyj ocherk*. Tipografiya YUzhnorusskogo obshchestva pechatnogo dela.
4. Zelenchuk, V. S. (1979). *Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX veke*. SHTiinca.
5. Cadio J. (2002). How Diversity Was Organized: Lists and Classifications of Nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union (1937–1897). *Ab Imperio* 2002(4), 177-206. <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0008>.
6. Kadamcev, B. P. (1909). *Professional'nyj i social'nyj sostav naseleniya Evropejskoj Rossii po dannym perepisi 1897 goda*.
7. Kotel'nikov, A. H. (1909). *Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchej perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897*. Tipografiya «Акционер».
8. Lashkov, N. V. (1912). *Bessarabiya k stoletiyu prisoadineniya k Rossii – 1812–1912. Geograficheskij i istoriko-statisticheskij obzor kraja*. Tipografiya Bessarabskogo gubernskogo pravleniya.
9. Patkanow S. (1912). *Données statistiques sur la décomposition ethnique de la population de Sibérie et répartition des indigènes d'après leur langue et leurs familles (résultat d'un dépouillement spéciale des matériaux du premier recensement de la population de la Russie en 1897)*.
10. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* (1905). Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del.
11. Plandovskij, V. (1898). *Narodnaya perepis'*. Tipografiya SHTaba otdel'nogo korpusa pograničnoj strazhi.
12. Plyushchevskij-Plyushchik, YA. A. (1898). *Suzhdeniya i tolki naroda ob odnodnevnoj perepisi 28-go yanvarya 1897 goda: materialy dlya istorii pervoj vseobshchej perepisi narodonaseleniya*. Tipografiya A. S. Suvorina.
13. Rashin, A. G. (1956). *Naselenie Rossii za 100 let*. Gosstatizdat.
14. Safronov, A. A. (2011). *Gramotnost' naseleniya Urala v konce XIX v.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov pervoj vseobshchej perepisi naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.*
15. Ciobanu St. (2018). *Basarabia. Populatia. Istoria. Cultura. Chisinau : Stiinta. (in Romanian)*.

Информация об авторе

Гаврилюк Наталия Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7609-2079>; e-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Поступила в редакцию 02.03.2023
Принята к публикации 28.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Information about the author

Natalia P. Gavriliuk, candidate of historical sciences, associate professor at the Institute of History and Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7609-2079>; e-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Received 02 March 2023
Accepted 28 March 2023
Published 29 March 2023

Динамика демографии чувашского языка на основе Всероссийских переписей населения (2002–2021)

<https://doi.org/10.31483/r-105649>
УДК 81.272, 811.512.111

Алос-и-Фонт Э.

Исследовательский центр социолингвистики и коммуникации
г. Барселона, Испания.

<https://orcid.org/0000-0002-4555-5742>, e-mail: hectoralos@gmail.com

Резюме. В работе исследовано положение чувашского языка в Российской Федерации в свете Всероссийской переписи населения 2020 г. Цель исследования – понять, изменились ли темпы языкового сдвига по сравнению с предыдущим десятилетием. Для сравнения процесс этнической ассимиляции чувашей также изучается на основе данных переписей. Анализируются различия между пятью регионами с наибольшей концентрацией чувашеговорящих. Положение чувашского языка в Чувашии сравнивается с функционированием государственных языков в других пяти республиках Приволжского федерального округа. Результаты исследования. Анализ показывает серьезное ухудшение качества данных переписи 2020 г. по сравнению с предыдущими переписями. Эта проблема частично решается путем их взвешивания. Результаты показывают среднегодовое снижение численности чувашеговорящих примерно на три процента за все десятилетие 2010–2020 гг. как на уровне федерации, так и на уровне Чувашии. Это вдвое больше, чем в предыдущий межпереписной период. Такая степень языкового сдвига схожа с той, что наблюдается для чувашского языка в Татарстане и Башкортостане, но ниже, чем в Ульяновской и Самарской областях. Для других государственных языков округа характерно снижение числа носителей в соответствующих республиках аналогичное чувашскому в Чувашии, включая татарский в Татарстане. Кажущимся исключением является башкирский язык, но данные также указывают на серьезные проблемы с языками в Башкортостане.

Ключевые слова: чувашский язык, государственные языки республик РФ, Всероссийская перепись населения 2020 г, языковой сдвиг, этническая ассимиляция, Приволжский федеральный округ.

Для цитирования: Алос-и-Фонт Э. Динамика демографии чувашского языка на основе Всероссийских переписей населения (2002–2021) // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 15-27. – DOI 10.31483/r-105649. – EDN ZSNAII

Dynamics of the number of Chuvash speakers on the basis of the 2002–2021 Russian population censuses

Ektor Alos-i-Font

Research Center for Sociolinguistics and Communication
Barcelona, Spain.

<https://orcid.org/0000-0002-4555-5742>, e-mail: hectoralos@gmail.com

Abstract. The situation of the Chuvash language in the Russian Federation is presented in the light of the 2020 population census. The aim of the study is to understand whether the tempos of the language shift have changed compared to the previous decade. For the sake of comparison, the process of ethnic assimilation of the Chuvash population is also studied. The differences between the five regions with the highest concentration of Chuvash speakers are analyzed, and the position of Chuvash in Chuvashia is contrasted with the one of the official languages in the other five republics of the Volga Federal District. Research results. The analysis shows a serious deterioration in the quality of the 2020 census data compared to previous ones. This problem is partially solved by weighting them. The results show an average annual decline of about three percent of Chuvash speakers at both the Federation and Chuvashia levels throughout the 2010–2020 decade. This represents a doubling of the rate in comparison to the previous intercensal period. This degree of language shift is similar to that observed for Chuvash in Tatarstan and Bashkortostan, but lower than in the Ulyanovsk and Samara regions. The other official languages of the District have drops in the number of speakers in their respective republics similar to those of Chuvash in Chuvashia, including Tatar in Tatarstan. An apparent exception is Bashkir, but the data also indicate serious issues for the languages of Bashkortostan.

Keywords: Chuvash language, official languages in Russia, Russian 2020 population census, language shift, ethnic assimilation, Volga Federal District.

For citation: Alos-i-Font E. (2023). Dynamics of the number of Chuvash speakers on the basis of the 2002–2021 Russian population censuses. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1), 15-27. EDN: ZSNAII. <https://doi.org/10.31483/r-105649>.

Введение

В октябре 2021 г. состоялась Всероссийская перепись населения. Предыдущие переписи проводились в октябре 2010 и октябре 2002 г. Данные нового массового учета, публикуемые до января 2023 г., содержат табличную информацию в 11 томах [Всероссийская перепись населения 2020 года]. Особый интерес для

нас представляет пятый том, посвященный национальностям и языкам. Перепись населения 2010 г. показала тревожное снижение демографических показателей для множества национальных меньшинств и языков России, включая многие государственные языки республик. Однако языковая политика не изменилась в пользу миноритарных языков. Напротив, с 2017 г. ко-

личество школьников, изучающих эти языки, резко сократилось (по крайней мере, в части этих республик), как и количество часов в неделю, отводимых на их изучение [Баранова, 2023; Долгова, 2020; Евдокимов, Ашиткова, 2019]. В этих условиях можно было предвидеть, что сокращение числа говорящих продолжится и что темпы снижения, вероятно, не замедлятся.

В данной работе мы исследуем приведенную гипотезу для одного из самых распространенных языков в России – чувашского. Это язык с априори хорошими условиями для его поддержания, особенно в Чувашской Республике. Согласно переписи 2010 г. он располагает значительным числом говорящих (один миллион человек), которые составляют большинство населения Чувашии (56,5%). С начала 1990 г. он является государственным языком республики, наряду с русским. Чувашский был языком начального образования в большинстве сельских школ на протяжении всего XX в., а до начала 1960 г. он также был языком обучения в средних классах. С середины 1990 г. до сентября 2017 г. его изучение было обязательным для всех детей школьного возраста (за исключением в течение нескольких лет г. Алатырь). Контраст между этими благоприятными условиями и силой языкового сдвига сделал чувашский случай особенно интересным и плодотворным для социолингвистических исследований.

Наиболее актуальный для нас корпус работ основан на ряде опросов, проведенных в период с 2012 по 2016 гг. и охвативших около 3800 учащихся 7–11 классов в Чувашии [Алос-и-Фонт, Исследование, 2015; Алос-и-Фонт, 2016]. Ситуация, показанная в этих анкетах, заключается в почти полном отсутствии передачи языка от поколения к поколению в городах: менее одного процента городских респондентов использовали чувашский язык в качестве основного языка общения со своими родителями [Алос-и-Фонт, Исследование, 2015, с. 61]. Другой эмпирический результат подтверждает прерывание межпоколенной передачи чувашского языка в Чебоксарах: наблюдение около тысячи взаимодействий между пассажирами в городском общественном транспорте выявило единичное использование языка несовершеннолетними – и то с сильным подозрением, что это был приезжий. Средний возраст говорящих на чувашском языке был на 15–20 лет старше, чем у русскоговорящих [Алос-и-Фонт, 2018]. Все это происходит несмотря на то, что более половины городского населения – чувашаи.

Кривая владения чувашским языком для населения республики чувашской национальности, рассчитанная на основе микроданных переписи населения 2010 г., подтверждает явление быстрого процесса языкового сдвига в городах республики. Если среди старшего городского населения знание национального языка приближается к 90 процентам, то среди молодого населения оно падает ниже 20 процентов. Кривая показывает два четких момента изменений. Первый свидетельствует о быстром снижении уровня востребованности языка среди тех, кто родился после 1960 г. Это связано с распространением паспортов среди колхозников и началом массового оттока сельского населения – имен-

но в тот момент, когда хрущевская реформа образования русифицировала школу. Этот спад продолжался до конца 1980 гг. В период 1990–1995 гг. наблюдается стабилизация. Очевидно, что это короткий период «парада суверенитетов», переоценки этнической идентичности и короткий период языковой политики в пользу чувашского языка. Однако наблюдается резкое снижение процента говорящих среди людей, родившихся после 1995 г. С другой стороны, среди сельского населения Чувашии, хотя также наблюдается постепенное снижение процента говорящих, тенденция гораздо мягче, хотя она ускоряется среди тех, кто родился в XXI в. [Алос-и-Фонт, Преподавание, 2015, с. 38–39]. Эта кривая необходима для понимания, что в гипотетической ситуации, когда даже нисходящий уровень кривой среди детей снова стабилизируется (как это произошло в начале 1990 гг.), простое естественное замещение населения, старших поколений с большим количеством чувашеговорящих новыми поколениями с малым количеством говорящих, неумолимо ведет к падению численности носителей. Так и получилось в начальных стадиях ряда процессов ревитализации языков, например для валлийского [Алос-и-Фонт, Исследование, 2015, с. 281–286].

Статистический анализ данных опросов показывает, что знание чувашского языка практически ограничено людьми чувашской национальности и сильно коррелирует с сельским происхождением. Расстояние между местом проживания и г. Чебоксары (Шупашкар) также является значимым фактором [Alòs i Font, Tovar-García, 2015; Алос-и-Фонт, 2016].

Опросы также показывают, что изучение чувашского языка как предмета в школе не привело к появлению новых носителей чувашского языка. Напротив, количество респондентов в 2012 г., которые утверждали, что не понимают чувашский язык после примерно десяти лет обучения, поражает: 40 процентов городских школьников заявили, что не понимают или очень мало понимают чувашский язык, а еще 25 процентов – только немного [Алос-и-Фонт, Исследование, 2015, с. 56]. Это происходит в социальной среде, где на чувашском языке говорит большинство городского населения, и он значительно широко представлен на улицах как в надписях, так и в устной речи прохожих.

Безусловно, за пределами Чувашской Республики дело обстоит иначе, так как социальная подкрепа для языка слабее. В 2010 г. 43 процента чувашей Российской Федерации проживали за пределами Чувашии. В республиках Татарстан и Башкортостан, а также в Ульяновской и Самарской областях существуют крупные чувашские общины. В 1937 г. было ликвидировано чувашское образование в нынешней Саратовской области. В 1943 г. родной язык был исключен из программы части школ Ульяновской области [Долгова, Иванов, Кондратьев, Матвеев, Фокин, 2004, с. 38]. Данных по Самарской области нет, но все указывает на то, что ее также затронула эта волна русификации образования в административных единицах, считавшихся ненациональными, во время сталинского Большого террора или сразу после него. В Цильнинском районе Ульянов-

ской области, в котором, согласно данным 2010 г., 54 процента населения составляют чуваши, в начале 1970 гг. школы, сохранившие обучение на чувашском языке, окончательно перешли на русский. В сельских школах Татарской и Башкирской АССР во многих случаях сохранялось преподавание на чувашском языке в начальных классах по аналогии с Чувашией. В 1990 гг. в этих четырех субъектах федерации увеличилось число школ с преподаванием чувашского языка, но по данным на 2015 г. оно вновь очень существенно сократилось, особенно в областях [Чуваши, 2017, с. 570]. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что последняя советская перепись 1989 г. показала значительно меньший процент чувашей, объявивших чувашский язык родным, в Ульяновской и Куйбышевской областях, чем в Татарской, Башкирской и Чувашской АССР [Чуваши, 2009, с. 290–291].

Чтобы лучше понять динамику процесса языкового сдвига, наш вопрос исследования необходимо уточнить и провести различие между эволюцией знаний чувашского языка в Чувашии и за ее пределами. Цель – выяснить, продолжалось ли за последнее десятилетие сокращение числа чувашеговорящих теми же темпами, что и в предыдущее.

Кроме того, для более широкой перспективы мы также приводим сравнение с другими государственными языками республик Приволжского федерального округа. Нас интересует, похожи ли нынешние тенденции в чувашском языке на те, что наблюдаются в соседних языках, или обладают определенной уникальностью.

В принципе не следует ожидать полного равенства в показателях ассимиляции в разных языковых группах. Атлас языков ЮНЕСКО [Atlas, 2010] выделяет различные степени жизнеспособности коренных языков Поволжья. В наилучшем состоянии находится татарский язык, который, согласно этой публикации, является одним из немногих языков меньшинств Европы, находящихся в полной безопасности [Atlas, 2010, с. 42]. В современных условиях язык явно находится под угрозой исчезновения на крупных территориях, где на нем традиционно говорят, но в ядре Татарстана данные переписи до 2010 г., похоже, не указывают на опасность. Башкирский язык находится в категории уязвимого, в то время как чувашский, луговой марийский, эрзянский, мокшанский и удмуртский классифицируются под грифом «есть угроза исчезновения». Горномарийский – единственный из этих языков, который находится в категории «серьезная угроза исчезновения». В базе данных «Ethnologue: Languages of the World» используется другая классификация с большим количеством уровней, представленных в возрастающем порядке по мере того, как язык находится в более опасной ситуации. Согласно этому каталогу, татарский и башкирский находятся на втором уровне, луговой марийский – на четвертом, эрзя – на пятом, а чувашский, мокшанский, удмуртский и горномарийский – на уровне 6b [Ethnologue, 2023]. Таким образом, мы ожидаем, что татарский и башкирский языки окажутся в лучшей ситуации, чем чувашский, а чувашский – более-менее на одном уровне с финно-угорскими языками Поволжья.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу данной работы составляют итоги переписей населения, проведенных в 2002, 2010, 2021 гг [Всероссийская, 2002; Всероссийская, 2010; Всероссийская, 2020]. Используемый метод – сравнительный.

Однако предварительный анализ данных последней переписи населения сразу же показывает, что их достоверность далека от предыдущих. Например, количество людей, не указавшие владение языками, в 2002 г. составляло 1,4 миллиона человек, что соответствует 1,0 процент населения. В 2010 г. это было 4,5 миллиона (3,2%), а в 2021 г. – 12,1 миллиона (8,1%). Большое количество отсутствия ответов, а также их значительное увеличение с годами, создает большие пределы погрешности. Это явление не ограничивается вопросами переписи о языках и национальности. Например, для оценки рождаемости, если мы попытаемся придерживаться данных о количестве детей на одну женщину, доля женщин, не указавших число рожденных детей, составляет 26,6 процента от общей численности женщин в России.

Проблема усугубляется, когда мы понимаем, что отсутствие ответов не является случайно распределенным среди населения, а затрагивает определенные сегменты, которые ведут себя иначе, чем другие. Например, на вопрос о количестве детей не ответили 31,6 процента городских женщин по сравнению с 10,9 процентами сельских. Поскольку в переписи подсчитываются только ответы и берется простое среднее значение, полученный коэффициент рождаемости смещен в сторону сельского населения, которое выше среднего. Подобным образом, если в Центральном федеральном округе нулевые ответы составляют 34,5 процента, то в Северо-Кавказском – 15,1 процента. Представленное Всероссийское среднее число рожденных детей на 1000 женщин склоняется в сторону рождаемости кавказского населения.

Что касается знания языков, кроме русского, доля неответивших в Чувашской Республике немного ниже, чем в среднем по федерации: 6,8 процента. В городах этот показатель составляет 9,9 процента, а в селах – 1,3 процента. Отсутствие ответов приводит к тому, что абсолютное число говорящих ниже фактического, но более высокая распространенность этой проблемы среди городского населения означает, что процент от общего числа населения, владеющего чувашским языком, может быть завышен. Это представляет собой проблему для используемого здесь метода исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования представлены ниже. Сначала приводятся данные на уровне Российской Федерации, а затем Чувашской Республики. Далее анализируются различия между пятью регионами с наибольшей концентрацией чувашеговорящих: Чувашией, Татарстаном, Башкортостаном, Ульяновской и Самарской областями. В завершение положение чувашского языка в Чувашии изучается во взаимосвязи с состоянием государственных языков в других пяти республиках

Приволжского федерального округа: Татарстане, Башкортостане, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии.

В таблице 1 представлены данные о носителях чувашского языка в РФ по данным трех последних переписей населения. Для понимания порядка величины приведены данные по численности населения (за исключением Республики Крым и г. Севастополя для облегчения сравнения) и этнической принадлежности. Существенным показателем, как уже упоминалось выше, является количество не ответивших на вопросы. Проценты представителей чувашской национальности и носителей чувашского языка приводятся как отношение не к общей численности населения, а к ответившим на вопросы переписи. Для 2021 г. эти данные были взвешены, чтобы учесть разницу в отсутствии ответов между городским и сельским населением. Например, нет данных о национальной принадлежности для 6,5 процента россиян, но эта доля составляет 8,2 процента для городских жителей и 1,4 процента для сельских. Принимая во внимание соотношение чувашей в городской и сельской местности, мы оцениваем их долю в 0,76 процента от общей численности населения вместо 0,78 процента, полученных прямым расчетом. В результате, по нашим расчетам, численность чувашей в России составляет около 1121 тысячи человек, вместо 1066, указанных в итогах переписи. Для простоты эта абсолютная цифра не приводится в таблицах, но может быть рассчитана читателем. Эти закономерности сохраняются для всех процентных соотношений говорящих того или иного языка и представителей той или иной национальности за 2021 г., приводимых в работе.

Данные показывают явное снижение численности чувашеговорящих, в то время как общая численность населения изменилась незначительно. Число говорящих на чувашском языке сократилось с 0,92 процента населения РФ в 2002 г. до 0,51 процента в 2021 г. Это

падение еще более выражено, чем сокращение доли лиц, идентифицирующих себя как чувашей: с 1,14 процента в 2002 г. до 0,76 процента в 2021 г.

Для того чтобы понять, увеличилась или сохранилась утрата говорящих за последний межпереписной период, необходимо принять во внимание увеличение числа не ответивших на вопросы в ходе различных переписей. Взвешенные данные с учетом городского и сельского населения представлены в таблице 2. Следует отметить, что процент сокращения несколько ниже, чем при невзвешенном подсчете (один-два процентных пункта). Впечатляет, что за последнее десятилетие снижение численности чувашей приблизилось к четверти, а числа говорящих – к трети. В предыдущее десятилетие – примерно 10–20 процентов соответственно. Процессы ассимиляции сильно ускоряются.

Учитывая разную продолжительность межпереписных периодов, предпочтительнее сравнивать совокупный среднегодовой темп роста. Так, в период 2002–2010 гг. среднегодовое снижение численности чувашеговорящих составило 2,68 процента, а в период с 2010 по 2021 гг. оно составило 3,39 процента. Ускорение подтверждено. Для сравнения: сокращение численности чувашей в эти периоды составляло соответственно 1,41 и 2,47 процента.

Известно, что среди чувашей язык почти всегда теряется раньше этнической идентификации, поскольку очень мало нечувашей, говорящих на чувашском языке. Данные переписи показывают, что утрата языка также происходит быстрее, чем утрата этнической идентификации. Поэтому неудивительно, что потеря этнической идентификации еще больше ускоряется, приближается к темпам потери знания языка.

Возрастное распределение носителей чувашского языка частично объясняет эту динамику. По данным переписи, медианный возраст населения РФ составляет

Таблица 1. Численность населения, чувашей и чувашеговорящих в РФ в 2002, 2010 и 2021 гг.

Table 1. Population, Chuvash and Chuvash-speaking people in the Russian Federation in 2002, 2010 and 2021

	2002	2010	2021 ¹
Население	145 166 731	142 856 536	144 699 673
Нет данных о национальной принадлежности, в % ²	1,0	3,5	6,5
Чуваши, всего	1 637 094	1 435 872	1 065 863
Чуваши, в % ³	1,14	1,03	0,76
Нет данных о владении языками, в %	1,0	3,2	8,2
Владеющие чувашским языком, всего	1 325 382	1 042 989	700 222
Владеющие чувашским языком, в % ⁴	0,92	0,75	0,51
Чуваши, владеющие чувашским языком, в %	- ⁵	68,9	61,4

¹ Для облегчения сравнения с предыдущими годами данные 2021 г. по общей численности населения и национальностям не учитывают Республику Крым и г. Севастополь. Численность чувашей в них, согласно переписи, составляет всего 1276 человек.

² Включает графу «Указавшие национальную принадлежность» минус графы «из них, отказавшиеся отвечать на вопрос о национальной принадлежности». На наш взгляд, вторую графу следует рассматривать не как отсутствие ответа, а скорее как отсутствие идентификации с какой-либо или только одной этнической принадлежностью.

³ Проценты, рассчитанные на население, по которому имеются данные о национальной принадлежности. Данные взвешены по количеству ответов среди городского и сельского населения за 2010 и 2021 гг.

⁴ Проценты, рассчитанные на население, по которому имеются данные о владении языками. Данные взвешены по количеству ответов среди городского и сельского населения за 2021 г.

⁵ Здесь и дальше знак (-) в таблицах значит, что нет данных.

⁶ Данные о национальности и языке взвешены по количеству ответов на соответствующие вопросы переписи населения.

Таблица 2. Динамика численности населения, чувашей и чувашеговорящих в РФ в межпереписные периоды, в % [6]
Table 2. Population dynamics, Chuvash and Chuvash-speaking population in the Russian Federation in the intercensus periods, in %

	2002–2010	2010–2021
Население	-1,6	1,3
Чуваши	-10,7	-24,1
Владеющие чувашским языком	-19,5	-31,5

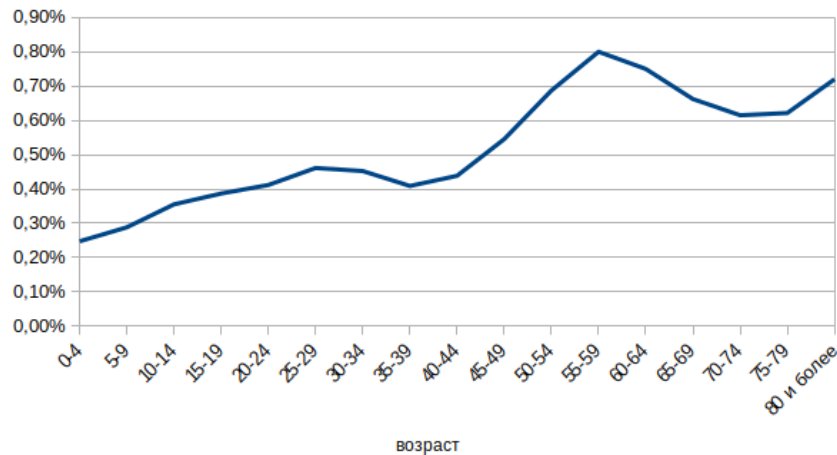

Диаграмма 1. Распределение владеющих чувашским языком в РФ по возрастным группам
Diagram 1. Distribution of Chuvash language speakers in the Russian Federation by age group

40,8 лет, а медианный возраст носителей чувашского языка в РФ – 50 лет. Для сравнения, медианный возраст чувашского населения в РФ составляет 46,3 года. Это еще раз свидетельствует о более высокой степени ассимиляции молодого населения и о том, что языковая ассимиляция перевешивает этническую ассимиляцию.

Графический перевод этой ситуации представлен в диаграмме 1.

Кривая показывает картину, почти идентичную описанной выше для Чувашской Республики. Примерно 25 лет до переписи 2021 г. наблюдается постепенное снижение числа новых говорящих. Тот факт, что это падение не такое резкое, как в период с 1960 по 1980 гг., мало утешает.

Таково положение чувашского языка на уровне Российской Федерации. Очевидно, что в Чувашской Республике его ситуация должна быть значительно лучше: гораздо большая плотность носителей делает чувашский не только внутрисемейным языком, но и в определенной степени социальным.

В отличие от РФ в целом, Чувашия за последнее десятилетие потеряла население в 5,2 процента. Это произошло несмотря на традиционно высокий уровень рождаемости, о котором сообщается в научной литературе [Чуваши, 2017, с. 332–333]. По данным последней переписи населения, рождаемость в Чувашии, не будучи исключительной (1,738 ребенка на одну женщину), аналогична среднему значению по Северо-Кавказскому федеральному округу (1,785). Демографический

спад вызван сильным оттоком населения в регионы, где содержание чувашского языка гораздо менее вероятно. В то же время продолжается значительный отток сельского населения. Поскольку передача языка из поколения в поколение среди городского населения практически ничтожна, а приток новых носителей языка через систему школьного образования полностью отсутствует, сельские жители являются почти единственными, кто обеспечивает преемственность языка. В 2010 г. Чувашия была субъектом Приволжского федерального округа с самым высоким процентом сельского населения (при том, что 84 процента сельских жителей были чувашами). Однако в период с 2010 по 2021 г. доля сельского населения снизилась с 41,2 до 36,1 процента. Подобные изменения не имеют сиюминутного воздействия, но важны в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Именно поэтому такие демографические изменения за последнее десятилетие не оказывают большое влияние на данные, представленные переписью 2021 г. Проблема в том, что это не новые тенденции, а продолжающиеся десятилетиями.

Аналогично таблице 1 для РФ, в таблице 3 приведены основные показатели по знанию чувашского языка в Чувашии за последние три переписи. Для сравнения приведены данные по чувашской этнической принадлежности. За последнее десятилетие произошло значительное сокращение численности говорящих на чувашском языке (с 56,5 до 42,2 процента). Как видно из таблицы 4, это гораздо большее снижение, чем в пре-

Таблица 3. Численность населения, чувашей и чувашеговорящих в Чувашской Республике в 2002, 2010 и 2021 гг.
Table 3. Population, Chuvash and Chuvash-speaking people in the Chuvash Republic in 2002, 2010 and 2021

	2002	2010	2021 ⁷
Население	1 313 754	1 251 619	1 186 909
Нет данных о национальной принадлежности, в %	0,3	3,8	7,3
Чуваши, всего	889 268	814 750	684 930
Чуваши, в %	67,9	67,7	61,5
Нет данных о владении языками, в %	0,4	3,3	6,8
Владеющие чувашским языком, всего	797 162	683 508	478 480
Владеющие чувашским языком, в %	60,9	56,5	42,2
Чуваши, владеющие чувашским языком, в %	85,8	83,6	-

Таблица 4. Динамика численности населения, чувашей и чувашеговорящих в Чувашской Республике в межпереписные периоды, в %⁸

Table 4. Population dynamics, Chuvash and Chuvash-speaking population in the Chuvash Republic in the intercensal periods, in %

	2002–2010	2010–2021
Население	-4,7	-5,2
Чуваши	-5,5	-13,3
Владеющие чувашским языком	-11,7	-29,1

дыдущий межпереписной период. В частности, в период 2002–2010 гг. среднегодовое снижение численности чувашеговорящих составило 1,54 процента, а в период с 2010 по 2021 гг. оно составило 3,07 процента. Темпы потери говорящих удвоились. Чувашская идентичность также теряется, хотя и не так быстро, как язык: с 5,5 в 2002–2010 гг. до 13,3 процента в 2010–2021 гг., что представляет собой ежегодную потерю 0,7 и 1,54 процента соответственно. Ускорение темпов снижения аналогично языковому: 1,83 раза – этничность, 2,00 раза – язык.

Следующий шаг – изучение того, как распределялась потеря носителей чувашского языка в различных субъектах федерации. Мы сосредоточимся на четырех субъектах, где, согласно переписи 2002 г., проживало более 100 000 чувашей: Татарстан, Башкортостан, Ульяновская и Самарская области. Это регионы, где чувашское население было в основном расселено в течение нескольких столетий. Большинство из них жили в моноэтнических деревнях, где чувашский язык традиционно был языком общения.

Хрущевская реформа образования повлияла на них по-разному. Татарская и Башкирская автономные республики в целом сохранили преподавание на чувашском языке в сельских начальных школах (как это было и в Чувашии). В Ульяновской и Самарской областях, напротив, в целом отменили преподавание на чувашском языке, хотя часто сохраняли этот язык в качестве школьного предмета. Это расхождение может в зна-

чительной степени объяснить более высокий уровень ассимиляции, наблюдаемый в областях по сравнению с республиками.

Однако необходимо также учитывать различное соотношение городского и сельского населения в разных регионах. По данным переписи 2021 г., около половины чувашского народа в Чувашии и Ульяновской области проживает в деревнях. Эта доля несколько выше в Татарстане и Башкортостане, где данный показатель увеличивается до 56 и 59 процентов соответственно. В Самарской области он значительно выше и достигает 68 процентов. Именно здесь, по данным 2002 г., в пяти сельских районах проживало более четверти чувашского населения. Сельская среда со значительной концентрацией населения одной национальности является положительным фактором для сохранения языка и этнической идентичности.

Для полноты сравнения мы добавили общее количество оставшихся субъектов федерации. В некоторых других областях также существуют исторические чувашские поселения, хотя и в меньших масштабах, чем в предыдущих регионах. Однако большинство из них – это переселенцы в другие регионы или их потомки. Погруженное в преимущественно русскоязычную среду, где многоязычие не считается обычным явлением, это чувашское население ассимилируется гораздо быстрее. Материалы по чувашской диаспоре в Москве показывают сильные тенденции к ассимиляции второго поколения [Куцаева, 2017; Куцаева, 2019]. Для краткости мы

⁷Проценты о чувашской национальности и языке с поправкой на неравномерное распределение нулевых ответов между городским и сельским населением.

⁸Данные о национальности и языке взвешены по количеству ответов на соответствующие вопросы переписи населения. Расчеты на 2021 г. с поправкой на неравное распределение нулевых ответов между городским и сельским населением.

Таблица 5. Численность населения, чувашей и чувашеговорящих в субъектах РФ в 2010 и 2021 гг.
Table 5. Population, Chuvash and Chuvash-speaking people in the subjects of the Russian Federation in 2010 and 2021

	Республика Татарстан		Республика Башкортостан		Ульяновская область		Самарская область		Другие субъекты РФ ⁹	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021	2010	2021	2010	2021
Население	3 786 488	4 004 809	4 072 292	4 091 423	1 292 799	1 196 745	3 215 532	3 172 925	129 237 806	131 046 862
Нет данных о национальной принадлежности, в %	0,2	1,6	2,4	0,6	5,3	12,0	3,8	2,5	3,6	6,9
Чуваши, всего	116 252	90 474	107 450	79 950	94 970	58 206	84 105	46 222	218 345	106 081
Чуваши, в %	3,1	2,3	2,7	2,0	7,8	5,5	2,7	1,5	0,18	0,09
Нет данных о владении языками, в %	0,4	2,0	2,7	0,7	5,4	12,3	4,1	2,8	3,2	7,0
Владеющие чувашским языком, всего	102 787	71 321	75 383	54 262	49 613	29 802	42 362	24 018	89 336	42 339
Владеющие чувашским языком, в %	2,7	1,8	1,9	1,3	4,1	2,7	1,4	0,8	0,07	0,04

сосредоточимся на изменениях в течение последнего межпереписного периода. Основные данные представлены в таблице 5.

Результаты показывают снижение чувашского языка и национальности во всех регионах, как в абсолютных цифрах, так и в процентах от населения, по которому имеются данные. Относительные различия между регионами, включая Чувашию, наилучшим образом заметны в таблице 6.

Сравнение показывает почти одинаковые темпы языкового сдвига в Чувашии, Татарстане и Башкортостане, в то время как в Ульяновской области они значительно выше. В Самарской области языковой сдвиг происходит гораздо быстрее: если в Чувашии за одиннадцать лет сократилось чуть более четверти говорящих, то в Самарской – почти половина. За пределами этих пяти регионов сокращение еще больше.

Этническая ассимиляция происходит несколько иначе. В Чувашии она составляет 13 процентов, что вдвое меньше языковой ассимиляции. В Татарстане темпы заметно выше (21,5%), чем в Чувашии, и еще выше в Башкортостане (27%): здесь нет такого же равенства, как при языковом сдвиге. Кроме того, если в Чувашии и Татарстане этническая ассимиляция идет значительно медленнее языковой, то в других регионах эти темпы очень близки.

Чтобы определить степень ускорения языковой ассимиляции в каждом исследуемом регионе, в таблицах 7 и 8 представлено среднегодовое изменение численности чувашеговорящих по субъектам РФ за два межпереписных периода.

Между 2002–2010 и 2010–2021 гг. языковая ассимиляция ускорилась в двух республиках, где она была

сравнительно медленной: в Чувашии она удвоилась (с 1,54 до 3,07 процента), а в Татарстане рост составил 60 процентов. В остальных субъектах федерации темпы снижения в основном остались прежними, за исключением Ульяновской области, где наблюдается колебание порядка 25 процентов. Таким образом, во всех трех республиках уровень снижения численности говорящих выровнялся, составив около трех процентов в год, что является действительно высоким показателем. В Ульяновской и Самарской областях этот уровень еще выше – около четырех-пяти процентов. В остальных регионах РФ ситуация еще хуже. В целом скорость языковой ассимиляции имеет тенденцию к выравниванию между регионами: если в 2002–2010 гг. соотношение между Чувашией и другими субъектами РФ колебалось от одного до четырех, то в 2010–2021 гг. – только от одного до двух. Проблема в том, что это выравнивание произошло за счет удвоения скорости в самом медленноменяющемся субъекте при прежней скорости самого быстрого. При превышении определенного процента дальнейшее ускорение затруднительно, за исключением случаев катастрофы, серьезно влияющей на демографию.

Как мы видим, скорость этнической ассимиляции в общем была заметно ниже языковой. Возможно, именно по этой причине она ведет себя по-разному. В случае этнической ассимиляции во всех регионах ее скорость удваивается или утраивается повсеместно при сравнении периода 2002–2010 гг. с 2010–2021 гг. В Чувашии и Татарстане ускорение чуть ниже удвоения, а в Башкортостане оно достигает пика в 3,5 раза. Различия, наблюдаемые между Татарстаном и Башкортостаном для двух типов ассимиляции, несколько удивительны. Это вопрос, который следует изучить отдельно. В отличие от языковой асси-

⁹ Без Чувашской Республики, Республики Крым и г. Севастополя.

Таблица 6. Динамика численности населения, чувашей и чувашеговорящих по субъектам РФ в периоде 2010–2021, в %¹⁰

Table 6. Population dynamics, Chuvash and Chuvash-speaking people by subjects of the Russian Federation in the period 2010–2021, in %

	Чувашская Респ.	Респ Татарстан	Респ. Башкортостан	Ульяновская обл.	Самарская обл.	Другие субъекты РФ
Население	-5,2	5,8	0,5	-7,4	-1,3	1,4
Чуваши	-13,3	-21,5	-27,1	-36,1	-46,3	-49,7
Владеющие чувашским языком	-29,1	-30,0	-29,5	-38,1	-44,9	-49,7

Таблица 7. Среднегодовое изменения численности населения, чувашей и чувашеговорящих по субъектам РФ в периоде 2002–2010, в %

Table 7. Average annual change in the number of population, Chuvash and Chuvash-speaking people by constituent entities of the Russian Federation in the period 2002–2010, in %

	Чувашская Респ.	Респ Татарстан	Респ. Башкортостан	Ульяновская область	Самарская область	Другие субъекты РФ
Чуваши	-0,70	-1,04	-0,81	-1,30	-1,91	-3,22
Владеющие чувашским языком	-1,54	-1,95	-3,08	-5,62	-5,88	-6,44

Таблица 8. Среднегодовое изменения численности населения, чувашей и чувашеговорящих по субъектам РФ в периоде 2010–2021, в %

Table 8. Average annual change in the number of population, Chuvash and Chuvash-speaking people by constituent entities of the Russian Federation in the period 2010–2021, in %

	Чувашская Респ.	Респ Татарстан	Респ. Башкортостан	Ульяновская область	Самарская область	Другие субъекты РФ
Чуваши	-1,29	-2,18	-2,83	-3,99	-5,50	-6,06
Владеющие чувашским языком	-3,07	-3,19	-3,13	-4,26	-5,27	-6,06

миллионы, в случае этнической не наблюдается заметного выравнивания темпов между регионами.

Остается только гадать, что произойдет в ходе следующей переписи.

В настоящее время, за исключением Чувашии и Татарстана, наблюдается выравнивание темпов двух видов ассимиляции. В Чувашии и Татарстане они ниже, хотя по этнической ассимиляции они достигли тех же темпов, что и по языковой ассимиляции в предыдущее десятилетие. Возможно, в десятилетия 2020–2030 гг. мы увидим поведение этнической ассимиляции, аналогичное тому, которое наблюдалось для языковой ассимиляции в 2010–2021 гг., если уровень пяти или шести процентов в год является своего рода пределом.

Остается изучить последний вопрос: является ли такая степень утраты чувашского языка обычной или аномальной по сравнению с другими государственными языками в Волго-Уральском регионе? Для этого мы проанализировали ситуацию в остальных пяти республиках Приволжского федерального округа. Основные данные представлены в таблицах 9 и 10 для последнего межпереписного периода, в таблице 11 отражается динамика для периода, что в основном вытекает из предыдущих данных.

Все сравнения должны проводиться с большой осторожностью. Здесь, однако, мы попытаемся сделать целостный обобщенный обзор. Важно, отметить некоторые особенности для отдельных республик. Для этого мы будем опираться на исходные данные переписи населения 2010 г. (таблицы 9 и 10).

Прежде всего плотность чувашей в титульной республике не встречается больше нигде в Поволжье. Только татары составляют чуть больше половины жителей их одноименной республики. Удмуртия – противоположность Чувашии, удмуртов в республике менее трети. Башкортостан – очень специфический случай со своеобразным башкирско-татарским биномом. В 2010 г. башкиры составляли около 30 процентов населения, а татары – около 25 процентов. Что касается языка, то часть людей, определяющих себя как башкиры, говорят по-татарски, а не по-башкирски. В результате в 2010 г. численность татароговорящих превысила численность башкироговорящих (27 процентов против 24). Следует отметить, что сложение башкир и татар, башкироговорящих и татароговорящих, вместе дает проценты, очень близкие к Татарстану (немного выше 50 процентов). Однако некоторым башкирам трудно принять это сочетание. В частности, в последние годы власти республики ведут работу по увеличению

¹⁰Приводятся взвешенные данные о национальности и языке в зависимости от количества ответов на соответствующие вопросы отдельно для городского и сельского населения по данным переписи.

Таблица 9. Численность населения, титульных национальностей и их языков в республиках ПФО с тюркским государственным языком в 2010 и 2021 гг.

Table 9. The number of population, titular nationalities and their languages in the Volga Federal District republics with the Turkic state language in 2010 and 2021

	Чувашская Республика		Республика Татарстан		Республика Башкортостан	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021
Население, всего	1 251 619	1 186 909	3 786 488	4 004 809	4 072 292	4 091 423
Нет данных о национальной принадлежности, в %	3,8	7,3	0,2	1,6	2,4	0,6
Титульная национальность, всего	814 750	684 930	2 012 571	2 091 175	1 172 287	1 268 806
Титульная национальность, в %	67,7	61,5	53,2	53,0	29,5	31,2
Нет данных о владении языками, в %	3,3	6,8	0,4	2,0	2,7	0,7
Владеющие языком титульной национальности, всего	683 508	478 480	1 965 498	1 547 426	935 810	940 315
Владеющие языком титульной национальности, в %	56,5	42,2	52,1	39,3	23,6	23,1
Представители титульной национальности, владеющие языком титульной национальности, в %	83,6	-	92,7	-	67,8	-

Таблица 10. Численность населения, титульных национальностей и их языков в республиках ПФО с финно-угорским государственным языком в 2010 и 2021 гг.¹¹

Table 10. Population numbers, titular nationalities and their languages in the Volga Federal District republics with the Finno-Ugric state language in 2010 and 2021

	Республика Марий Эл		Республика Мордовия		Удмуртская Республика	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021
Население, всего	696 459	677 097	834 755	783 552	1 521 420	1 452 914
Нет данных о национальной принадлежности, в %	4,9	6,4	0,4	2,5	3,6	13,1
Титульная национальность, всего	290 863	246 560	333 112	290 750	410 584	299 874
Титульная национальность, в %	43,9	38,2	40,1	38,0	28,0	23,7
Нет данных о владении языками, в %	5,1	9,9	0,5	4,2	3,7	14,1
Владеющие языком титульной национальности, всего	229 824	164 450	232 166	175 626	247 259	203 281
Владеющие языком титульной национальности, в %	34,8	25,4	27,9	22,8	16,9	14,8
Представители титульной национальности, владеющие языком титульной национальности, в %	76,1	-	68,1	-	56,0	-

¹¹ Для Мари Эл включает горномарийский и луговосточный марийский языки, для Мордовии – мокшанский и эрзянский.

Таблица 11. Динамика населения, титульных национальностей и их языков в республиках ПФО в период 2010–2021, в %¹²

Table 11. Dynamics of the population, titular nationalities and their languages in the Republics of the Volga Federal District in the period 2010-2021, in %

	Чувашская Республика	Республика Татарстан	Республика Башкортостан	Республика Марий Эл	Республика Мордовия	Удмуртская Республика
Население	-5,2	5,8	0,5	-2,8	-6,1	-4,5
Титульная национальность	-13,3	5,3	6,1	-13,9	-11,1	-23,9
Владеющие языком титульной национальности	-29,1	-20,1	-1,6	-28,8	-23,6	-16,1

количества людей, идентифицируемых как башкиры и башкирофоны [Латыпов, 2021; Мухтаров, 2021; Рахматуллин, 2020; Башкирский, 2021]. В Марий Эл и Мордовии также существуют разные степени дуализма, хотя и гораздо менее конфликтные, чем в Башкортостане. Для простоты мы группируем здесь луговой марийский и горномарийский, эрзянский и мокшанский языки, а также отдельные этнические идентичности, с которыми могут быть связаны их носители.

В таблице 11 результаты представлены в более сопоставимом формате. Как и предсказывали индексы vitality, потеря чувашеговорящих аналогична утрате финно-угорских языков региона.

Однако, что сразу бросается в глаза, так это то, что татарский язык в Татарстане находится на том же уровне: потеря носителей за 11 лет составила 20 процентов. С такой потерей, конечно, Атлас ЮНЕСКО больше не сможет считать татарский «находящимся в полной безопасности». Почему произошло такое резкое сокращение татарского языка в Татарстане – вопрос чрезвычайно важный для понимания динамики языков в Поволжье и в России в целом, но он выходит за рамки данного исследования.

Что касается башкирского языка в Башкортостане, то на основании имеющихся у нас данных пока трудно сказать, является ли реальным такое сравнительно небольшое уменьшение численности говорящих. На татарском языке в Башкортостане говорило 26,8 процента населения в 2010 г. и 20,2 процента – в 2021 г. Это представляет собой потерю 22 процентов говорящих, что очень похоже на утрату татарского языка в Татарстане. Возможно, что некоторые из тех, кто идентифицировал себя как носители татарского языка, теперь идентифицируют себя как башкирофоны, и этот процесс маскирует более или менее значительное уменьшение бывших носителей башкирского языка. Общее сокращение носителей башкирского и татарского языков в Башкортостане составляет 13,6 процента. Это почти равно потере удмуртских носителей в Удмуртии, то есть индекс, аналогичный показателям остальных республик региона.

Если говорить о чувашском языке, то мы видим, что он достиг, а может быть, и превзошел показатели потери носителей государственных языков в финно-угор-

ских республиках. Это вызывает вопросы, поскольку условия для чувашского языка являются и были объективно лучше, чем в Марий Эл, Мордовии и Удмуртии, с точки зрения доли говорящих в республике и поддержки чувашского языка в системе образования, по крайней мере, с 1960 гг.

Сравнение динамики численности говорящих с изменениями в этнической идентичности показывает некоторые иногда удивительные различия. Самым ярким примером опять является Татарстан, где число людей, идентифицирующих себя как татары, растет теми же темпами, что и население, что совершенно противоположно тому, что происходит с татарским языком. Удмуртский случай также неожиданный, поскольку это единственный случай, когда этническая ассимиляция превышает языковую ассимиляцию. При этом, в то же время, первый показатель удивительно высок по сравнению с другими республиками, а степень языкового замещения аномально низка по сравнению с Чувашией, Марий Эл и Мордовией. Чувашский язык снова находится на одном уровне с двумя последними республиками. Это, по-видимому, подкрепляет идею о сходстве чувашского языка с соседними финно-угорскими языками в плане скорости ассимиляционных процессов.

Выводы

В целом изучение данных переписи населения показывает, что за последнее десятилетие среднегодовая утрата численности чувашеговорящих в России составила примерно три процента. Это очень негативный показатель, вдвое превышающий темпы потерь в предыдущее десятилетие. Кривые численности носителей чувашского языка в зависимости от возраста не дают надежды на то, что ситуация изменится в краткосрочной или среднесрочной перспективе благодаря гипотетическим новым действиям в пользу чувашского и других миноритарных языков России. На уровне Чувашской Республики ситуация почти идентична РФ в целом в плане скорости потери носителей и ускорения за десятилетие. Как и ожидалось, скорость языковой ассимиляции выше в областях, чем в республиках. Ежегодное сокращение более чем на четыре-шесть процентов в течение как минимум двух десятилетий приводит к тому, что ожидае-

¹² Данные о национальности и языке взвешены по количеству ответов на соответствующие вопросы переписи населения.

мая численность чувашеговорящих в Ульяновской и Самарской областях через два десятилетия составит менее 10 000 человек, несмотря на то, что в конце советской эпохи их насчитывалось примерно 100 000.

К сожалению, положение с чувашским языком не сильно отличается от ситуации с множеством языков в Волго-Уральском регионе. Все они, за кажущимся исключением башкирского, переживают стремительное сокращение численности говорящих. Это происходит и в республиках, где языки, объявленные государственными, казалось бы, более защищенными. Даже татарский язык, похоже, вошел в эту динамику, как в Татарстане, так и в Башкортостане.

Хотя эти общие характеристики вряд ли противоречивы, исследование в разных республиках и областях показало серьезное ухудшение качества данных переписи. Большое количество отсутствия ответов сразу же означает, что абсолютные данные, такие как численность носителей, должны быть интерпретированы. Сравнение с предыдущими переписями на основе абсолютных цифр становится затруднительным. Что еще хуже: иногда очень большие различия в долях неответивших между субъектами федерации, а также между различными социальными группами внутри них, означают, что анализ должен быть тонко настроен. Здесь мы попытались уменьшить проблему путем взвешивания данных по городскому и сельскому населению. Это доступный для нас параметр. К сожалению, мы не знаем, больше ли неответивших в одних возрастных группах, чем в других, или в одних социально-экономических категориях, чем в других. Это факторы, которые имеют сильную корреляцию со знанием языков меньшинств. При проведении опроса эти моменты учитываются, но не при переписи населения. Но как только мы имеем уровни нулевых ответов с вероятным смещением в порядке 10, 15, 20 процентов и более, вопрос о надежности данных становится очень серьезным: например, 15 процентов нулевых ответов для языков, на которых говорит городское население Ульяновской области, или 20 процентов в Удмуртии. Для того чтобы переписи населения были точным и надежным инстру-

ментом, они должны быть проведены намного лучше, чем перепись 2021 г. При таком большом количестве отсутствия ответов более полезным может оказаться обширный опрос.

В любом случае, что касается интересующего нас вопроса о языках, данные демонстрируют, что языковая политика, проводимая в последние десятилетия, не работает, если речь идет о развитии миноритарных языков и сохранении языкового разнообразия государства. А если учесть, что с 2017 г., чтобы просто изучать в школе родной язык, язык большого числа соседей или государственный язык своего региона (если только это не русский язык), нужно писать заявление, то становится ясно, что ситуация может только ухудшиться быстрее.

Очень серьезное сужение основания возрастной пирамиды языкового сообщества показывает, что, как и для языков меньшинств в других странах, процесс возрождения чувашского языка должен иметь в качестве одного из своих основных компонентов создание новых носителей через систему школьного образования. Это необходимо для того, чтобы, возможно, через два-три поколения он снова достиг того количества говорящих, которое есть сегодня.

Однородность данных о потерях носителей языка в республиках также имеет большое значение. Сюда же следует отнести и Башкортостан, поскольку совокупная потеря 14 процентов носителей башкирского и татарского языков за десятилетие выделяет его как весьма схожий с другими случаями. Это равенство можно объяснить двумя причинами, которые не исключают друг друга. С одной стороны, федеральная языковая политика имеет гораздо больший вес, чем политика отдельных субъектов, поэтому различия в региональных политиках мало влияют на результат. С другой стороны, это может быть связано с тем, что региональные политики очень похожи друг на друга. В этом случае им следует внедрять инновации и больше ориентироваться на успешные примеры за пределами России. Но это, конечно, должно делаться и на уровне федерации.

Список литературы

1. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015. 324 с.
2. Алос-и-Фонт Э. Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015. 56 с.
3. Алос-и-Фонт Э. Устное владение языком своей национальности чувашами и татарами Комсомольского и Батыревского районов Чувашской Республики // Ашмаринские чтения. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2016. С. 89–99.
4. Алос-и-Фонт Э. Использование языков пассажирами в общественном транспорте Чебоксар // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2018. С. 204–208.
5. Баранова В. Языковая политика без политиков. Языковой активизм и миноритарные языки в России. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 240 с.
6. Башкирский ученый Тимур Мухтаров: «Цель обучения на диалекте – чтобы татарский не преподавался как родной». – URL : <https://kazan.mk.ru/social/2021/11/07/bashkirskiy-uchyonyy-timur-mukhtarov-cel-obucheniya-na-dialekte-chtoby-ne-tatarskiy-ne-prepodavalsya-kak-rodnoy.html> (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.
7. Всероссийская перепись населения 2020 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.
8. Всероссийская перепись населения 2002 года. – URL: <http://www.perepis2002.ru> (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.

9. Всероссийская перепись населения 2010 года. – URL : https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.
10. Долгова А. П. Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // *Родной язык*. 2020. №1. С. 25–48. DOI [10.37892/2313-5816-2020-1-25-48](https://doi.org/10.37892/2313-5816-2020-1-25-48).
11. Долгова А. П., Иванов Г. Н., Кондратьев М. Г., Матвеев Г. Б., Фокин П. П. Симбирско-Саратовские чуваша. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. 274 с.
12. Евдокимов В. Б., Ашиткова Т. В. О некоторых проблемах государственных языков в субъектах Российской Федерации // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. №33. С. 83–95.
13. Куцаева М. В. Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе московского региона // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2017. Т. 14, №1. С. 54-77. DOI [10.22363/2312-8011-2017-14-1-54-77](https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-54-77)
14. Куцаева М. В. Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16, №1. С. 21-34. DOI [10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34](https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34)
15. Латыпов Р. Тимур Мохтаров: «Башкортстанда «башкортлаштыру» сәясәте узачак» // *Интертат*. – URL : <https://intertat.tatar/news/timur-mohtarov-bashkortstanda-bashkortlashtyru-s-yas-te-uzachak> (дата обращения : 01.03.2023).
16. Методологические пояснения // Всероссийская перепись населения 2020 года. 2023. Том 5. – URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_Metodolog_VPN-2020.docx (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.
17. Мухтаров Т. Чем вредно для башкир внедрение «северо-западного диалекта»? // *Миллиард татар*. – URL : <https://milliard.tatar/news/cem-vredno-dlya-bashkir-vnedrenie-severo-zapadnogo-dialekta-798> (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.
18. Рахматуллин Т. Северо-западный диалект башкирского или татарский язык? // *Реальное время*. – URL : <https://realnoevremya.ru/articles/175360-severo-zapadnyy-dialekt-bashkirskogo-ili-tatarskiy-yazyk> (дата обращения : 01.03.2023). – Текст : электронный.
19. Чуваши: история и культура / под редакцией В. П. Иванова. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. 335 с.
20. Чуваши / под редакцией В. П. Иванова, А. Д. Коростелева, Е. А. Ягафовой. Москва : Наука, 2017. 653 с.
21. Alòs i Font H., Tovar-García E. D. Factors affecting the knowledge of Chuvash language amongst school students in Russia // *Sociolinguistic Studies*. 2015. Vol. 9, №4. P. 345–372. DOI [10.1558/sols.v9i4.26771](https://doi.org/10.1558/sols.v9i4.26771)
22. *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO, 2010. 3rd edition.
23. *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas : SIL International, 2023. 26th edition. – URL : <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.

References

1. Alos-i-Font, E. (2015). *Issledovanie yazykovoy situatsii v CHuvashskoj Respublike*. CHuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.
2. Alos-i-Font, E. (2015). *Prepodavanie chuvashskogo yazyka i problema yazykovogo povedeniya roditelej*. CHuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.
3. Alos-i-Font, E. (2016). Ustnoe vladenie yazykom svoej nacional'nosti chuvashami i tatarami Komsomol'skogo i Batyrevskogo rajonov CHuvashskoj Respubliki. *Ashmarinskie Chteniya*, 89–99.
4. Alos-i-Font, E. (2018). Ispol'zovanie yazykov passazhirami v obshchestvennom transporte CHEboksar. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala*, 204–208.
5. Baranova V. (2023). *Yazykovaya politika bez politikov. Yazykovoj aktivizm i minoritarnye yazyki v Rossii*. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki».
6. *Bashkirskij uchenyj Timur Muhtarov: «Cel' obucheniya na dialekte – chtoby tatarskij ne prepodavalsya kak rodnoj»*. (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from <https://kazan.mk.ru/social/2021/11/07/bashkirskiy-uchyonny-timur-mukhtarov-cel-obucheniya-na-dialekte-htoby-tatarskiy-ne-prepodavalsya-kak-rodnoj.html>
7. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from https://rosstat.gov.ru/vpn_popul
8. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2002 goda* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from <http://www.perepis2002.ru>.
9. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
10. Dolgova A. P. (2020). The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia. *Rodnoj yazyk*, 1, 25–48. <https://doi.org/10.37892/2313-5816-2020-1-25-48>.
11. Dolgova A. P., Ivanov G. N., Kondrat'ev M. G., Matveev G. B., Fokin P. P. (2004). *Simbirsko-Saratovskie chuvashi*. CHuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.
12. Evdokimov V. B., Ashitkova T. V. (2019). On some problems of state languages in the subjects of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 33, 83–95.
13. Kucaeva M. V. (2017). Loyalty to the Chuvash language in diaspora group of Moscow region. *Polylinguality And Transcultural Practices*, 14(1), 54-77. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-54-77>
14. Kutsaeva, M. V. (2019). Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora. *Polylinguality And Transcultural Practices*, 16(1), 21-34. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34>
15. Latyjpvov R. *Timur Mohtarov: «Bashkortstanda «bashkortlashtyru» sәyasәte uzachak»* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from <https://intertat.tatar/news/timur-mohtarov-bashkortstanda-bashkortlashtyru-s-yas-te-uzachak>.
16. *Metodologicheskie poyasneniya* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_Metodolog_VPN-2020.docx.

17. Muhtarov T. *СНем vredno dlya bashkir vnedrenie «severo-zapadnogo dialekta»?* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from <https://milliard.tatar/news/cem-vredno-dlya-bashkir-vnedrenie-severo-zapadnogo-dialekta-798>.
18. Rahmatullin T. *Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo ili tatarskij yazyk?* (n.d.). Retrieved March 1, 2023, from <https://realnoevremya.ru/articles/175360-severo-zapadnyy-dialekt-bashkirskogo-ili-tatarskiy-yazyk>.
19. Ivanova, V. P. (Ed.). (2009). *СHuvashi: istoriya i kul'tura*. СHuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
20. Ivanova V. P., Korosteleva A. D., YAgafovoj E. A. (Ed.). (2017). *СHuvashi*. Nauka.
21. Alòs i Font H., Tovar-García E. D. (2015). Factors affecting the knowledge of Chuvash language amongst school students in Russia. *Sociolinguistic Studies* 9(4), 345–372. <https://doi.org/10.1558/sols.v9i4.26771>
22. *Atlas of the World's Languages in Danger* (2010). UNESCO. 3rd edition.
23. *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas (2023). 26th edition. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.ethnologue.com/>.

Информация об авторах

Алос-и-Фонт Эктор, магистр, внешний сотрудник Исследовательского центра социолингвистики и коммуникации, г. Барселона, Испания;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4555-5742>;
e-mail: hectoralos@gmail.com

Information about the author

Ektor Alos-i-Font, master's degree, external collaborator at the Research Center for Sociolinguistics and Communication, Barcelona, Spain;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4555-5742>;
e-mail: hectoralos@gmail.com

Поступила в редакцию 28.02.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 28 February 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023

Литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока как часть мифа о русском поэте в мемуарных очерках Г. Иванова

<https://doi.org/10.31483/r-105938>

УДК 821.161.1.09-05(Гумилев)-94 +
821.161.1.09-05(Блок)-94

Королева В. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается проблема мифологизированного восприятия поэтов Серебряного века Н. Гумилева и А. Блока в произведениях Г. Иванова «Китайские тени» и «Петербургские зимы». Целью данного исследования является определение на основе сравнительного анализа литературных портретов Н. Гумилева и А. Блока, которые создаются с помощью приема контраста, специфики мифа о русском поэте в мемуарной прозе. Противопоставление двух поэтов у Г. Иванова происходит на основании ряда критериев: внешности, характера, отношения к творчеству, их политической позиции и т. д. В статье делается вывод о том, что Н. Гумилев и А. Блок, выступая как антиподы в глазах современников, тем не менее обладают сходными качествами, присущими русскому поэту: любовью к Родине, мечтательностью, благородством, рыцарством, романтичностью натуры, внутренним дуализмом, ненавистью к фальши, лжи и готовностью к самопожертвованию ради творчества. Г. Иванов, создавая литературный портрет поэтов, сочетает в их образах реальные черты с художественным восприятием их личности, тем самым делая их биографию частью мифа о русском поэте – пророке, для которого жизнь, Россия и творчество – единое целое.

Ключевые слова: Иванов, мифотворчество, миф о поэте, прием контраста, Блок, Гумилев.

Для цитирования: Королева В.В. Литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока как часть мифа о русском поэте в мемуарных очерках Г. Иванова // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 28-33. – DOI 10.31483/r-105938. – EDN UVWRKU

Review Article

Literary portraits of N. Gumilev and A. Blok as part of the myth about a Russian poet in G. Ivanov's memoirs

Vera V. Koroleva

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov
Vladimir, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of mythologized perception of the names of the poets of the Silver Age N. Gumilev and A. Blok in the works of G. Ivanov «Chinese Shadows» and «Petersburg Winters». The purpose of this study is to determine, based on a comparative analysis of the literary portraits of N. Gumilev and A. Blok, which are created using the contrast technique, the specifics of the myth about the Russian Poet in the memoir prose of G. Ivanov. The two poets are contrasted on the basis of a number of criteria: appearance, character, attitude to creativity, their political position, etc. In conclusion, the article concludes that N. Gumilev and A. Blok, acting as antipodes in the eyes of contemporaries, nevertheless, have similar qualities inherent in the Russian poet: love for the Motherland, dreaminess, nobility, chivalry, romantic nature, inner dualism, hatred of falsehood, lies and willingness to sacrifice for the sake of creativity. G. Ivanov, creating a literary portrait of poets, combines real features in their images with an artistic perception of their personality, thereby making their biography part of the myth of the Russian poet – prophet, for whom life, Russia and creativity are one.

Keywords: Ivanov, myth-making, the myth of the poet, contrast technique, Blok, Gumilev.

For citation: Koroleva V.V. (2023). Literary portraits of N. Gumilev and A. Blok as part of the myth about a Russian poet in G. Ivanov's memoirs. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 28-33. EDN: UVWRKU. <https://doi.org/10.31483/r-105938>.

Введение

Статья посвящена проблеме мифологизированного восприятия поэтов Серебряного века Н. Гумилева и А. Блока в произведениях Г. Иванова «Китайские тени» (1989) и «Петербургские зимы» (1989). Целью данного исследования является определение на основе сравнительного анализа литературных портретов Н. Гумилева и А. Блока, которые создаются с помощью приема контраста, специфики мифа о русском Поэте в мемуарной прозе Г. Иванова. Противопоставление двух поэтов происходит на основании ряда критериев: портрета, характера, мировосприятия, отношения к творчеству, принадлежности к литературной группировке, их политических предпочтений и т. д. Мемуары предстают не просто как воспоминания об известных

поэтах, а как яркий текст, в котором отражается процесс развития мифологемы «русский поэт» в литературе первой половины XX в.

Материал и методы исследования

В 1922 г. Г. Иванов эмигрирует из России и практически сразу погружается в работу над мемуарными очерками, первые из которых были опубликованы в 1924 г. в газете «Звено» под названием «Китайские тени». Затем появляются другие мемуары, например, «Петербургские зимы», «Невский проспект». Общая книга «Петербургские зимы», в которой Г. Иванов объединил свои воспоминания выходит в 1928 г.

В мемуарной прозе Г. Иванов создает литературные портреты некоторых писателей и поэтов Серебряно-

го века, с которыми он был хорошо знаком: А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Ф. Сологуба и др. Жанр литературного портрета дает Г. Иванову большие возможности для раскрытия личности человека, помогает создать представление о его индивидуально-неповторимом, живом облике, о его характере, а также позволяет показать личность поэта сквозь призму собственного восприятия, которое осознается через годы, собственное «ощущение» поэта, не акцентируя внимания на точность деталей.

Долгое время очерки Г. Иванова оставались в забвении. Это было связано с тем, что некоторые современники русского поэта отрицательно отзывались о его мемуарах. Например, у А. Ахматовой и Н. Мандельштам «Петербургские зимы» вызвали раздражение, другие обвиняли писателя во лжи и искажении фактов.

В последние годы можно наблюдать появление интереса к мемуарной прозе Г. Иванова. Так, о его философско-эстетических взглядах и их воплощении в текстах писали В. Заманская [Заманская, 1996], С. Семенова [Семенова, 2004]. Е. Гальцова рассматривает сюрреалистические аспекты творчества Г. Иванова [Гальцова, 1999], А. Е. Рылова – символистские [Рылова, 2006]. Ряд исследований посвящен проблеме соотношения документального и художественного в мемуарах автора [Аксенова, 1994; Арьев, 1994; Елагина, 2012; Грякалова, 2009; Тименчик, 1987]. На культурный контекст творчества Г. Иванова указывали М. Рубинс [Рубинс, 2017], Ю. В. Несынова [Несынова, 2007], Т. В. Данилович [Данилович, 2000] и др. Н. Н. Кознова и А. А. Роговский обращают внимание на модификацию жанра мемуаров в «Петербургских зимах» Г. Иванова [Кознова, 2015; Роговский, 2017]. Исследователи В. С. Федоров и А. А. Жукова обратили внимание на контраст, который наметился в творчестве Г. Иванова в восприятии Блока и Гумилева [Федоров, 2018; Жукова, 2018].

В настоящее время в литературоведении наметился новый аспект исследования творчества Г. Иванова – мифопоэтический [Федякин, 2021; Филатов, 2020], однако недостаточная изученность его мемуаров в этом аспекте дает возможность выявить новые мифологемы в прозе русского писателя. Актуальность данной статьи обусловлена возможностью на основе мемуаров русского писателя выявить специфику мифа о русском поэте в прозе Г. Иванова¹, что позволит внести вклад в определение мифологемы «русский поэт» в отечественной литературе первой половины XX в.

В ходе работы применялись следующие методы исследования: анализ литературных источников, сравнительно-сопоставительный и мифопоэтический анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1920 гг. Г. Иванов, осознавая, что уходит целая эпоха, и имена великих ему современников становятся

¹ Иванов Г. В. Китайские тени. Литературные портреты. Москва : Книга, 1989. URL : <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/kitajskieteni.txt> (дата обращения : 20.02.2023). – Текст : электронный.; Иванов Г. В. Собрание сочинений : в 3-х томах. Москва : Согласие, 1993. Том 3. 720 с.; Иванов Г. Петербургские зимы. Литературные портреты. Москва : Книга, 1989. URL : http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/russkie_zimy.txt (дата обращения : 20.02.2023). Текст : электронный.

ся историей, которую нужно сохранить, обращается к жанру мемуарных очерков, используя прием мифологизации исторических имен. Как известно, неомифологизм становится фундаментальным принципом творческого восприятия действительности у символистов. По словам И. С. Приходько, «Миф как бы прорастает в судьбу поэта и находит выражение в творчестве» [Приходько, 1994, с. 10]. Одной из форм мифологизации у символистов является мифологизированное восприятие имен великих предшественников. «Создавая свое слово о личности (миф о личности), автор выступает скорее как художник, чем как критик. В восприятии символистов имена великих... образуют особую мифологическую систему, единое культурное поле» [Приходько, 1999, с. 18–19]. По мнению Д. Максимова, в культурном поле есть свои как бы обособленные пары, в которых каждое имя связано с другими напряженными антитетическими отношениями» [Максимов, 1981, с. 347]. Например, для Д. Мережковского, А. Белого и А. Блока имеет большое значение оппозиция Достоевского и Толстого, из зарубежных авторов – Шекспира и Сервантеса, Гете и Шиллера и др. По словам А. В. Филатова, «совершенные символизмом открытия в области мифопоэтики во многом наследуются постсимволистскими течениями, включая акмеизм» [Филатов, 2020, с. 5]. Ориентация на миф нашла у акмеистов отражение в явлении житнетворчества, когда мифологические сюжеты становились основой автобиографических мифов, в которых факты жизни и факты искусства оказались тесно переплетены и подвергались взаимному влиянию.

Г. Иванов в своей мемуарной прозе создает литературные портреты, ориентируясь на мифотворчество. Осмысленная внешнее различие, разницу характеров, их поведения, мировосприятия, а также индивидуальную манеру стихосложения Г. Иванов создает свою мифологему Блок – Гумилев, в которой предстают два противоположных типа поэтов: мечтательного, тихого, пассивного интеллигентного Блока и эпатажного, активного авантюриста Гумилева.

Прием контраста помогает автору ярче показать самобытность натуры поэтов на фоне друг друга, отразить множественные оттенки смыслов. Яркий контраст личностей Блока и Гумилева, по всей видимости, сложился в сознании многих современников поэтов давно, но именно Г. Иванов по сути начинает литературную традицию сопоставления Блока и Гумилева, которая станет привычной в последующих литературных воспоминаниях. Например, И. Одоевцева в своих мемуарах «На берегах Невы» (1967) отмечает соперничество Н. Гумилева и А. Блока, а также противопоставляет их: «Гумилев говорит торжественно, плавно и безапелляционно... Так вот он какой. А я и не знала, что поэт может быть так непохож на поэта. Блок – его портрет висит в моей комнате – такой, каким и должен быть поэт».

В. Ходасевич в своем очерке «Гумилев и Блок» отмечает абсолютную противоположность Блока и Гумилева: «Пожалуй, трудно себе представить двух людей, более различных между собою, чем были они... Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев – лишь тогда, когда он писал стихи. Все это (и многое другое) завершалось тем, что они терпеть не могли друг

Этническая культура / Ethnic Culture
(2023) Vol. 5 No. 1, 28-33

друга – и этого не скрывали. Однако в памяти моей они часто являются вместе» [Ходасевич, 2017, с. 203].

В. Рождественский в очерке «Гумилев и Блок» указывает на напряженность в отношениях русских поэтов: «Они явно недолюбливали друг друга, но ничем не высказывали своей неприязни: более того, каждый их разговор представлялся тонким поединком взаимной вежливости и любезности» [Николай, 1990, с. 223].

Н. Павлович в очерке «Из воспоминаний об Александре Блоке» также свидетельствует о непростых отношениях Блока и Гумилева: «В жизни он [Блок] был с Николаем Степановичем вежливо холоден. Он уважал в нем честного противника, никогда не прибегавшего ко лжи и коварству, считал его талантливым и образованным поэтом, но не любил его стихов» [Павлович]. Автор воспоминаний также подчеркивает противоположность их характеров: «Блок – такой деликатный, старающийся никого не давить своим авторитетом». Гумилев – «надменный и втайне застенчивый, считающий поэзию как бы государством в государстве, а себя ее законодателем» [Павлович].

П. Струве в очерке «Блок – Гумилев» обращает внимание на то, что оба поэта были мечтателями, что свойственно поэтической натуре, но мечтательность эта была противоположной. У Гумилева она активная: «он тоже был мечтателем, но другого, чем Блок, – действительного типа. Он был воин по натуре и призванию, живший всем своим существом на войне и на охоте... У Блока пассивная: Блок был мечтатель в общем и глубоко смысле особого человеческого типа... И в то же время мечтатель бездейственный» [Струве].

В очерках «Китайские тени» Г. Иванов создает отдельные литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока на основе контраста, который реализуется в ряде оппозиций – принадлежности к литературному течению: Блок – символист, Гумилев – акмеист. В портретном описании поэтов: северный красавец Блок – некрасивый, даже уродливый Гумилев («...шел не сгибаясь, ...напоминая автомат... точно вырезанный из картона нос, ...его холодные косые глаза без бровей, ...внешность Гумилева тогда показалась мне странной до уродства. Он действительно был очень некрасив»). В противопоставлении характеров поэтов: спокойный и уравновешенный, склонный к аккуратности и методичности Блок и страстный, самолюбивый, эпатажный, бесстрашный Гумилев. Последний мечтал завоевать мир своими стихами, для чего разрабатывал план: «Эти стихи должны быть лучше всех существующих, должны поражать, ослеплять, сводить с ума».

Поэты у Г. Иванова отличаются и в описании образа, созданного ими в стихах и в жизни: Гумилев предстает, как бесстрашный исследователь Африки, гордый Георгиевский кавалер, отважный заговорщик, саботажник, белый офицер. Блок же напротив преданный рыцарь, слуга, заблудившийся в «Страшном мире» ребенок, любящий мир и тишину пацифист.

Если в мемуарах «Китайские тени» контраст еще только намечается, то в «Петербургских зимах» Г. Иванов открыто заявляет, что Блок и Гумилев были противоположны во всем: «Антиподы – в стихах, во вкусах, мировоззрении, политических взглядах, наружности –

решительно во всем. Туманное сияние поэзии Блока – и точность, ясность, выверенное совершенство Гумилева. Левый эсер Блок, прославившийся в «Двенадцати» Октябрь, и «белогвардеец», «монархист» Гумилев. Блок, относившийся с отвращением к войне, и Гумилев, пошедший воевать добровольцем... Блок, презиравший литературную технику, мастерство, выучку, ...и Гумилев, назвавший кружок своих учеников цехом поэтов».

Г. Иванов использует прием контраста не только при сопоставлении поэтов друг с другом, но и в описании образа каждого поэта в отдельности, отмечая двойственность, присущую их натуре. Вся жизнь Блока и Гумилева – это романтический конфликт между реальным и идеальным: «Гумилев был *слабый, неловкий, некрасивый* (курсив наш. – В. К.) ребенком», но мечтал быть сильным и красивым. На антитезе строится и отношение Гумилева к войне: он романтизировал войну «Рядил в жемчуга» победу». Вместо блестящих кавалерийских атак и надежд заработать «полный бант» приходилось сидеть «без конца во *вшивых окопах*» (курсив наш. – В. К.).

Г. Иванов отмечает внутреннюю двойственность Гумилева, который сочетает в себе две натуры: истинный, любящий «тихую жизнь, писанье стихов, шахматы, долгие одинокие прогулки где-нибудь в деревне», и придуманный, мнимый, эпатажный, храбрый. Автор «Китайских теней» обращает внимание на то, что маска Гумилева «стала его живым лицом». Не случайно Г. Иванов создает такой портрет Гумилева: «двигающийся манекен», «точно вырезанный из картона нос», «холодные косые глаза без бровей».

Подчеркивая позерство Гумилева, Г. Иванов использовал прием замены живого неживым: «Мой фрак, мой дом, моя жена», – Гумилев произносил все это с одинаковым торжественным безразличием. Казалось, что, если одну жену заменить другой – Гумилев этого не заметит, но, если у него вовсе отнять – безразлично, жену или фрак, – нарушится вся гармония его жизни».

Двойственность присутствует и в описании Блока: с одной стороны – душевная тонкость, благородство, рыцарство: «Блок был человек исключительной душевной чистоты. Он и низость – исключают друг друга понятия». С другой – любовь к самым грязным, проплеванным и прокуреным «злчным местам»: «Слон на Разъезжей, «Яр» на Большом проспекте...».

Г. Иванов изображает Блока по-разному в ранний период жизни и на ее закате. Блок прошлого – редкой душевной чистоты, мечтательный, чувствительный, справедливый: «Одаренный волшебным даром, добрый, великодушный, предельно честный с жизнью, с людьми и с самим собой, Блок родился с «ободранной кожей», с болезненной чувствительностью к несправедливости, страданию, злу». И этот почти идеальный человек уступил место Блоку настоящему: безразличному, холодному «отсутствующему», «с видом измученно-безразличным» он говорит «о скуке, безнадежности, бессмысленности».

Автор мемуарных очерков пытается осмыслить причину происходящего и приходит к мысли, что она заключена в «ущербе» Блока, который «уже начался – странный, болезненный ущерб, озаренный в 1918 г. зловещим блеском «Двенадцати», в 1921 – Смертью...».

Под этим ущербом Г. Иванов подразумевает разочарование в себе, в своих идеалах, в жизни вообще. «Должно быть, этот ущерб и начался с равнодушия, с презрения к жизни и к людям, которое все явственней слышится в разговорах Блока последнего, «закатного» периода». Г. Иванов, описывая эпизод на вечере блоковских стихов, видит в поэте отчуждение, скуку, которые приводят к потере контакта с аудиторией, безразличию к жизни и творчеству.

Однако, несмотря на, казалось бы, полную противоположность во всем у Блока и Гумилева, их объединяло благородство, рыцарство, романтичность натуры и истинная душа поэта. Гумилев соблюдал правила джентльменства, вежливости, дворянских традиций. Он всегда защищал слабого против сильного, был почтительно любезен со стариками, оберегал честь женщин. Оба поэта по сути вели вечный поиск «Прекрасной Дамы». По слова Г. Иванова, Гумилев постоянно влюблялся – направо и налево. Он называл это поисками «Прекрасной Дамы».

В итоге Г. Иванов приходит к мысли о схожей судьбе поэтов («общей – такой разной и одинаково трагической – смерти...»). Несмотря на противоположные характеры, поэты «братски сходились», их объединяло одно – любовь к поэзии: «как поэты и как русские люди они не только не исключали, а скорее дополняли друг друга». «Оба жили и дышали поэзией – вне поэзии для обоих не было жизни. Оба беззаветно, мучительно любили Россию. Оба ненавидели фальшь, ложь, притворство, недобросовестность – в творчестве и в жизни были предельно честны... Наконец, оба были готовы... идти на все, вплоть до гибели, и на страшном личном примере эту готовность доказали».

По мысли Г. Иванова оба поэта в конце жизни пришли к сходному состоянию – одиночеству, разочарованию и непониманию. «Самое тяжелое в жизни – одиночество. А я так одинок...» (Н. Гумилев). Г. Иванов писал: «Гумилев был действительно очень одинок – всю свою короткую жизнь он был окружен холодным и враждебным непониманием». Сходную ситуацию мы видим и у Блока: «так и остался не понят публикой, не прочувствован ей». Г. Иванов видел Блока потерявшимся «в нереальной реальности, в которой он жил и писал стихи», «заблудившимся в «Страшном мире» ребенком, боявшимся жизни и не понимавшим ее...». Блок был обречен на одиночество, так как созданный им мир был недосыгаем для других: «В эту блоковскую орбиту попадали немногие – но те, что попадали, все казались попавшими в нее случайно. Настоящих друзей, сколько-нибудь ему равных, у Блока не было».

Духовная опустошенность обоих поэтов проявляется у Г. Иванова в сходных эпитетах. Блок на закате жизни предстает как «живой мертвец», что отражается и во внешности, и в мировосприятии: «Под глазами резкие «мешки», еще резче глубокие морщины у рта. Широкие плечи сутулятся. ...и безразличный, холодный «отсутствующий» взгляд». Он высказывает «холодное одобрение» на восхищение его поклонников, безразличие к тому, что происходит вокруг: «Мертвецы палят по мертвым. Так что, кто победит – безразлично», отсутствию страха перед смертью «мне

не страшно. Ничуть. И это в порядке вещей. Страшно будет потом... живым».

Г. Иванов в своих мемуарах приходит к осознанию того, что новый век «железный», символом которого стала революция, привел к крушению старого мира, к кризису культуры. Новый мир, мир «живых мертвецов», которые возвращены на жестокости, убийстве и разрушениях, приведет к неизбежной расплате. Не случайно в повествовании Г. Иванов использует прием алогизма, который усиливают эффект абсурда: «Программа не выполнена, так как произошло три несчастья – арестован Гумилев, умер Блок – и... перегорело электричество».

Г. Иванов считает, что смерть поэтов была закономерной, связанной с невозможностью найти себе места в этом новом «мертвом», искусственном, хаотическом мире, с утратой веры в светлое будущее. Г. Иванов утверждает, что Блок умер не от болезни, «поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем».

Таким образом, Г. Иванов приходит к мысли, что русский поэт непременно обладает рядом качеств: любовью к Родине, мечтательностью, благородством, рыцарством, романтичностью натуры, внутренним дуализмом, ненавистью к фальши, лжи и готовностью к самопожертвованию ради творчества.

Г. Иванов, создавая литературный портрет поэтов, сочетает в их образах реальные черты с художественным восприятием их личности, тем самым делая их биографию частью мифа о русском поэте – пророке, для которого жизнь, Россия и творчество – единое целое. Быть поэтом в России – это тяжелый крест, который нужно нести всю жизнь, быть поэтом – значит обречь себя на «несчастную, беспокойную и томительную» жизнь, вместо «счастливой и спокойной». И Блок, и Гумилев были готовы «во имя этой «метафизической чести» – высшей ответственности поэта перед Богом и перед собой – идти на все, вплоть до гибели, и на страшном личном примере эту готовность доказали». Тем самым миф о Гумилеве – Блоке у Иванова становится частью мифа о русском поэте – пророке.

Выводы

Анализ мемуарных очерков Г. Иванова в мифологическом ключе позволяет говорить, что автор не просто создает портреты великих поэтов, но и продолжает использовать один из ведущих принципов символизма, который акмеисты продолжили вслед за символистами – мифологизацию культурных имен. В качестве ведущего принципа изображения Блока и Гумилева Г. Иванов использует прием контраста, который позволяет более ярко отразить личность поэтов, а также характеризует данный текст не просто как воспоминания, а как яркий мифологизированный текст, в котором отражается процесс развития мифологемы русский поэт в отечественной литературе первой половины XX в.

Дальнейшее исследование мемуаров Г. Иванова – актуальный вопрос, так как в главах, посвященных другим известным личностям, им используется ряд других приемов, характерных для художественных текстов, что позволяет глубже понять специфику мемуарной прозы русского писателя. Кроме того, это позволит расширить семантику мифологемы «русский поэт».

Список литературы

1. Аксенова А. Метафизика анекдота, или Семантика лжи // Литературное обозрение. 1994. №11. С. 52–60.
2. Арьев А. О красоте утрат. Лирика Георгия Иванова // Звезда. 1994. №11. С. 126–133.
3. Гальцова Е. Д. На грани сюрреализма. Франко-русские литературные встречи. Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов // Сюрреализм и авангард. Москва : ГИТИС, 1999. С. 105–126.
4. Грякалова Н. Ю. «Талант двойного зренья». Об одной визуальной метафоре у Георгия Иванова // Русская литература. 2009. №4. С. 39–47.
5. Данилович Т. В. Культурный компонент поэтического творчества Георгия Иванова: функции, семантика, способы воплощения. Минск : Институт современных знаний, 2000. 159 с.
6. Елагина О. Е. Проза Георгия Иванова: особенности поэтики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2012. 22 с.
7. Жукова А. А. А. А. Блок и Н. С. Гумилев: религиозно-философские основы творчества: женский идеал и его интерпретации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2018. 29 с.
8. Заманская В. Антитеза жизни – смерти в творчестве Г. Иванова: параметры, образное воплощение, «масштабы» экзистенциального мышления поэта // Русская литература первой трети XX века: проблемы экзистенциального сознания. Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Магнитогорск, 1996. С. 346–380.
9. Кознова Н. Н. «Петербургские зимы» Г. Иванова: к проблеме жанра // Печать и слово Санкт-Петербурга. 2015. Часть 2. С. 64–69.
10. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока. Ленинград : Советский писатель, 1981. 552 с.
11. Несынова Ю. В. Эволюция поэтической системы Г. В. Иванова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
12. Николай Гумилев в воспоминаниях современников / составитель, автор предисловия и комментариев В. П. Крейд. Москва : Вся Москва, 1990. 316 с.
13. Павлович Н. А. Из воспоминаний об А. Блоке. – URL : <https://gumilev.ru/biography/151> (дата обращения : 20.02.2023). – Текст : электронный.
14. Приходько И. С. А. Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1999. 79 с.
15. Приходько И. С. Мифопоэтика А. Блока : монография. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1994. 132 с.
16. Роговский А. А. Модификация жанра мемуара в сборнике Г. Иванова «Петербургские зимы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, №3. С. 443–448. DOI [10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448)
17. Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
18. Рылова А. Е. Георгий Иванов и русский символизм : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Шуя, 2006. 21 с.
19. Семенова С. Г. Изнанка и лицо обезбоженного мира (экзистенциальное сознание в прозе Георгия Иванова и Владимира Набокова) // Метафизика русской литературы : в 2 томах. Москва : Порог, 2004. Том 2. С. 164–204.
20. Струве П. Б. Блок – Гумилев. 1921. – URL : <https://gumilev.ru/biography/169/> (дата обращения : 20.02.2023). – Текст : электронный.
21. Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. №2. С. 260–274.
22. Федоров В. С. Блок и Гумилев: из истории отношений двух поэтов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. №1. С. 13–17.
23. Федякин С. Р. Мифотворчество Г. Иванова // Литературоведческий журнал. 2021. №2(52). С. 86–122. DOI [10.31249/litzhur/2021.52.06](https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.52.06)
24. Филатов А. В. Мифопоэтические стратегии акмеистов: аксиологический аспект (Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, О. Э. Мандельштам) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2020. 27 с.
25. Ходасевич В. Ф. Некрополь. Белый коридор. Москва : Директ-Медиа, 2017. 411 с. – URL : <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekropol/nekropol.htm> (дата обращения : 20.02.2023). – Текст : электронный.

References

1. Aksenova, A. (1994). Metafizika anekdota, ili Semantika lzhi. *Literaturnoe obozrenie*, 11, 52–60.
2. Ar'ev, A. (1994). O krasote utrat. Lirika Georgiya Ivanova, *Zvezda*, 11, 126–133.
3. Gal'cova, E. D. (1999). Na grani syurrealizma. Franko-russkie literaturnye vstrechi. ZHorzh Bataj, Irina Odoevceva i Georgij Ivanov. *Syurrealizm i avangard*, 105–126.
4. Gryakalova, N. YU. (2009). «Talan't dvojnogo zren'ya». Ob odnoj vizual'noj metafore u Georgiya Ivanova. *Russkaya literature*, 4, 39–47.
5. Danilovich, T. V. (2000). *Kul'turnyj komponent poeticheskogo tvorchestva Georgiya Ivanova: funkicii, semantika, sposoby voploshcheniya*. Institut sovremennyh znaniy.
6. Elagina, O. E. (2012). *Proza Georgiya Ivanova : osobennosti poetiki : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.
7. Zhukova, A. A. (2018). *A. A. Blok i N. S. Gumilev: religiozno-filosofskie osnovy tvorchestva: zhenskij ideal i ego interpretacii : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.

8. Zamanskaya, V. (1996). Antiteza zhizni – smerti v tvorchestve G. Ivanova: parametry, obraznoe voploshchenie, «masshtaby» ekzistencial'nogo myshleniya poeta. *Russkaya literatura pervoj treti XX veka: problemy ekzistencial'nogo soznaniya*, 346–380.
9. Koznova, N. N. (2015). «The Petersburg Winters» by G. Ivanov: to the problem of the genre. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga*, 64–69.
10. Maksimov, D. E. (1981). *Poeziya i proza Aleksandra Bloka*. Sovetskij pisatel'.
11. Nesynova, YU. V. (2007). *Evoluciya poeticheskoy sistemy G. V. Ivanova : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.
12. Krejd, V. P. (Ed.). (1990). *Nikolaj Gumilev v vospominaniyah sovremennikov*. Vsyta Moskva.
13. Pavlovich, N. A. *Iz vospominanij ob A. Bloke*. (n.d.). Retrieved February 20, 2023, from <https://gumilev.ru/biography/151>.
14. Prihod'ko, I. S. (1999). *A. Blok i russkij simvolizm: mifopoeticheskij aspekt*. Vladimirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
15. Prihod'ko, I. S. (1994). *Mifopoetika A. Bloka : monografiya*. Vladimirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
16. Rogovskij, A. A. (2017). Genre modification in G. Ivanov's memoir «Petersburg winters». *RUDN Journal Of Studies In Literature And Journalism*, 22(3), 443-448. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448>
17. Rubins, M. (2017). *Russkij Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-h godov v kontekste transnacional'nogo modernizma*. Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Rylova, A. E. (2006). *Georgij Ivanov i russkij simvolizm : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. SHuya.
19. Semenova, S. G. (2004). Iznanka i lico obezbozhennogo mira (ekzistencial'noe soznanie v proze Georgiya Ivanova i Vladimira Nabokova). *Metafizika russkoj literatury : v 2 tomah*, 164–204.
20. Struve, P. B. *Blok – Gumilev (1921)*. Retrieved February 20, 2023, from <https://gumilev.ru/biography/169/>.
21. Timenchik, R. D. (1987). Innokentij Annenskij i Nikolaj Gumilev. *Voprosy literatury*, 2, 260–274.
22. Fedorov, V. S. (2018). Blok and Gumilev: from history of the relations of two poets. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1, 13–17.
23. Fedyakin, S. R. (2021). Georgy Ivanov's formation of myth. *Literaturovedcheskij zhurnal*, 52, 86–122. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.52.06>
24. Filatov, A. V. (2020). *Mifopoeticheskie strategii akmeistov: aksiologicheskij aspekt (N. S. Gumilev, S. M. Gorodeckij, O. E. Mandel'shtam) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.
25. Hodasevich, V. F. *Nekropol'. Belyj koridor*. (2017). Retrieved February 20, 2023, from <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekropol/nekropol.htm>

Информация об авторе

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Information about the author

Vera V. Koroleva, doctor of philology, head of the department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 06 March 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023

Сонет «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...» С. Малларме в переводческой интерпретации В. Брюсова

<https://doi.org/10.31483/r-105742>

УДК 821.133.1-1"18"

(Малларме)=133.1=161.1 +
81'255.2(=133.1=161.1)-05(Брюсов)

Ли П. В.

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0004-7878-1297>, e-mail: shmatokpolina@gmail.com

Резюме. Статья посвящена рассмотрению переводческой рецепции В. Брюсова стихотворения С. Малларме «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...». Сонет представляет собой образец символистского искусства, главой которого во Франции был С. Малларме, а российской литературной традиции это движение впервые представил В. Брюсов. Анализ воплощения поэтических образов С. Малларме в переводе В. Брюсова важен еще и потому, что оба автора известны благодаря своему значительному вкладу в мировую литературу: С. Малларме изобрел новый поэтический язык, был назван принцем поэтов, а разностороннее творчество, публицистические и переводческие труды В. Брюсова обеспечили ему звание мэтра русского символизма. На данный момент существует целый ряд переводов сонета «Лебедь» на русский язык – больше, чем на любой другой, и первый перевод также был выполнен В. Брюсовым. В данной статье рассматривается третий, самый популярный вариант перевода, впервые получивший название «Лебедь». Сравнительно-сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов сонета позволяет выявить своеобразие брюсовского восприятия произведений С. Малларме, а также особенности поэтики русского символизма.

Ключевые слова: поэзия, русский символизм, французский символизм, переводческая рецепция, Брюсов, Малларме.

Для цитирования: Ли П.В. Сонет «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...» С. Малларме в переводческой интерпретации В. Брюсова // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 34-38. – DOI 10.31483/r-105742. – EDN TZWHSS

Research Article

The sonnet “Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...” by s. Mallarmé in the translational interpretation of V. Bryusov

Polina V. Li

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0004-7878-1297>, e-mail: shmatokpolina@gmail.com

Abstract. The article discusses the V. Bryusov's translation reception of the poem by S. Mallarmé “Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...”. The sonnet is an example of symbolist art, headed by S. Mallarmé in France, and first introduced to the Russian literary tradition by V. Bryusov. The analysis of the embodiment of S. Mallarmé's poetic images in V. Bryusov's translation is also important because both authors are renowned for their significant contribution to the world literature. S. Mallarmé created a new poetic language and was proclaimed a “prince of poets”, whereas V. Bryusov's versatile creative work as well as publicism and translations earned him a status of the master of Russian symbolism. Currently there are more Russian translations of the sonnet “The Swan”, rather than any other language, and the very first one also belongs to V. Bryusov. The article considers the third and most well-known translation, the first to be named “The Swan”. The comparative analysis of the original text of the sonnet and its translation allows to identify the specificity of Bryusov's perception of S. Mallarmé's poetry and the peculiarities of the poetics of Russian symbolism.

Keywords: poetry, Russian symbolism, French symbolism, translational reception, Bryusov, Mallarmé.

For citation: Li P.V. (2023). The sonnet “Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...” by s. Mallarmé in the translational interpretation of V. Bryusov. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 34–38. EDN: TZWHSS. <https://doi.org/10.31483/r-105742>.

Введение

С творчеством С. Малларме молодой В. Брюсов (1873–1924) познакомился в 1892 г., и сразу же был очарован его видением поэтических образов. М. Гаспаров о брюсовской манере перевода писал так: «Молодой Брюсов переводил не поэзию, а поэтику. Он выхватывал из переводимого произведения несколько необычных образов, словосочетаний, ритмических ходов, воспроизводил их на русском языке с разительной точностью, а все остальное передавал приблизительно, заполняя контуры оригинала собственными вариациями в том же стиле» [Гаспаров, 1997, с. 7].

Материал и методы исследования

Стихотворение С. Малларме «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...», написанное в 1885 г., в критической и переводческой традиции получило название «Лебедь». Так сложилось, что данное произведение в русской литературе переводилось много раз. В различных ракурсах его интерпретировали С. Зенкин, Н. Маньковская, А. Акимов, С. Горбовская, А. де Ля Фортель, О. Гвоздикова, Г. Козлова и И. Родионова, Т. Соколова, А. Копачева, Е. Пылаева и др. Для анализа перевода В. Брюсова использован сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В. Брюсов поставил перед собой ясную цель ввести символизм в российскую литературу и к тому же стать главой этого движения в России: «Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!» [Брюсов, 1927, с. 12].

В 1894–1895 гг. в печати впервые появляются произведения В. Брюсова: известно, что написаны они были под влиянием творчества П. Верлена, С. Малларме и Ш. Бодлера [Брюсов, 1961, с. 717]. Тогда как у С. Малларме рассудочный и методичный поиск абсолюта был центральной целью искусства, В. Брюсов в его творчестве более всего ценил разработанный им новый поэтический язык. Для В. Брюсова смысл искусства состоял не в стремлении к красоте, а в свободе, в выражении личности автора. В статьях «О искусстве» (1899) и «Ключи тайн» (1904) поэт описывает литературные направления последних двух столетий, указывая тенденцию освобождения личности от формализма и строгих правил, и именно французский символизм, по его мнению, должен был стать новым этапом развития русской литературы [Брюсов, 1904; Брюсов, О искусстве]. Автор считает, что абсолютно не важна форма, в которой написано произведение, если видна его сущность – «душа ее творца». Кроме того, с точки зрения В. Брюсова, «все свои произведения художник находит в самом себе» [Брюсов, О искусстве].

В отличие от В. Брюсова С. Малларме (1842–1898) отрицал присуждаемую ему позицию лидера школы французского символизма, так как не считал значимым существование литературных течений. Отличительная черта поэтики С. Малларме – стремление к абсолюту (идеалу, красоте). Лейтмотивом творчества поэта был замысел о формировании принципиально нового вида искусства, высшего по своей природе, и каждое произведение С. Малларме – шаг на пути к его воплощению. Апогей своего творческого пути автор видел в создании произведения – книги, работу над которой он вел на протяжении многих лет и так не успел завершить до своей смерти. Так как, по убеждению С. Малларме, идеальное произведение уже существовало в мире поэтического абсолюта и поэт должен лишь воссоздать его в мире материи, добиться точного отражения поэтического идеала возможно, отрешившись от творения [Малларме, 1995, с. 393–394].

Наследуя трансцендентность поэтики Ш. Бодлера, С. Малларме формирует ее в идее *le néant* – ничто: «...обретя Небытие, я обрел и Красоту...» [Малларме, 1995, с. 390], «...пустота, которая есть истина!» [Малларме, 1995, с. 387]. С 1865 г. С. Малларме вводит «ничто» в те строки своих стихотворений, где ранее аналогичные темы выражались такими образами, как «лазурь», «сон», «идеал». В итоге достижение идеала, абсолюта становится возможным через отрицание реального бытия. Это находит непосредственное отражение в языке: в стихах С. Малларме изобилие слов с отрицательным значением и отрицательных грамматических

конструкций, ср.: *n'ont pas fui* ‘не улетели’, *sans espoir* ‘без надежды’, *pour n'avoir pas chanté* ‘за то, что не воспел’, *nie* ‘отрицает’, *non l'horreur* ‘не от ужаса’, *s'immobilise* ‘обездвиживается’, *inutile* ‘ненужного’.

А. Тибодэ отмечал, что у С. Малларме ударными словами чаще всего служат не глаголы, а существительные, в следствие чего упраздняется субъект действия: «Мне нравится прибегать к безличности, которая представляется мне освящением» [Mallarmé, 1999, с. 350]. По словам Р. Барта: «суть всей поэтики Малларме в том, чтобы устранить автора, заменив его письмом» [Барт, 1989, с. 385–386]. С той же целью С. Малларме использует сложный синтаксис.

Отметим также особое символическое значение колорита, в частности, белого цвета. Он вбирает в себя все остальные цвета, является символом чистоты, света, истины, и в то же время – траура, смерти, Луны, символизирующей одновременно идеальный мир, мир мечты и зло, смерть. У С. Малларме восприятие белого цвета чаще всего связано с ощущением холода, возвышенности, того самого «ничто»: «А что касается образов холода, которые я так охотно использую, отвлекаясь от палящего зноя реальности, то знай, что уже месяц я брожу по самым чистым ледникам эстетики» [Малларме, 1995, с. 389–390], – пишет он другу в 1866 г.

Воплощением представлений С. Малларме об идеале, поэзии и поэте стало одно из самых известных поздних произведений поэта – сонет «*Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...*». Поэтический сюжет изображает прекрасного лебедя, скованного замерзшими водами озера, который тоскует о несостоявшихся полетах, застывших подо льдом. В исследовательской практике образ лебедя считается символом поэта – эта традиция восходит к оде Горация, где свободный полет прекрасной белой птицы означал поэтическое бессмертие. М. Гаспаров отмечает: «Лебедь был символом поэта как птица, посвященная Аполлону; считалось, что перед смертью он поет от радости, что душа его уходит к своему богу» [Гаспаров, 1970, с. 440]. Образ лебедя также возникал в творчестве Т. Готье, Ш. Бодлера, Р. Рильке, но в отличие, например, от лебедя Ш. Бодлера, лебедь С. Малларме – не бунтарь, а обессиленный изгнанник [Маньковская, 2020], и если у Ш. Бодлера есть наблюдатель, сопереживающий больному лебедю, который не может взлететь, даже если вырвется из клетки, то лебедь С. Малларме абсолютно одинок, у него нет надежды на спасение. Основная тема сонета, по замечанию С. Зенкина, – творческое бессилие, что «отчетливо перекликается с собственно маллармеанской темой творческого бессилия поэта» [Зенкин, 1995, с. 14].

Настоящее стихотворение французского поэта часто называют белым сонетом – «перед нами настоящая симфония белого цвета в образе Лебедя» [Копачева, 2010, с. 45]: *le givre* ‘иней’, *le transparent glacier* ‘прозрачный ледник’, *blanche agonie* ‘белая агония’, *pur éclat* ‘чистый блеск’, *au songe froid de mépris* ‘в холодном сне презрения’. Сам белый лебедь и его девственная чистота ассоциируется с белым одеянием. Сложный синтаксис с двусмысленно употребленным

местоимением *il*, которое может относиться как к сегодняшнему дню, так и к самому лебедю, приводит к тому, что, по выражению С. Зенкина, «лебедь утрачивает всякую реальность, растворяется в неопределенности пустого пространства» [Зенкин, 1995, с. 15]. В «Эмалях и камнях» Т. Готье проникательно замечал, что лебедь у С. Малларме – не живой, а скульптурный, наподобие скульптуры в зимнем парке [Готье, 2008, с. 56]: *Вот лебедь, плавающая, закован / среди бассейна Тюльери...* (пер. Н. Гумилева).

В русской традиции переводчики, как правило, сохраняют только одну из двух ипостасей лирического героя: автор у них ведет диалог либо с лебедем, как, например, у М. Волошина, А. Ревича, М. Талова, В. Брюсова, либо с «сегодня» у И. Тхоржевского, Р. Дубровкина.

Согласно дневниковым записям В. Брюсова, к переводам С. Малларме он обратился в 1893 г. Сонет «Лебедь» им переведен в 1895 г. – это был первый вариант, второй вариант перевода появился позднее в этом же году, а предположительно в 1906 – третий.

Мы рассмотрим наиболее известный, третий вариант, который впервые из всех переводов получил название «Лебедь».

В. Брюсов сохраняет поэтическую форму и оригинальное деление на строфы. Все четырнадцать строк оригинального текста имеют рифмы на звук *и*, создающие монотонное звучание, подчеркивающее настроение стихотворения. В переводе рифмы очень разнообразны, кроме того, ритм переводного текста более прерывистый, что нарушает бесстрастную атмосферу произведения.

В первой строфе переводчик конкретизирует главного героя, делает его более реальным. В оригинале прилагательные *девственный, стойкий, живучий* создают противоречивое сочетание, отрешенность в сочетании с жизненной силой, при чем неясно, относятся ли они к лебедю или к абстрактному «сегодня». У В. Брюсова они явно характеризуют лебеда, он бессмертный – вечный, неподверженный влиянию смерти, что в сочетании со словами *девственный, властитель красоты* создает гармоничный образ. Вместо риторически-абстрактного вопроса, который задает С. Малларме: «разорвет ли он ныне?», в переводе возникает диалог с лирическим героем: *Бессмертный, девственный, властитель красоты. / Ликующим крылом ты разобьешь ли ныне / бывшее озеро, где спит окован в иней, / полетов ясный лед, не знавших высоты!*

Лебедь С. Малларме разрывает лед «восторженным крылом». У прилагательного *ivre*, кроме первого значения «опьяненный», есть также значение «тот, кому тревожит ум восторг, бред, смятение страсти». Перевод В. Брюсова «ликующим крылом» рисует торжественный и энергичный образ. «Полетов ясный лед» воссоздает «холодную белизну» французского текста, а также поэтично выражает идею не осуществившихся полетов.

Второй катрен в переводе становится более экспрессивным, так как вводится восклицательное междометие, а также интонация высказывания изменяется на восклицательную.

И вновь здесь создающее дистанцию местоимение *он* заменено на *ты*: *О, лебедь прошлых дней, ты помнишь: это ты! / Но тщетно, царственный, ты борешься с пустыней; / уже блестит зима безжизненных уныний, / а стран, где жить тебе, не создали мечты.*

Слово *cygne* «лебедь» во французском языке омонимично слову *signe* «знак, символ», и этот элемент вносит дополнительный слой значения в текст сонета: С. Малларме отдает первенство словам в своих произведениях. Это соотношение, к сожалению, невозможно передать на русский язык. Прилагательное *царственный* соединяет блеск и величие оригинального эпитета, но атрибуция изменена, и теперь прилагательное используется как характеристика, данная автором, а не как качество, присущее самому лебедю. Переводчик словно доказывает лирическому герою бесполезность его борьбы, но оригинальный образ отличается: лирический герой смирился со своей участью и понимает, что надежды освободиться нет. Оригинальный глагол *délivrer* кроме «освободиться» также имеет значение «создать; осуществить». Это значит, что песнь, которую должен был перед смертью исполнить лебедь, и была его творением, в песне он мог сотворить место своего обитания. Тогда как лебедь С. Малларме соответствует окружающей его холодной белизне, почти растворяясь в ней, брюсовский лебедь противопоставлен безжизненному пространству вокруг, поскольку сам он бессмертный, и его среда обитания могла быть лишь в его воображении.

В третьей строфе В. Брюсов подкрепляет образ борьбы лирического героя с враждебным внешним миром. В оригинале первое предложение грамматически содержит двойной смысл: шея отрывает с себя агонию или же агония сотрясает шею лебеда, и переводчик делает выбор в пользу первого варианта: *Белеющую смерть твою колеблет шея, / пространство властное ты отрицаешь, но / в их ужасы крыло зажато, все слабее.*

Лебедя С. Малларме не занимает «ужас земли» или «оперения», он обессилен и смирен, но у В. Брюсова вновь он изображен поверженным в борьбе, его покидают силы. Выразительная интонация добавлена и в последней четвертой строфе – снова вводится восклицательное междометие и два восклицательных знака: *О призрак, в этой мгле мерцающий давно! / Ты облакаешься презреньем сном холодным, / в своем изгнании, – ненужном и бесплодном!*

Лебедь повторно противопоставлен окружающему его миру теперь на основании дихотомии света и тьмы. В оригинале лебедь замирает, перестает двигаться в презрении к миру, к реальности, к собственным возможностям. В интерпретации В. Брюсова лебедь облакается сном, вновь создает царственный образ. Переводчик вводит восклицание в финальную строку сонета, завершая его на экспрессивной ноте.

Итак, в тексте В. Брюсова утрачивается безличность и призрачность образов, к которой так стремится С. Малларме. Исследователь А. де Ля Фортель отмечает, что «если у Малларме, благодаря использованию местоимения третьего лица, акцентируется дистанция между высказывающим и высказываемым, то поэтиче-

ское высказывание у Брюсова строится как лирический диалог («ты» подразумевает присутствие «я») с его собственным объектом» [Фортель, 2018, с. 146]. Образ лебеда становится очень конкретным, и сам смысл произведения изменился: лирический герой противопоставлен враждебному миру, и поверженный в борьбе, погружается в холодный сон. С точки зрения синтаксиса тоже происходят изменения: переводчик увеличивает количество восклицательных знаков, создавая более трагичное, экспрессивное настроение.

В 1897 г., всего через два года после создания первых двух переводов «Лебеда», В. Брюсов пишет стихотворение «Я люблю» и посвящает его будущей жене И. Рунт: *Я люблю тебя и небо, только небо и тебя, / я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя. // В светлом небе – бесконечность: бесконечность милых глаз. / В светлом взоре – беспредельность: небо, явленное в нас. // Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен. / Я смотрю в глаза: в них та же – даль пространств и даль времен. // Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах, / меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах. // Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя... / Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.*

Эпиграфом к стихотворению В. Брюсов выбрал строки из стихотворения Ф. Тютчева «Лебедь»: «Между двойною бездной». Две бездны у Ф. Тютчева – это небо и вода, и поэт в образе лебеда находится на границе двух миров – мира поэтического идеала и мира реальности.

Двоемирие присутствует и в тексте произведения В. Брюсова: лебедь-поэт, качающийся на волнах, также помещен на пересечении двух стихий. Однако бездны в его произведении – это небо так же, как и у Ф. Тютчева, и «бездна взора». Но для В. Брюсова они близки по своей природе, так как и небо, и любовь к женщине для поэта символизируют идеал. В этом произведении отражено понимание автором искусства как выражения творческого «я» – он не перестает быть служителем искусства, поэтом, если свое стремление к идеалу разделяет с любовью к женщине.

Интересно также, что в 1910 г. В. Брюсов перевел оду Горация «К Мекенату», ко всему прочему называемую «Лебедем». Гораций – представитель «золотого века» римской литературы, его читали как в античности, так и в новое время, поэтому неудивительно, что существует множество переводов его произведений, в частности двадцатой оды. К. Элкинс предполагает, что «Лебедь» Ш. Бодлера мог быть реминисценцией на оду Горация [Elkins, 2002, с. 1], а, следовательно, «Лебедь» С. Малларме, возможно, также восходит к этому произведению:

*Не на непрочных, не на простых помчусь
Крылах, двуликий, в выпрямленном воздухе,
Поэт, и в землях не замедлю
Дольше, но, зависти недоступный,
Покину грады. Тот я, от бедных кто
Рожден был предков, тот я, зовешь кого,
Мой милый Мекенат, избегну
Смерти, волной не задержан Стига.
Вот, вот, ложится кожа на голених
Все жестче, птицей делаюсь белою,
И легкие возрастают сверху
На раменах и на пальцах перья.*

*Я, чем Дедалов Икар, известнее
Брега увижу гулкою Боспора,
Гетулов сирты и пределы,
Где Гиперборей, певчей птицей.
Меня и Колхи и, кто скрывает страх
Пред строем Марсов, Дак, и предельные
Гелоны будут знать, изучит
Мудрый Ибер и из Роны пьющий.
К чему на мнимом плач погребених,
Скорбей постыдность, как и все жалобы,
Оставь стенанья, и гробнице
Почестей не воздавай бесплодных.*

В оде показано преобразование поэта в птицу, символизирующее путь к бессмертию поэта. В финале оды лирический герой не желает, чтобы о нем скорбели, ведь он не умирает, а трансформируется. Поэт бежит от зависти, и слава его разносится по всей земле. Он торжествует, ведь все услышат его и узнают. Интересно, что трансформацию поэта в птицу некоторые переводчики конкретизировали, изображая превращение героя в лебеда (Г. Державин, В. Капнист, Н. Шатерников), но В. Брюсов назвал лирического героя «птицей белою», «певчей птицей». В. Брюсов при переводе использовал буквалистский метод, сохранив все мифологические именованья и географические названия, точно передал оригинальные образы. Его целью при переводе было дать «возможность лицам, не знающим латинского языка, читать Горация по-латыни» [Брюсов, 1971, с. 127].

Очевиден контраст лебеда Горация в переводе В. Брюсова с маллармеанским лебедем, не имеющим сил оторваться от брэнной с земли. Лебедь Горация полон жизни и творческих сил, ему не составляет труда совершить этот символический побег, никакой борьбы не требуется, тогда как герою С. Малларме никакая борьба не нужна, и он смирен своим бессилием. Учитывая эстетические взгляды В. Брюсова – его поиски свободы в искусстве («А я ищу свободы в искусстве» [Брюсов, О искусстве]) и убежденность в необходимости выражения авторского «Я» в творчестве: лебедь Горация с его свободой и славой гораздо ближе В. Брюсову.

Выводы

Таким образом, восприятие В. Брюсовым поэтических образов С. Малларме указывает на разницу их эстетических взглядов: в понимании В. Брюсова поэт должен выражать свое творческое «я», тогда как С. Малларме считал символическую смерть автора необходимой для воплощения поэтического замысла [Малларме, 1995, с. 394]. С. Малларме стремился избавиться от субъективного лиризма, ведь «чувства только мешают» [Копачева, 2010, с. 40–48], а по мнению В. Брюсова «художник пересказывает свои настроения; его постоянная цель – раскрыть другим свою душу» [Брюсов, О искусстве]. Это также указывает на разнонаправленность путей, по которым развивался французский и русский символизм. Использование образа лебеда в авторском произведении В. Брюсова подтверждает, что поэт отчасти воспринимает «Лебеда» С. Малларме сквозь призму родной литературы (а именно: через творчество А. Пушкина, Е. Баратынского, Ф. Тютчева) и собственное понимание поэтического идеала.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910 / подготовила к печати И. М. Брюсова ; примечания Н. С. Ашукина. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.
3. Брюсов В. Я. Ключи тайн. Весы. 1904. №1. – URL : http://dugward.ru/library/brusov/brusov_kluchi_tayn.html (дата обращения : 08.11.2022). – Текст : электронный.
4. Брюсов В. Я. Несколько соображений о переводе од Горация русскими стихами // Мастерство перевода. Москва : Советский писатель, 1971. 483 с.
5. Брюсов В. Я. О искусстве. – URL : http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1899_o_iskusstve.shtml (дата обращения : 08.11.2022). – Текст : электронный.
6. Гаспаров М. Л. Примечания // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Москва : Художественная литература, 1970. С. 5–38.
7. Гаспаров М. Л. Путь к перепутью (Брюсов-переводчик) // Торжественный привет: стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. Москва : Прогресс, 1997. С. 5–15.
8. Готье Т. Зимние фантазии // Гумилев Н. С. Собрание переводов : в 2-х томах. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. Том 1. 432 с.
9. Зенкин С. Н. Пророчество о культуре (творчество Стефана Малларме) // Малларме С. Сочинения в стихах и прозе. Москва : Радуга, 1995. С. 5–38.
10. Копачева А. Р. Концепт «белый цвет» в поэтических образах французского символизма // Французский акцент в мировой культуре. Иваново : Ивановский государственный университет, 2010. С. 40–48.
11. Малларме С. Сочинения в стихах и прозе / составитель Р. Дубровкин. Москва : Радуга, 1995. 565 с.
12. Маньковская Н. Б. Лебедь, закованный льдом. Эстетические воззрения Стефана Малларме // Художественная культура. 2020. №1. DOI [10.24411/2226-0072-2020-00001](https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00001).
13. Фортель А. де Л. Шарль Бодлер и Стефан Малларме в переводах русских символистов // Modernités russes. 2018. С. 139–147. – URL : https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2018_num_17_1_1145 (дата обращения : 8.11.2022). – Текст : электронный.
14. Elkins K. Stalled Flight: Horatian Remains in Baudelaire's «Le Cygne» // Comparative Literature Studies. 2002. Vol. 39, No. 1. pp. 1-17. DOI [10.1353/cls.2002.0004](https://doi.org/10.1353/cls.2002.0004).
15. Mallarmé S. Correspondance complète 1862–1871 suivie de lettres sur la poésie 1872–1898. Paris : Gallimard, 1999. 450 p.

References

1. Bart R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Progress.
2. Bryusov, V. YA. (1927). *Dnevniky 1891–1910* (I. M. Bryusova & N. S. Ashukina, Eds.). M. i S. Sabashnikovy.
3. Bryusov, V. YA. (1904). *Klyuchi tajn. Vesy*. Retrieved November 8, 2022, from http://dugward.ru/library/brusov/brusov_kluchi_tayn.html
4. Bryusov V. YA. (1971). Neskol'ko soobrazhenij o perevode od Goraciya russkimi stihami. *Masterstvo perevoda*, 483.
5. Bryusov V. YA. *O iskusstve*. (n.d.) Retrieved November 8, 2022, from http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1899_o_iskusstve.shtml.
6. Gasparov M. L. (1970). *Primechaniya. Goracij. Ody. Epody. Satiry. Poslaniya*, 5–38.
7. Gasparov M. L. (1997). Put' k pereput'yu (Bryusov-perevodchik). *Torzhestvennyj privet: stihy zarubezhnyh poetov v perevode Valerija Bryusova*, 5–15.
8. Got'e T. Zimnie fantazii. Gumilev N. S. *Sobranie perevodov : v 2-h tomah*, 432.
9. Zenkin S. N. (1995). Prorochestvo o kul'ture (tvorchestvo Stefana Mallarme). *Mallarme S. Sochineniya v stihah i proze*, 5–38.
10. Kopacheva A. R. (2010). Koncept «belyj cvet» v poeticheskikh obrazah francuzskogo simvolizma. *Francuzskij akcent v mirovoj kul'ture*, 40–48.
11. Mallarme, S. (1995). *Sochineniya v stihah i proze* (R. Dubrovkin, Ed.). Raduga.
12. Man'kovskaya N. B. (2020). *Ice-bound swan. The aesthetic views of Stephen Mallarmé*. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00001>.
13. Fortel' A. de L. *SHarl' Bodler i Stefan Mallarme v perevodah russkikh simbolistov* (n.d.) Retrieved November 8, 2022, from https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2018_num_17_1_1145.
14. Elkins, K. (2002). Stalled Flight: Horatian Remains in Baudelaire's "Le Cygne". *Comparative Literature Studies*, 39(1), 1-17. <https://doi.org/10.1353/cls.2002.0004>.
15. Mallarmé S. (1999). *Correspondance complète 1862–1871 suivie de lettres sur la poésie 1872–1898*. Gallimard.

Информация об авторе

Ли Полина Викторовна, аспирант, Дальнево-сточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7878-1297>; e-mail: shmatokpolina@gmail.com

Information about the author

Polina V. Li, postgraduate student in the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7878-1297>; e-mail: shmatokpolina@gmail.com

Поступила в редакцию 02.03.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 02 March 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023

О «Сравнительном бесермянском словаре» Н. П. Штейнфельда

<https://doi.org/10.31483/r-105778>

 УДК 81'374(=511.161)09-05(Штейнфельд) +
811.511.131(=511.161)

Максимов С. А.

 Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме. Работа посвящена исследованию одного из первых письменных памятников, представляющих бесермянское наречие. Подобные источники имеют особую значимость, поскольку проблема этнической истории бесермян до сих пор остается дискуссионной. В ходе работы применялся описательный метод, частично – метод этимологического анализа. При рассмотрении словарного материала особая роль была отведена правильному прочтению записей и их интерпретации. Четкой системы передачи бесермянских звуков Н. П. Штейнфельд не выработал. Однако путанность в записи слов в первую очередь отражает особенности произношения, которые составитель словаря пытался уловить в процессе фиксации каждого слова. В отдельных случаях он обратил внимание на такие особенности в речи бесермян, которые ускользнули даже от опытных лингвистов. В отношении словарного состава следует сказать, что большинство бесермянских слов имеют общеудмуртское распространение. Наблюдается близость языка бесермян не только к северному, но и южному наречию удмуртского языка. Собственно бесермянских лексических единиц сравнительно немного. Среди них встречаются татарские и чувашские заимствования, отсутствующие в других диалектах. Булгаризмов, употребляемых только в бесермянском наречии, в рассматриваемом источнике нам выявить не удалось.

Ключевые слова: Н. П. Штейнфельд, бесермяне, сравнительный бесермянский словарь, лексика, прочтение слов, особенности фонетики.

Для цитирования: Максимов С. А. О «Сравнительном бесермянском словаре» Н. П. Штейнфельда // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 39-47. – DOI 10.31483/r-105778. – EDN GTEPBI

About N. P. Steinfeld's Comparative Beserbian Dictionary

Sergey A. Maksimov
 Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract. The work is devoted to the study of one of the first written sources representing the Beserbian dialect. Such sources are of particular importance, because the problem of the ethnic history of the Besermians is still debatable. In the work the descriptive method and partly the method of etymological analysis were used. In the analysis of the vocabulary material, special attention was paid to the correct reading of words and their interpretation. N. P. Steinfeld did not develop a clear system for transmitting the sounds of the Beserbian dialect. However, it seems to us that the confusion in fixing words is primarily a reflection of the pronunciation features that the compiler of the dictionary tried to catch in the process of fixing each word. In some cases, he noticed such features in the speech of the Besermians that eluded even experienced linguists. As for the vocabulary, it should be said that most of the Beserbian words have a common Udmurt distribution. The proximity of the Beserbian dialect not only to the Northern, but also to the Southern dialect of the Udmurt language is observed. There are few own Beserbian lexical units. Among them there are Tatar and Chuvash loanwords that are absent in other dialects. In this source, we have not identified Bulgarisms used only in the Beserbian dialect.

Keywords: N. P. Steinfeld, written source, Besermians, Beserbian dialect, Comparative Beserbian Dictionary, vocabulary, word reading, phonetic features, lexical features.

For citation: Maksimov S. A. (2023). About N. P. Steinfeld's Comparative Beserbian Dictionary. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1), 39-47. EDN: GTEPBI. <https://doi.org/10.31483/r-105778>.

Введение

Настоящая работа посвящена рассмотрению одного из ранних памятников письменности, в котором представлена лексика бесермянского наречия удмуртского языка. Речь идет о статье сотрудника Вятского статистического комитета губернского секретаря Н. П. Штейнфельда «Бесермяне. Опыт этнографического исследования», написанной и опубликованной в конце XIX в. [Штейнфельд, 1894]¹. В основу указанной статьи

¹Выражаем искренние слова благодарности Е. В. Робустовой, кандидату исторических наук, заведующей кафедрой социальных и общегуманитарных дисциплин Высшей школы сценических искусств (Театральной школы К. Райкина), любезно предоставившей нам фотокопию данной публикации.

положены личные наблюдения автора, сделанные им в мае 1894 г. во время специальной поездки в Глазовский уезд.

Несмотря на то что к настоящему времени бытовые и культурные особенности бесермян изучены достаточно полно, и результаты изысканий опубликованы в многочисленных трудах, описываемое исследование до сих пор не утратило свою научную ценность. С лингвистической точки зрения наибольший интерес представляет «Сравнительный бесермянский словарь», включенный в состав этнографического описания. Правильное прочтение бесермянских слов и их лингвистический анализ – основная цель нашей работы.

Отметим, что бесермянское наречие в настоящее время, пожалуй, можно отнести к наиболее изученным удмуртским диалектам. Однако многие его характерные особенности до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения или остаются предметом дискуссий. Предварительное исследование бесермянской лексики показывает, что взаимодействие бесермян с тюркскими народами не укладывается в рамки привычных представлений о контактировании между этносами.

Разработка дискуссионных вопросов языка бесермян может помочь решению проблем их этнической истории. Для этого необходимо применение новых подходов к исследованию бесермянской культуры и привлечение новых материалов, в частности письменных памятников, в которых может оказаться необходимая информация, способная пролить свет на ту или иную сторону предмета дискуссии.

Материалы и методы исследования

Материалом настоящего исследования послужила статья Н. П. Штейнфельда «Сравнительный бесермянский словарь», в котором нашло лексикографирование более 115 бесермянских лексических единиц. Работа основана на описательном методе, также были применены приемы этимологического анализа и статистического подсчета.

Результаты исследования и их обсуждение

«Сравнительный бесермянский словарь» Н. П. Штейнфельда составлен в три столбца (см. таблицу 1). В первом столбце в алфавитном порядке даны русские слова, во втором – бесермянские,

в третьем – аналоги из других языков [Штейнфельд, 1894, с. 250–253]. Для наглядности этот словарик нами был преобразован в табличную форму. Кроме того, с нашей стороны добавлено два столбца: один слева, в котором осуществлена нумерация строк (словарных статей), второй – справа, где для сравнения приводятся соответствия из удмуртского литературного языка, в необходимых случаях – диалектные аналоги. Написание слов оставлено без изменений, однако все бесермянские слова нами выделены полужирным шрифтом.

Практически к каждому слову (словарной статье) нами приводится комментарий, состоящий из прочтения в традиционной финно-угорской транскрипции. Далее идет анализ написания слова – способов передачи бесермянских звуков и их вариантов. Для большинства заимствованных слов, особенно разнящихся с общеудмуртскими вариантами, указывается этимология. В необходимых случаях приводятся и иные дополнительные сведения.

Запись бесермянских слов произведена с помощью кириллических букв. При этом допускается использование латинской графемы *i* для обозначения звука *и* в сочетаниях *ий, ie, iz, ia*. В целом при фиксации слов применена система русской орфографии, но ориентированная на фонетическую запись. В конце слов, оканчивающихся на твердый согласный, проставлен твердый знак (ь). Однако следует отметить, что иногда встречается путаница в использовании твердого и мягкого знаков, ср.: *уйгь* ‘один’ в м. *уйгъ*; но *кириметь* ‘леший’ в м. *кириметь*. Также на месте ожидаемого разделительного твердого знака иногда выступает мягкий знак, ср.: *усьянэ* ‘боронить’ в м. *усьянэ*.

Таблица 1. Сравнительный бесермянский словарь
Table 1. Comparative Bessermian Dictionary

№	Русские слова	Бесермянские слова	Того же корня однозначные слова других языков	Современные удмуртские соответствия
1	амбарь	кинезь	вот. кэназь	<i>кенос, кэнас</i>
	Наше прочтение: <i>kenes</i> ; ср.: бес. <i>кенэс</i> ‘амбар’ [Словарь, 2013, с. 205]. Буквой <i>и</i> передан закрытый гласный <i>ɛ</i> первого слога; буква <i>з</i> , скорее всего, – результат влияния русской орфографии: (звук <i>з</i> может оглушаться до <i>с</i>); < тюрк., ср.: кар. <i>кенаса</i> ~ <i>кенеса</i> ‘молельный дом’ [Максимов, 2018, с. 38].			
2	бабушка	аби	чуваш. абай	южн. <i>abi</i>
	Удм. <i>abi</i> ‘бабушка’ < тат. <i>әби</i> [Алатырев, 1988, с. 50; Тараканов, 1993, с. 26].			
3	береза	кайспу	вот. киспу	<i>кызьпу</i>
	<i>kăšpu</i> ~ ? <i>kăšpu</i> . Данное слово в подобном фонетическом облике нигде не зафиксировано, но для сравнения можно привести варьирование слова со значением ‘белый’: <i>t'ed'ə</i> ~ <i>tejdə</i> ~ <i>t'ejdə</i> (см. ниже).			
4	Богъ	Инмарь-квазе	вот. Инмарь	<i>Инмар</i> , сев.: <i>kvaž</i> ~ <i>kɥaž</i>
	<i>in̄mar-kɥaže</i> ; ср.: бес. <i>in'mar</i> ‘бог’, <i>kwaz'</i> ‘погода’ [Тепляшина, 1970, с. 79, 115]. У бесермян и северных удмуртов бог погоды <i>Куазь</i> в обращениях нередко упоминается вместе с верховным богом небес <i>Инмаром</i> .			
5	большой, толстый	зекъ	вот. зѣкъ	<i>зѣк</i> ‘толстый’, сев. <i>zək</i> ‘большой’
<i>zek</i> ~ <i>zək</i> ‘большой’; ср.: бес. <i>zek</i> ‘большой’ [Тепляшина, 1970, с. 178, 181]. Графема <i>ѣ</i> для передачи удм. <i>ö</i> (<i>e</i>) использована не случайно. Она выступает и в статье 54: рус. <i>лошадь</i> – зырян. <i>вѣль</i> , ср. современное к. <i>вѣв</i> ~ <i>вѣл</i> ‘лошадь’.				

6	боронить	усьянэ	вот. усаны	<i>усьяны</i> , южн. <i>usijanĭ</i>
	<i>usijană</i> ; ср.: бес. <i>усьяно</i> / <i>usijanə</i> / ‘бороновать’ [Словарь, 2013, с. 455]. Вместо разделительного твердого знака использован мягкий знак, что, видимо, связано с русской орфографией того периода. Гласный основы подвергся редукции. Конечный гласный <i>ə</i> , квалифицируемый как гласная фонема заднего ряда средне-нижнего подъема, в открытом слоге передан через <i>э</i> , как и в многих других инфинитивах			
7	братъ	дзязяй	?	южн. <i>d'ad'aj</i> ‘отец’, сев. <i>d'ad'a</i> ‘дядя’
	<i>žajaj</i> ; ср.: бес. <i>žajaj</i> ‘старший брат’, ‘дядя’ [Тепляшина, 1970, с. 41, 53]; бес. южн. < тат., ср.: тат. диал. <i>дэдэ ~ дэдэй</i> ‘старший брат’, ‘брат деда’, ‘дядя’ [Татар, 1969, с. 131; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 241].			
8	брвно	корь	вот. корь	<i>кор</i>
9	бълый	тыйда	?	<i>төдьы</i> (<i>teđ'i</i>)
	Согласно материалам Т. И. Тепляшиной, лексема для обозначения белого цвета в бесермянском фонетически сильно варьируется: <i>ted'i</i> , <i>ted'ə</i> , <i>t'ed'i</i> , <i>t'ed'ə</i> , <i>tejdə</i> , <i>t'ejdə</i> [Тепляшина, 1970, с. 57, 61, 77, 104, 176, 178, 181]. Наиболее близкая форма к рассматриваемой записи – <i>tejdə</i> (<i>tejdə</i>).			
10	ведро	ведро	из русского	<i>ведра</i>
	бес. <i>vedra</i> ‘ведро’ [Тепляшина, 1970, с. 147, 152, 211].			
11	вода	ву	вот. ву	<i>ву</i>
12	водяной	ву-муртъ	вот. ву-муртъ	<i>вумурт</i>
13	волосы	версіэ	вот. ырысы	<i>ырыси</i> , диал. <i>jirši</i>
	Следовало бы ожидать запись <i>ierсіэ</i> (см. ниже: <i>іеръ</i> ‘голова’) – <i>jārši-je</i> ‘волос=мой’. Буква <i>в</i> , вероятно, – результат описки.			
14	восемь	тямось	вот. тямысь	<i>тямыс</i>
	<i>t'amə̃s</i> . Гласный <i>ə̃</i> в соседстве с губным <i>m</i> получил частичную огубленность и стал ассоциироваться с гласным <i>о</i> .			
15	вы	ти	вот. ти	<i>тй</i> (<i>ti</i>)
16	выкупъ (за невьсту)	калымъ	вот., тат. и чув. калымъ	<i>калым</i>
17	голова	іеръ	вот. ырь	<i>ыыр</i>
	<i>jār</i> : Специфический бесермянский гласный в закрытом слоге стоит ближе к рус. <i>а</i> , иногда <i>о</i> . Однако в данном случае начальный согласный <i>й</i> способствовал опереднению и сужению.			
18	гремѣтъ	годарьянэ	вот. гудырьяны	<i>гудырьяны</i> ‘гремять (о громае)’
	<i>gə̃dərjanə</i> . См. статьи 19 и 6.			
19	громъ	годара	вот. гудыри	<i>гудыри</i>
	<i>gə̃dərə̃</i> . Гласный <i>ə̃</i> второго и третьего слогов в окружении <i>r</i> достаточно ожидаемо отображен графемой <i>а</i> ; задненебный <i>z</i> в первом слоге придал ему определенную степень огубленности (<i>ə̃</i>).			
20	да	ось, бень	?	<i>озы</i> , сев. <i>ož</i> ‘так’; <i>ben</i> ‘да’
	<i>oš</i> < <i>ož</i> ‘так’, <i>ben</i> ‘да’; ср.: бес. <i>oz'</i> ‘так’, <i>oz' veras'ke</i> . ‘Так рассказывал он’ [Тепляшина, 1970, с. 115, 160]; <i>ben</i> ‘да’; ‘же, а, да, так’ [Тепляшина, 1970, с. 60, 124, 188, 271]. Написание <i>ось</i> отражает оглушение конечного согласного. Мягкий знак вместо твердого в слове <i>бень</i> , скорее всего возник в результате ошибочного написания.			
21	два	кокъ	вот. кыкъ	<i>кык</i>
	<i>kə̃k</i> . Задненебное консонантное окружение гласному <i>ə̃</i> придало определенную степень огубленности (<i>ə̃</i>).			
22	двери	эсь		<i>өс</i> (<i>es</i>)
	<i>es</i> ; ср.: бес. <i>es</i> ‘дверь’ [Тепляшина, 1970, с. 77, 151].			
23	девять	укмось	вот. укмысь	<i>укмыс</i>
	<i>uktə̃s</i> ; ср.: бес. <i>uktə̃s</i> ‘девять’ [Тепляшина, 1970, с. 68, 105, 152]. См. статью 14.			

24	день	нуназе	вот. ныналь	<i>нуназе</i> ‘днем’
	<i>nunaže</i> ‘днём; день’; ср.: бес. <i>n̄naz'e</i> ‘днем’ [Тепляшина, 1970, с. 265; 115, 124]; <i>нуназе</i> ‘днем; в светлое время суток’ [Словарь, 2013, с. 301]			
25	десять	дась	дась	<i>дас</i>
26	дождь	ноль	?	<i>зор</i> ‘дождь’
	Ошибочная фиксация.			
27	дóма	гуртась	?	<i>гуртаз</i>
	<i>gurtas</i> < <i>gurtaz</i> ‘дома (у него)’			
28	дѣвичий головной уборь	татья	чув. тохья	<i>такья</i>
	<i>takt'a</i> ~ <i>tat'ja</i> . Удм. <i>такья</i> (<i>takja</i>) ‘старинный удмуртский женский головной убор с серебряными монетами’ < тат. [Тараканов, 1993, с. 120; Федотов, 1996, т. 2, с. 259; Әхмәтъянов, 2015, т. 2, с. 203]. Судя по внешнему виду, бесермянский головной убор первоначально мог заимствоваться из чувашского (<i>*tokja</i> < <i>тохья</i>). Приведенная запись ранее действительно могла бытовать в форме <i>tat'ja</i> , хотя более вероятен облик <i>takt'a</i> , ср.: южн. <i>такм'a</i> .			
29	дѣвушка, дочь	ныль	вот. и зырян. ныль	<i>ныл</i>
30	дѣлать	лысьтенэ	лысьтыны	<i>лэсьтыны</i>
	<i>leštānə</i> . Буквой <i>ы</i> , по-видимому, записан отодвинутый назад гласный <i>е</i> . Графема <i>e</i> отражает редуцированный вариант <i>ə</i> .			
31	ель	коззь	вот. кыззь	<i>кыз</i>
	<i>kəʒ</i> . В отношении гласной см. статью 21. Двойное <i>зз</i> , вероятно, отражает звонкий ауслаут.			
32	желтый	тюжь	вот. щюжь	<i>чуж</i> (<i>čiž</i>)
	<i>t'už</i> ; ср.: бес. <i>t'už</i> ‘желтый’ [Тепляшина, 1970, с. 143, 178, 181, 276].			
33	ждать	витенэ		<i>витыны</i>
	<i>vit^hnə</i> . См. комментарии к статьям 6, 30.			
34	жена, женщина	кышно	кышно	<i>кышно</i>
35	женатый	кышнойо	кышнойо	<i>кышноё, кышнояськемын</i>
36	жена старшего брата или дяди	эньгей	чув. эньге	закам. <i>žengaj</i>
	<i>eŋgei</i> (~ <i>eŋgei</i>); ср.: бес. <i>eŋgei</i> ‘тетя, жена брата’ [Wothakischer, 1987, с. 51]; <i>eŋgej</i> ‘тетя, жена старшего брата’ [Тепляшина, 1970, с. 272]. Относят к чувашским заимствованиям: <i>инке</i> ~ <i>инки</i> ~ <i>енки</i> ‘жена старшего брата или дяди’ [Wothakischer, 1987, с. 51; Федотов, 1996, т. 1, с. 168], возможен и татарский источник: ср. тат.: <i>иңкә(й)</i> , <i>йеңкә(й)</i> , <i>жиңгә(й)</i> [Әхмәтъянов, 2015, т. 1, с. 273].			
37	жена младш. брата	кень	?	<i>кен</i>
38	женский головной уборь	кашпу	чув. хошпу	<i>кашпу</i> (< бес.)
	В описании внешнего вида бесермян это слово написано через <i>о</i> – <i>кошпу</i> [Штейнфельд, 1894, с. 234]. Головной убор весьма похож на чув. <i>хушпу</i> ~ <i>хошпу</i> , особенно на <i>хошпу</i> верховых чувашей, что дает повод считать его чувашским заимствованием [Федотов, 1996, т. 2., с. 376–377].			
39	жердь	пушь	?	<i>пуц</i> (<i>puš</i>)
	<i>puš</i> ; ср.: бес. <i>puš</i> ~ <i>puš'</i> ‘жердь’ [Тепляшина, 1970, с. 131, 132].			
40	жертвоприношение	куэсконь	?	<i>куяськон</i>
	<i>kujas̄kon</i> . Удм. <i>куяськон</i> ‘поминование покойников с воздаянием жертвенных даров в отрицательно маркированных местах’.			
41	житная телѣга	робо	?	<i>уробо</i> ‘телега’, сев. <i>robo</i>
42	жукъ	бозго	?	пюж. <i>bozgo</i> ‘навозный жук’
43	заяцъ	луткезь	вот. луткечь	<i>лудкеч</i>
	<i>lutkeš</i> ; ср.: бес. <i>ludkes'</i> ‘заяц-русак’ [Тепляшина, 1970, с. 126].			

44	земля	музьемь	вот. музьемь	<i>музьем</i>
	<i>mužzem</i> ; ср.: бес. <i>muž'z'em</i> 'земля' [Тепляшина, 1970, с. 252]			
45	изба, домъ	корка	вот. корка	<i>корка</i>
46	и	но	вот. но	<i>но</i>
47	икона, образъ	образъ	заимствовано из русского	<i>оброс</i> , сев. <i>obraz</i>
48	кадка, бадья	вышки	вышки	<i>вышки</i>
	<i>vāškā ~ vāški</i> -. В южной диалектной зоне конечное <i>j</i> основы при присоединении морфемы с начальным <i>j</i> может чередоваться с гласным <i>i</i> , например, <i>vjški</i> 'кадка', но <i>vjški-jez</i> 'его кадка'. Данное явление иногда наблюдается также в бесермянском наречии.			
49	коза	кезь	тат. кязе, вот. кечь	<i>кеч</i> 'коза', южн. <i>keš</i>
	<i>keš</i> ; ср.: бес. <i>keš</i> / <i>keš</i> ' 'коза (самка)' [Словарь, 2013, с. 206]; <i>kes</i> ' 'заяц' [Тепляшина, 1970, с. 60, 113, 121]. Сочетанием <i>зь</i> , как и в слове <i>луткезь</i> 'заяц', вероятно, было стремление выделить шепелявый характер звука, заметно отличающегося от рус. <i>сь</i> (<i>с'</i>). Удм. <i>кеч</i> 'коза' < булг., ср. чув. <i>качака</i> ~ <i>кача</i> < др.-чув. * <i>kāčke</i> [Тараканов, 1993, с. 82; Федотов, 1996, т. 1, с. 242].			
50	косить	турнанэ	вот. турнаны	<i>турнаны</i>
	<i>turnanə</i> . См. комментарии к статьям 6, 30.			
51	котель	пурты	вот. пурты	<i>пурты</i>
52	красный	горть	вот. горть	<i>горд</i>
53	куда	кытцы	вот. кытцы	<i>кытчы</i> , диал. <i>kjtsj</i> (<i>kjccj</i>)
	В бесермянских говорах практически повсеместно господствует форма с палатальной аффрикатой – <i>kāččā</i> . Использование буквы <i>ц</i> для передачи палатальной аффрикаты – результат влияния вятских говоров, для которых характерно неразличение звуков <i>ц</i> и <i>ч'</i> .			
54	лошадь	валь	вот. валь, зырян. вель	<i>вал</i> , к. <i>vōv ~ vōl</i>
55	лѣшій	кириметь	вот. кириметь	<i>керемет</i> 'злое божество'
	<i>keremet</i> ' 'дух зла, злое божество'. Буква <i>и</i> отражает узкий гласный <i>ɛ</i> первого и второго слогов, а буква <i>е</i> – широкий <i>э</i> последнего слога. По-видимому, заимствовано из чувашского: < чув. <i>кириметь</i> ~ <i>кереметь</i> 'священное место' < араб. <i>кирамат</i> [Тараканов, 1993, с. 81; Федотов, 1996, т. 1, с. 297].			
56.	маленькйй	няль	вот. няль	<i>пинал</i> 'ребенок'
	Запись неверная: бес. <i>piŋal</i> 'ребенок', при этом <i>пи</i> 'сын; парень'. Полагаем, что данное слово было воспринято как композита <i>пи-нял</i> , где <i>пи</i> 'сын; парень', а <i>нял</i> – 'маленький'.			
57	мать	анай	вот. анай, чув. аннэ	южн. <i>анай</i>
	< тат. диал. <i>анай</i> ~ <i>энэй</i> , лит. <i>эни</i> [Алатырев, 1988, с. 93; Тараканов, 1993, с. 33; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 97, 134].			
58	мертвѣй	кулыкь	вот. кулыкь	<i>кулэм</i> 'мертвѣй'
	<i>kulem</i> . Неточная запись.			
59	медвѣдь	гондорь	вот. гондырь	<i>гондыр</i>
	<i>gondər</i> . Гласный <i>ə</i> получил частичную огубленность под влиянием <i>о</i> первого слога, ср.: <i>гондөр / gondər</i> ' 'медведь' [Словарь, 2013, с. 109].			
60	молоко	йель	?	<i>йёл</i> (<i>jel</i>)
	<i>jel</i> ; ср.: бес. <i>jel</i> 'молоко' [Тепляшина, 1970, с. 77, 115].			
61	мужь	пи-мурть	вот. пимурть	<i>пи мурт</i> 'парень'
	<i>пи мурт</i> 'парень' – в противоположность представителям женского пола; <i>пиосмурт</i> 'мужчина', сев. <i>пийос</i> 'муж'.			
62	мѣсяц, луна	толысь	вот. толэжь	<i>толэзь</i> , сев. <i>toljž ~ tolžž</i>
	<i>tolāš</i> < <i>tolāž</i> . В языке бесермян данное слово зафиксировано в основном с гласным <i>э</i> (<i>e</i>) второго слога – <i>tolež</i> , ср.: бес. <i>tolez</i> ' 'месяц; луна, месяц' [Тепляшина, 1970, с. 101, 115, 252, 265], но в рукописных материалах Т. И. Тепляшиной встречается также <i>tolez</i> ' (<i>tolāžž</i>).			
63	мы	ми	вот. ми	<i>ми</i>

64	немного	эжет	?	<i>өжыт</i>
	<i>ežät</i> (~ ? <i>ežet</i>). В бесермянском наречии зафиксированы следующие варианты: <i>ežot</i> (<i>ežät</i>), <i>ezot</i> (<i>ezät</i>) ‘немного; частично’ [Тепляшина, 1970, с. 77].			
65	нож	пуртъ	вот. пуртъ	<i>пурт</i>
66	ночь	уй	вот. уй	<i>уй</i> , пюж. <i>иј</i>
	<i>иј</i> , ср.: бес. <i>иј</i> ‘ночь’ [Wothakischer, 1987, с. 292].			
67	нѣсколько, много	чѣс, трос	?	<i>трос</i> ‘много’
	Слово <i>чѣс</i> может быть вариантом бес. форм <i>t'oš ~ t'os</i> (<i>mëš ~ mës</i>) < <i>чош ~ чѣс</i> ‘вместе’ [Тепляшина, 1970, с. 142, 233, 262, 278, 279].			
68	нѣт	эвыль	?	<i>өвөл</i>
	<i>eväl</i> ; ср.: бес. <i>evөл</i> ‘не, нет’ [Тепляшина, 1970, с. 231, 232].			
69	огонь	тыль	вот. тыль	<i>тыл</i>
70	они, онѣ	соось	вот. сойось	<i>соос</i> , диал. <i>sojos</i>
71	онъ, она, тотъ, та	со	вот. со	<i>со</i>
72	одинъ	уйгъ	вот. одыкъ	<i>одүг</i> (<i>odig</i>)
	<i>o'ig ~ 'o'ig</i> . У большинства авторов – <i>оик</i> , <i>ойиг</i> , <i>ојиг</i> . Согласно Т. И. Тепляшиной, <i>ојиг</i> < <i>od'ig</i> < <i>odig</i> [Тепляшина, 1970, с. 207–208]. Начальное <i>у</i> отражает закрытое <i>o</i> или даже дифтонгоид <i>ʊo</i> .			
73	отець	аттай	вот. атай, чув. аттэ	южн. <i>атај</i>
	<i>атај ~ ? attai</i> . Удм. <i>атай</i> < тат. диал. <i>атай ~ атэй</i> , лит. <i>эти</i> < тюрк. [Алатырев, 1988, с. 127–128], тат. [Тараканов, 1993, с. 37]. Двойное <i>тт</i> можно отнести к написанию под влиянием чувашского соответствия.			
74	пахать	грэнэ	вот. гырыны	<i>гырыны</i>
	<i>gʳʳnə ~ gʳʳnə</i> ; ср.: бес. <i>gəʳnə</i> ‘пахать; вспахать’ [Тепляшина, 1970, с. 124]. В отношении написания см. комментарий к статье 6.			
75	покосъ	турунникъ	вот. турунаныкъ	сев. <i>turnańni</i>
	<i>turnańnik</i> < <i>turnańni</i> ; ср. бес.: <i>turnan'n'ig</i> ‘место косьбы’ [Тепляшина, 1970, с. 177, 269]. Слово образовано от глагола <i>турнанъ</i> (<i>turnanə</i>). Гласный <i>у</i> второго слога вкрался под влиянием слова <i>туръон</i> ‘трава; сено’, где этот гласный имеет частичную огубленность.			
76	поле	луть	?	<i>луд</i>
	<i>lut</i> < <i>lud</i> . См. комментарий к статье 52.			
77	плясать	эктанэ	?	<i>эктыны</i>
	<i>ektənə</i> . См. комментарий к статье 6.			
78	правда	аземъ	?	зэм, диал. <i>izem</i>
	<i>əzem ~ əzem</i> . Полагаем, что в данном случае буква <i>а</i> отражает звук <i>ə</i> , ср.: бес. <i>əzэм /əzem/</i> ‘действительно, вправду’ [Словарь, 2013, с. 31].			
79	пять	вить	вот. вить	<i>вить</i>
80	пѣть пѣсни	корзянэ	вот. коржанэ	<i>кырзяны</i> (<i>kirʒani</i>)
	<i>kəʳʒənə</i> . В отношении передачи гласных см. комментарии к статьям 6 и 21. Звонкая палатальная аффриката обозначена как щелевая палатальная <i>з'</i> (<i>z'</i>), ср.: <i>зайай</i> (<i>zajaj</i>) ‘старший брат’.			
81	ребенокъ	пи-няль	вот. пи-няль	<i>пинал</i> , южн. <i>pihal</i> ‘молодой’
82	родственникъ	родня	из русского	разг. <i>родня</i>
83	семь	сиземъ	вот. сизим	<i>сизьым</i>
	<i>sižəm</i> . В бесермянском буквой <i>e</i> обозначен широкий гласный <i>ə</i> , а в удмуртском буквой <i>и</i> второго слога передан узкий гласный <i>ы</i> .			
84	скоть, животное	животь	из русского	сев. <i>живот</i>
85	солнце	шунды	вот. шунды	<i>шунды</i>

86	синій	лозь	вот. лызь	лыз
	<i>lɔ̃z</i> . Начальный согласный <i>л</i> способствовал расширению, передвижке назад и частичному огублению гласного <i>ɔ̃</i> .			
87	сосна	пужымь	вот. пужымь	пужым
88	соха	гыри	вот. гыри	геры 'соха', гыри '(я) пахал'
	<i>gâri</i> '(я) пахал'. Существительное перепутано с глаголом.			
89	сестра	сузерь	?	сузэр '(младшая) сестра'
	<i>suzer</i> ; ср.: бес. <i>suzer</i> сестра [Тепляшина, 1970, с. 107, 149, 263, 272].			
90	сто	сю	вот. сю	сю
91	стуль	пуконь	вот. пуконь	пукон
92	сынъ	пи	вот. пи	пи
93	старый, старикъ	перечь	вот. пересь	пересь
	<i>peres̃</i> . Буква <i>ч</i> отражает более шепелявый звук (<i>š̃</i>), чем лит. <i>сь</i> .			
94	сѣно	турунь	вот. турунь	турын, диал. <i>turun</i>
	<i>turɔ̃n</i> ~ <i>turun</i> 'трава; сено'. В бесермянских говорах данное слово не зафиксировано с гласным <i>у</i> во втором слоге, хотя такой вариант вполне возможен, по крайней мере, формы <i>turun</i> ~ <i>turum</i> бытуют в контактирующих с бесермянским удмуртских говорах.			
95	тетка	татай	таг. тутай	
	<i>tataj</i> 'старшая сестра', 'тётя'. Слово усвоено из говоров чепецких татар, ср. таг. диал. <i>tətəj</i> 'старшая сестра' [Татар, 1969, с. 440].			
96	топоръ	тирь	вот. тирь	<i>tür</i> (<i>tir</i>)
	<i>t'ir</i> ; ср.: бес. <i>t'ir</i> 'топор' [Тепляшина, 1970, с. 80].			
97	три	кьюнь	вот. квинь	куинь (<i>kuin</i>), пуж. <i>kuin</i>
	<i>kuin</i> ; ср.: бес. <i>кюнь</i> ~ <i>куин</i> 'три' [Тепляшина, 1970, с. 43, 54, 68, 105].			
98	труба (дымовое отверстие)	пась	?	пась 'дыра; дырка; отверстие'
99	ты	тонь	вот. тоже	тон
100	умереть	кулынэ	вот. кулыны	кулыны
	<i>kulʲnə</i> . См. комментарий к статье 6.			
101	хлѣбъ	нянь	вот. нянь	нянь
102	хлѣвъ, конюшня	гить	вот. гить	<i>gid</i> , южн. <i>gid'</i>
103	ходить, идти	моненэ	вот. моныны	мыныны
	<i>mɔ̃nənə</i> 'идти'. Гласный <i>ɔ̃</i> первого слога испытал огубленность. В отношении гласных непервого слога см. комментарий к статье 6.			
104	холостой	кышнотемь	вот. кышнотемь	<i>кышнояськымтэ, кышнотэм</i>
105	хорошо, ладно	эралось	таг. эрарь	<i>jaraloz</i>
	<i>jaraloz</i> ; ср.: таг. <i>ярар</i> 'ладно; пойдёт, сойдёт'. Буквой <i>э</i> передано анлаутное сочетание <i>йа</i> , в котором после среднеязычного <i>й</i> гласный реализовался в виде <i>á</i> или даже <i>ä</i> .			
106	хотѣть	медзенэ	?	медыны 'хотеть, намереваться'
	<i>medʲnə</i> . Аффриката вкралась из финитных форм, ср.: <i>Mon bes'erman d'is'me voz'matʲnə meʒʲko val.</i> 'Я хотела показать тебе бесермянский костюм' [Тепляшина, 1970, с. 253]. См. также статью 6.			
107	человѣкъ	муртъ, адеми	вот. муртъ, адями	адями, мурт
	<i>murt, ad'ami</i> . Графема <i>e</i> на месте ожидаемого <i>я</i> , отражает слегка продвинутый вперед аллофон <i>a – ä</i> в палатальном окружении.			
108	черный	седть	?	сьöд 'чёрный'
	<i>šed</i> < <i>šed</i> . Буквосочетание <i>dt</i> отражает частичное оглушение.			

109	четыре	нюль	вот. ниль	<i>ньыль</i> , диал. <i>ñil'</i> , пуж. <i>ñil'</i>
	<i>ñil'</i> ; ср.: бес. <i>нюль</i> ~ <i>n'ul'</i> четыре [Тепляшина, 1970, с. 54, 68, 125].			
110	шалашь	чумь	вот. чумь	<i>чум</i>
111	шесть	куать	вот. квать	<i>куать</i> (<i>kuat'</i>)
112	это	се	?	<i>со</i>
	<i>se</i> . Слово <i>со</i> 'он; это' в речи всегда выступает с гласным <i>о</i> . Однако в составе сложных слов гласный может изменяться: <i>sebere</i> , <i>sebre</i> , <i>sere</i> 'потом, затем' < <i>so bere</i> .			
113	этошь, эта	та	вот. та	<i>та</i>
114	эти	тайось	вот. тайось	<i>таос</i> , диал. (сев. южн.) <i>tajos</i>
	<i>tajos</i> . Наличие звука <i>j</i> в суффиксе множественного числа после гласной основы ранее достаточно широко было распространено в удмуртских диалектах.			
115	я	монь	вот. монь	<i>мон</i>

Помимо представленных выше слов, в этнографическом описании автор приводит следующие бесермянские лексемы, не включенные в словарь: *кумышка* (*kumäška*) 'кумышка (вид самогона)', *тюной* (*kuññij*) 'три ночи (поминки, справляемые на третью ночь после смерти в доме умершего)', *сизимуй* (*šizämuj ~ šizämuj*) 'семь ночей («мусульманские» поминки, справляемые на седьмую ночь после смерти)', *окаяшка* (*akajaška*) 'языческий праздник перед началом весенних полевых работ', *шюлепъ* (*šul'ep*) 'кисти головного убора для новобрачных' [Штейнфельд, 1894, с. 226, 238, 241, 245].

О фонетической специфике словаря

Словарь Н. П. Штейнфельда отмечен рядом фонетических особенностей:

1) на месте среднерядного *ε* литературного языка и абсолютного большинства удмуртских диалектов употребляется фонема *e*: *зекъ* (*zek*) 'большой' = лит. *zõk* 'толстый', *йель* (*jel*) = лит. *ỹõl* 'молоко', *эсъ* (*es*) = лит. *õs* 'дверь';

2) в рассматриваемых словах наблюдается употребление фонемы *ä* на месте *и* литературного языка и большинства удмуртских диалектов;

3) палатальная аффриката *č* в абсолютном конце слова переходит в щелевой согласный *š*: *кезь* (*keš*) = лит. *keč* 'коза'; *луткезь* (*lutkeš*) = лит. *lutkeč* 'заяц';

4) запись *гитъ* (*git' < gid'*) = лит. *gid* 'хлев' отражает смягчение согласных в окружении переднерядного *i*. Похожее явление также отмечается в собственно южном диалекте и говорах Татарстана.

Приведенные примеры фонетических особенностей хотя и малочисленны и даже единичны, указывают на общие фонетические черты языка бесермян с южноудмуртским наречием.

О лексических особенностях словаря

Особенности лексики мы рассматриваем в свете распространения соответствий бесермянских лексических единиц в других диалектах удмуртского языка. Из всего словарного состава прежде всего мы отсекали такие слова, которые оказались общими для всех или большинства диалектов (90 из 118). После этого осталось всего 28 лексических единиц. Данные слова нами

были классифицированы в соответствии с дистрибуцией в четырех комбинациях диалектных зон:

1) лексемы только бесермянского наречия: шесть единиц – 21,4 %;

2) лексемы северного наречия (сев., бес.): 11 – 39,3 %;

3) единицы южного наречия (южн., бес.): 10 – 35,7 %;

4) слова срединных говоров (сред., бес.): 1 – 3,6 %.

В результате исследования изоглоссных явлений было выявлено, что наибольшую близость в лексическом отношении бесермянское наречие проявляет к северному наречию. Сепаратные лексические параллели бесермянского наречия со срединными говорами почти отсутствуют. Между тем более пятой части исследованной лексики характерна только для бесермянского наречия. Из шести слов два являются татарскими заимствованиями, столько же – чувашизмами, два слова представляют собой собственно бесермянские лексические инновации.

Выводы

В результате анализа языкового материала словаря Н. П. Штейнфельда можно уверенно вести речь о том, что в словаре действительно представлена бесермянская лексика. Это подтверждают как состав лексических единиц, так и их фонетическое оформление. Путанность в записях бесермянских слов – это в первую очередь отражение особенностей произношения, тонкости которого составитель словаря пытался уловить при каждой записи слова.

В отношении словарного состава языка бесермян следует сказать, что большинство лексических единиц имеет общеудмуртский характер. В лексическом плане наблюдается близость бесермянского наречия не только к языку северных удмуртов, но и к южноудмуртскому наречию. Собственно бесермянских лексических единиц сравнительно немного. Среди них имеются татарские и чувашские заимствования, отсутствующие в других диалектах. Булгаризмов, встречающихся только в бесермянском, не выявлено.

Таким образом, несмотря на незначительный объем словаря Н. П. Штейнфельда, а также несовершенство записей в рассматриваемом документе, он представляют большую ценность для исследования лексики и фонетики языка бесермян.

Сокращения

Араб. – арабский язык; башк. – башкирский язык; бес. – бесермянское наречие; булг. – болгарский язык; вм. – вместо; вот. – вотский язык; диал. – диалект, диалектное; др.-чув. – древнечувашский язык; закам. – закамские говоры; зырян. – зырянский язык; к. – коми

язык; кар. – караимский язык; лит. – литературный язык; пюж. – периферийно-южный диалект; рус. – русский язык; сев. – северное наречие; тат. – татарский язык; тюрк. – тюркские языки; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык; южн. – южное наречие.

Список литературы

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка : буквы А, Б. Ижевск : НИИ при Совете Министров УАССР, 1988. 240 с.
2. Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические метаморфозы, или о некоторых словах со «странной» внутренней структурой в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12, №3. С. 30–47.
3. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / составители А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. Москва : ГЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
4. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи : теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.
5. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. 643 с.
6. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 288 с.
7. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. Чебоксары, 1996.
8. Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 220–259.
9. Ахменджанов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт, 2015.
10. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. 422.

References

1. Alatyrev, V. I. (1988). *Etimologičeskij slovar' udmurtskogoazyka : bukvy A, B. NII pri Sovete Ministrov UASSR*.
2. Maksimov, S. A. (2018). Turkic-Udmurt lexical metamorphosis, or some words with a «strange» internal structure in the Udmurt language. *Ezhegodnik Finno-Ugorskih Issledovanij*, 12(3), 30–47.
3. Kuznecova, Serdobol'skaya, N. V., Usacheva, M. N., Biryuk, O. L., & Idrisov, R. I. (2013). *Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogoazyka*. TEZAURUS.
4. Tarakanov, I. V. (1993). *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi : teoriya i slovar'*. Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta.
5. *Tatar telenen dialektologik syzlege*. (1969). Tatar kitap nashriyaty.
6. Teplyashina, T. I. (1970). *Yazyk besermyan*. Nauka.
7. Fedotov, M. R. (1996). *Etimologičeskij slovar' chuvashskogoazyka : v 2-h tomah*.
8. SHtejnfel'd, N. P. (1894). Besermyane. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. *Kalendar' I Pamyatnaya Knizhka Vyatskoj Gubernii Na 1895 God*, 220–259.
9. Akhmenjanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik syzlege : ike tomda*. Magarif-Vakyt.
10. Wichmann, Y. (1987). *Wotjakischer Wortschatz* (T. E. Uotila & M. Korhonen, Eds.).

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Information about the author

Sergey A. Maksimov, candidate of philological sciences, senior researcher in Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Поступила в редакцию 01.03.2023
Принята к публикации 24.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 01 March 2023
Accepted 24 March 2023
Published 29 March 2023

Фразеологические единицы с компонентом «птица» в мордовских и финском языках (семантический анализ)

<https://doi.org/10.31483/r-105862>

УДК 81.511.152'373.72 +

811.511.111'373.72

Мосина Н. М.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

г. Саранск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, e-mail: natamish@rambler.ru

Резюме. Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных признаков мордовских и финских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «птица». Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения фразеологических единиц с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данным языковым культурам. Объектом исследования послужили фразеологические единицы мордовских и финского языков, в которых выявлен компонент-зооним «птица». На основе методов описательного, сравнительно-сопоставительного, компонентного анализа исследуются семантические характеристики фразеологических единиц, выявляются доминирующие образы, определяются универсальные явления и отличительные особенности в значениях, передаваемых фразеологизмами в сравниваемых языках. Основным материалом исследования представлен фразеологизмами с зоокомпонентом, выявленными путем сплошной выборки из толковых одноязычных и двуязычных словарей, а также фразеологических разработок, текстов художественной и публицистической литературы. Свойства, которые приписывают домашним птицам мордва и финны, в большинстве случаев схожи, поэтому в обоих языках имеется немало совпадающих по смыслу фразеологических единиц. Как в мордовской, так и финской культурах птица считается существом не очень умным. Наблюдаемое явление в большей степени связано с домашней птицей, в меньшей – с дикой.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зоокомпонент, эрзянский язык, мокшанский язык, финский язык.

Для цитирования: Мосина Н.М. Фразеологические единицы с компонентом «птица» в мордовских и финском языках (семантический анализ) // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 48-53. – DOI 10.31483/r-105862. – EDN VAWOAK

Research Article

Phraseological units with a component “bird” in the Mordovian and Finnish languages (semantic analysis)

Natalya M. Mosina

 National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, e-mail: natamish@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify common and distinctive features of Mordovian and Finnish phraseological units with the zoonym component “bird”. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive study of phraseological units in order to identify common and specific features inherent in these linguistic cultures. The object of the study was the phraseological units of the Mordovian and Finnish languages, in which the zoonym component “bird” was identified. Based on the methods of descriptive, comparative, component analysis, the semantic characteristics of phraseological units are studied, dominant images are identified, universal phenomena and distinctive features in the meanings conveyed by phraseological units in the compared languages are determined. The main material of the study is presented by phraseological units with a zoocomponent, identified by continuous sampling from explanatory monolingual and bilingual dictionaries, as well as phraseological developments, texts of fiction and journalistic literature. The properties that the Mordovians and Finns attribute to poultry are in most cases similar, which is why both languages have a lot of phraseological units that coincide in meaning. In both Mordovian and Finnish cultures, the bird is considered a creature that is not very smart. The observed phenomenon is to a greater extent associated with domestic poultry, and to a lesser extent with wild birds.

Keywords: phraseological unit, zoocomponent, Erzya language, Moksha language, Finnish language.

For citation: Mosina N.M. (2023). Phraseological units with a component “bird” in the Mordovian and Finnish languages (semantic analysis). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 48-53. EDN: VAWOAK. <https://doi.org/10.31483/r-105862>.

Введение

Фразеология является неотъемлемой частью языка. Этот национально специфичный компонент способен концентрированно передать не только особенности языка, но и подчеркнуть мироощущение, склад ума, менталитет, национальный характер и стиль мышления его носителей [Вежбицкая, 1993, с. 10]. При этом антропоцентричность современной лингвистики активизировала новые подходы к изучению собственно язы-

ковых явлений, расширяя междисциплинарные связи. Особенно ярко это проявляется в исследованиях фразеологии и паремиологии в последние десятилетия, когда данные языковые факты становятся предметом рассмотрения не только в собственно лингвистическом аспекте (функционально-семантическом, этимологическом, парадигматическом и синтагматическом и т. д.), но и в лингвокультурологическом, когнитивном, контрастивном и лингвострановедческом аспектах [Мокиенко,

2016; Мосина, Дригалова, 2017; Мосина, Дригалова, 2020; Мосина, 2022; Яковлева, 2019].

Зоологическая лексика является существенным компонентом словарного состава любого современного языка. Ее история уходит в глубокую древность, когда анимализм был основой мировоззрения.

Множество примет, поверий, обиходных норм связано с анализом окружающего мира человеком в прошлом. Животные играли важную роль в жизни людей, они были культовыми, являлись предметами почитания, тотемами, покровителями. Это нашло отражение в древнейших пластах лексики. Зоологическая лексика отражает многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, несет информацию, как о типичных чертах животного, так и о менее явных признаках, не отраженных в словарных дефинициях. Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Этнографические зарисовки свидетельствуют о том, что еще в давние времена человек умел из совокупности поведенческих характеристик того или иного животного отбирать наиболее важные для своих практических целей, в его сознании конструировался символ, соответствующий представлениям об этом животном, который физически переносился на него самого с уверенностью, что теперь он сам обладает идентичными свойствами и качествами.

Зооморфизм – одна из универсальных тенденций метафоризации. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими качества человека. Лексико-семантическая группа «зооним» давно привлекает внимание исследователей в связи со способностью ее единиц обладать многозначностью, основанной на метафорических и метонимических связях.

При исследовании фразеологических зоонимов релевантным является принцип антропометричности. Он проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности. Выступая в качестве механизма смыслопроизводства и консервации смысла (его передачи, сохранения), метафора представляет собой один из важнейших культурных механизмов. Помимо способности отражать энциклопедическое знание или личностное представление, метафора может отражать и национально-культурное знание, национально-специфическое видение мира.

Фразеологическая система каждого языка обладает национальными особенностями. В чем конкретно проявляется различие фразеологических систем двух или более языков, можно установить лишь при их сравнительно-сопоставительном изучении. Разумеется, это различие будет тем глубже, чем отдаленнее генетическая связь сравниваемых языков. И наоборот: чем ближе языки, тем больше сходных черт обнаруживается в области фразеологии. Контрастивный анализ фразеологических единиц родственных и неродственных языков обогащает теорию фразеологии не только количественно, но и качественно, выявляя самобытность исследуемых языков.

Фразеологизмы, включающие в себя названия животных, представляются специфичными для той или иной культуры. Несмотря на то что зоонимы достаточно долгое время не становились объектом должного внимания, поскольку считалось, что восприятие животных у всех народов и во всех культурах имеет сходные, если не одинаковые, черты, именно переосмысление образов животных отражает культурно-обусловленную специфику восприятия человека через восприятие зоонима. В. В. Телия в ряду источников культурно-национальной интерпретации называет «ходячие устойчивые сравнения» [Телия, 1996, с. 241], среди которых и сравнения с животными, например, *глуп, как баран* или *как с гуся вода*. В. М. Мокиенко включает такие устойчивые сравнения во фразеологический состав языка [Мокиенко, 2016]. Животные, выступающие в этом сравнении, являются, по мнению В. В. Телии, «эталонами сравнения» и «связаны с миропониманием, поскольку являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека» [Телия, 1996, с. 241–242].

Е. С. Яковлева отмечает, что «те мыслительные конструкции и ассоциативные связи, которые сложились в древности, оказывают достаточно сильное влияние на современных людей, обуславливая коммуникативную важность и национально-специфичные коннотации названий животных – зоонимов» [Яковлева, 2019, с. 9]. А. Вежицкая указывает, что еще В. фон Гумбольдт выявлял национальную языковую специфику восприятия образов животных: «...когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, при том, что каждый раз имеется в виду один и тот же объект» [Вежицкая, 1993, с. 187].

Материал и методы исследования

Языковым материалом исследования послужили фразеологические единицы с зоокомпонентом «птица», выделенные методом сплошной выборки на материале толковых одноязычных, двуязычных и фразеологических словарей, а также текстов художественной и публицистической литературы. Собранный материал по мордовским языкам извлечен из работ Р. С. Ширманкиной «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков» [Ширманкина, 1998], К. Т. Самородова «Мордовские пословицы, присловицы и поговорки» [Самородов, 1986], Н. А. Кулаковой и В. Ф. Рогожиной [Кулакова, Рогожина, 2013]. Материал по финскому языку был выявлен из фразеологических словарей «Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja» Э. Кари [Kari, 1993], «Vanhan Kansan sananlaskuviisau» М. Кууси [Kuusi, 1990], «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги» О. А. Храпцовой [Храпцова, 2011].

Общеметодологической базой для исследования послужили работы, посвященные изучению фразеологических единиц с зоокомпонентом на материале

различных языков, в том числе финно-угорских [Кулакова, 2015; Мокиенко, 2016; Мосина, Дригалова, 2020; Мосина, Дригалова, 2017; Мосина, 2022; Натуральнова, 2019]. Большую значимость имеют труды сопоставительного характера на материале разноструктурных языков с целью выявления универсальных и специфических способов выражения антропоцентрических характеристик: описание внешности, состояния, особенностей характера человека, его действия или манеру поведения (см., например: Яковлева, 2019).

Для решения поставленных задач использовались описательный, сравнительный, сопоставительный методы, метод компонентного анализа и сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

Группа фразеологических единиц, выявленных на материале эрзянского, мокшанского и финского языков и содержащих зоокомпонент «птица», по количеству выявленных примеров на материале исследуемых языков находится на третьем месте после фразеологизмов с компонентом «домашнее животное» и «дикое животное».

На материале эрзянского, мокшанского и финского языков нами были выявлены следующие фразеологические единицы, в состав которых входит зоокомпонент «птица»:

– эрз. *кундамс варакат* ‘быть невнимательным, не успевать что-то делать’, букв. ловить ворон; *нармунень ловсо* ‘очень редкая вкусная еда, деликатес’, букв. птичье молоко; *нолдамс атякиш* ‘поджечь’, букв. выпустить петуха; *письмар масторов* ‘далеко’, букв. в страну скворца; *стямс саразтнэнт марто* ‘очень рано, спозаранку’, букв. встать с курами; *саразонь пильге лангсо* ‘очень плохой’, букв. на куриных ногах; *каргонь ал* ‘ничего, шиш’, букв. журавлиное яйцо;

– мокш. *ежу кирьхкс* ‘бывалый человек’, букв. стреляный воробей; *сире кирьхкс* ‘бывалый человек’, букв. старый воробей; *сызган пула* ‘непостоянный человек’, букв. хвост сороки; *кунцемс чавкат* ‘невнимательный’, букв. ловить галок; *нолдамс атякиш* ‘поджечь’, букв. выпустить петуха; *варсикть кунцемс* ‘ничего не делать, бездельничать’, букв. ворон ловить; *кода атякиш сараз эткса* ‘считать себя главным’, букв. как петух среди кур; *фкя стадань мацихть* ‘одинаковый, подобный’, букв. одного стада гуси; *кода мациста ведсь* ‘хоть бы что’, букв. как с гуся вода; *альяй саразонь шама* ‘красивый’, букв. лицо курицы-несушки; *атякишень сельмот* ‘румяный, красивый’, букв. глаза петуха; *сараснэнди пеедемс* ‘посмешище’, букв. курам на смех;

– фин. *pahanilman lintu* ‘колдун, колдунья, ведьма’, букв. птица непогоды; *outo lintu* ‘белая ворона’, букв. странная птица; *äänellään lintukin laulaa* ‘нельзя требовать слишком многого’, букв. даже птица поет своим голосом; *kuin häkkiin suljettu lintu* ‘без свободы’, букв. как запертая в клетке птица; *juoksee, lentää kuin päättön kana* ‘торопиться, в спешке’, букв. бежать, лететь, как безголовая курица; *katketa kuin kanan lento* ‘быстро завершиться’, букв. прерваться, как полет курицы; *kanan muisti* ‘плохая память’, букв. куриная память; *olla kuin*

Ellun kanat ‘безрассудно’, букв. быть как куры Элли; *päissään kuin Ellun kana* ‘пьяный, беззаботный’, букв. пьяный как курица Элли; *kyllä sokeakin kana joskus jyvän löytää* ‘даже слабый может добиться успеха’, букв. даже слепая курица иногда находит зерно; *muna on kanaa viisaampi* ‘ученик превзошел своего учителя’, букв. яйцо мудрее курицы; *kyllä kukko aina kanan voittaa* ‘хороший петух всегда побеждает курицу’; *pöyhistelä kuin kukko* ‘щеголять, как петух’; *olla kuin kukko tunkiolla* ‘быть заметным, ярким’, букв. быть, как петух на навозной куче; *ei kukko käskien laula* ‘умения представляются добровольно’, букв. петух по приказу не поет; *valuu kuin vesi hanhen selästä* ‘как с гуся вода’, букв. как вода льется со спины гуся; *päissään kuin ankka* ‘в сильном опьянении’, букв. пьяный, как утка; *typerä hanhi* ‘глупая гусыня’ (о женщине); *tuhlata ruutia harakkoihin* ‘тратить время зря’, букв. тратить порох на сорок; *lämpö menee harakoille* ‘убегать’, букв. тепло уходит к сорокам; *olla pöllö* ‘быть глупым’, букв. быть совой; *viedä pöllöjä Ateenaan* ‘показывать мудрость там, где ее достаточно’, букв. отвезти сов в Афины.

Далее по степени продуктивности рассмотрим фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, относящимися к подгруппам домашних и диких птиц. Домашние птицы играют важную роль в социально-экономической жизни человека. Как правило, их разводят ради мяса, яиц, перьев, кроме этого, в качестве домашних животных для наблюдения за ними и являются хобби для энтузиастов. В данном исследовании зоонимы группы «птицы» представлены двумя группами домашних птиц, одомашненными в далекой древности и ставшими источником фразеологических единиц, и одной группой диких птиц, включающей различные зоонимы. Знания человека о многообразии видов птиц, сведения о характерной окраске перьев, ареале обитания или других особенностях чаще всего применяются для описания характера, манер, поведения и внешности человека.

1. Компоненты-зоонимы «домашние птицы».

1.1. Компонент-зооним эрз., мокш. *сараз*, фин. *kana* ‘курица’.

Данный компонент-зооним представляет наиболее распространенную подгруппу фразеологических единиц во всех рассматриваемых языках.

Несмотря на положительную коннотацию птицы в производственной деятельности, в фразеологической лексике компонент-зооним ‘курица’ часто используется для выражения характерных особенностей птицы, а именно стадность, суматошность, отсутствие способности к полету: фин. ‘торопиться, в спешке’, букв. бежать, лететь, как безголовая курица; *katketa kuin kanan lento* ‘быстро завершиться’, букв. прерваться, как полет курицы.

Рассматриваемый компонент также может использоваться для обозначения привычек человека, в частности раннего утреннего подъема: эрз. *стямс саразтнэнт марто* ‘очень рано, спозаранку’, букв. встать с курами.

Также мордовский компонент-зооним *сараз*, фин. *kana* ‘курица’ часто востребован для описания ум-

ственных способностей человека, как правило, выражая негативное отношение: мокш. *sarasnendi needemc* 'посмешище', букв. курам на смех; фин. *kanan muisti* 'куриная память'; *olla kuin Ellun kanat* 'безрассудно', букв. быть как куры Элли; *päissään kuin Ellun kana* 'пьяный, беззаботный', букв. пьяный как курица Элли.

Негативное отношение к женщине также выражается при использовании данного зоонима: фин. *seurapiirikana* 'ссылаясь на глупость', букв. общественная курица; *kainaloinen kana* 'жена', букв. курица из подмышки.

Значение зоонима связано с характеристикой душевных качеств и характера человека, манеры поведения, что также реализуется в форме фразеологизмов: фин. *kyllä sokeakin kana joskus jyvän löytää* 'даже слабый может добиться успеха', букв. даже слепая курица иногда находит зерно; *muna on kanaa viisaampi* 'ученик превзошел своего учителя', букв. яйцо мудрее курицы.

1.2. Компонент-зооним эрз., мокш. *атякиш* 'петух', фин. *kukko* тж.

В отличие от женской особи образ самца морд. *атякиш*, фин. *kukko* олицетворяет мужское начало и силу. Однако в фразеологической лексике данный компонент часто выражает субъективную оценку физических способностей в негативном аспекте: мокш. *кода атякиш сараз етка* 'считать себя главным', букв. как петух среди кур; фин. *kyllä kukko aina kanan voittaa* 'хороший петух всегда побеждает курицу'.

Зоонимы *атякиш* и *kukko* 'петух' выступают также при описании ментальных и внешних данных индивида, указывая на его отличие: фин. *olla kuin kukko tunkiolla* 'быть заметным, ярким', букв. быть как петух на навозной куче; *pöyhistelä kuin kukko* 'щеголять как петух'. Описывая черты лица человека, в мордовской лексике также используются данные фразеологизмы, как правило с положительной оценкой говорящего: мокш. *алыяй саразонь шама* 'красивый', букв. лицо курицы-несушки; *атякишень сельмот* 'румяный, красивый', букв. глаза петуха.

Образ петуха часто выступает в качестве символа для обозначения пламени, огня, или действий, которые могут воспроизвести это состояние: эрз., мокш. *нолдамс атякиш* 'поджечь', букв. выпустить петуха; фин. *ripainen kukko* 'пожар', букв. красный петух.

1.3. Компоненты-зоонимы эрз. *яксярго / гала*, мокш. *яксярга / маци*, фин. *sorsa* 'дикая утка' / *hanhi* 'гусь'.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом эрз. *яксярго*, мокш. *яксярга*, фин. *sorsa* 'дикая утка', *ankka* 'утка' объединены в одну группу с фразеологическими единицами, содержащими компонент эрз. *гала*, *мацей*, мокш. *маци*, фин. *hanhi* 'гусь', так как несут общую семантическую нагрузку и относятся к зоонимам со средней степенью распространенности во всех трех языках.

Знания о физиологических особенностях птиц находят отражение при описании похожих признаков у человека, чаще всего это относится к описанию переваливающейся походки: фин. *kävellä kuin ankka* 'неуклюжесть, о походке', букв. ходить, как утка.

Непроверенная лживая информация, опубликованная в средствах массовой информации, часто с корыстной целью в финском языке также выражается посредством зоонима фин. *sorsa* 'дикая утка', *ankka* 'утка': *uutisankka* 'новостная утка'.

Знания человека о том, что перья рассматриваемых птиц покрыты специальным жиром, что позволяет птице комфортно находиться в воде, также представлены в фразеологических единицах, обозначая быструю и легкую адаптацию в сложившейся ситуации: мокш. *кода мациста ведсь* 'хоть бы что', букв. как с гуся вода; фин. *valuu kuin vesi hanhen selästä* 'как с гуся вода', букв. как вода льется со спины гуся.

Стадный образ жизни птицы, однообразие окраски перьев, также выражено в фразеологизме: мокш. *фкя стадань мацихть* 'одинаковый, подобный', букв. одного стада гусь.

Оба зоонима выступают при описании умственных или иных неодобряемых особенностей индивида, как правило, с негативной коннотацией: фин. *typerä hanhi* 'глупая гусыня' (о женщине); *päissään kuin ankka* 'в сильном опьянении', букв. пьяный, как утка.

Фразеологическая продуктивность данных компонентов-зоонимов снижена по сравнению с предыдущей группой и имеет преимущественно нейтральное эмоциональное выражение отношения.

2. Компоненты-зоонимы «дикие птицы».

Изящество птичьего полета всегда завораживало человека, что частично нашло отражение и в фразеологической лексике. Однако компоненты-зоонимы подгруппы «дикие птицы» не являются фразеологически активными. В данной раздел мы объединили фразеологические выражения с упоминанием различных названий диких птиц.

Зоокомпонент 'сорока' мокш. *сязьган*, фин. *harakka* нашел распространение в выражении отрицательных качеств человека: мокш. *сязьган пула* 'непостоянный человек', букв. хвост сороки. Неэффективность, неумение распоряжаться ресурсом времени также выражается посредством фразеологизма с данным компонентом-зоонимом: фин. *tuhlata ruutia harakkoihin* 'тратить время зря', букв. тратить порох на сорок; фин. *lämpö menee harakoille* 'убегать', букв. тепло уходит к сорокам.

Оценка поверхностного изучения дела часто выражается посредством компонента-зоонима эрз. *варака*, *варсей*, мокш. *варси* 'ворона', мокш. *чавка* 'галка', фин. *varis* 'ворона': эрз. *кундамс варакат* 'быть невнимательным, не успевать что-то делать', букв. ловить ворон; мокш. *кунцемс чавкат* 'невнимательный', букв. ловить галок. Данный зооним также выражает лень, бесполезное времяпрепровождение: мокш. *варсикть кунцемс* 'ничего не делать, бездельничать', букв. ворон ловить; фин. *haaskata ruutia variksiin* 'тратить время зря', букв. тратить порох на ворон; *variksen vala* 'ложная клятва', букв. воронья клятва; *silloin kuin varis valkenee* 'когда рак на горе свистнет', букв. когда ворона побелеет.

Положительные качества выражаются с помощью компонента-зоонима эрз. *озяз*, мокш. *кирьхкс*, фин.

varpunen ‘воробей’, значение которого ассоциируется с опытным человеком: эрз. *сыре орыз*, а манчеви ‘бывалый человек’, букв. стреляный воробей; мокш. *ежу кирьхкс* ‘бывалый человек’, букв. стреляный воробей; мокш. *сире кирьхкс* ‘бывалый человек’, букв. старый воробей. При этом в финском языке данный зооним соотносится с незначительными поступками человека: *olla kuin varpunen kurkien tansseissa* ‘маленький фактор в играх больших’, букв. как воробей в журавлиных танцах.

Для выражения низких умственных качеств человека используются фразеологические единицы с компонентом-зоонимом фин. *pöllö* ‘сова’: *olla pöllö* ‘быть глупым’, букв. быть совой; *viellä pöllöjä Ateenaan* ‘показывать мудрость там, где ее достаточно’, букв. отвезти сов в Афины.

В эрзянском языке для выражения территориальной отдаленности в составе фразеологической единицы также используется зоокомпонент *письмар* ‘скворец’: эрз. *письмар масторов* ‘далеко’, букв. в страну скворца.

Выводы

Проведенный компонентный анализ фразеологических единиц с зоонимом «птица» на материале мордовских и финского языков позволил выделить группы фразеологизмов, связанных с домашними и дикими птицами.

Как в мордовской, так и финской культурах птица считается существом не очень умным. Наблюдаемое явление в большей степени связано с домашней птицей, в меньшей – с дикой. В исследуемых языках фразеологизмы из этого ряда употребляются в основном по отношению к женщинам.

Во всех трех языках, являющихся как близкородственными (мокшанском и эрзянском), так и дальнородственными (мордовских и финском), одновременно доминируют общие, универсальные явления: компоненты-зоонимы эрз., мокш. *сапарз*, фин. *kana* ‘курица’ и эрз., мокш. *атякш*, фин. *kukko* ‘петух’ в составе фразеологизмов чаще выступают в роли негативного образа и репрезентируются в соответствующем контексте; зооним ‘гусь’ – эрз. *гала*, *мацей*, мокш. *маци*, фин. *hanhi* ассоциируется с быстрой и легкой адаптацией в сложившейся ситуации.

В финском языке выявлены фразеологические единицы, в которых употребляется компонент, обозначающий родовую принадлежность этого класса животных – «птица», в то время как среди мордовских фразеологизмов такие примеры не были отмечены. Для большинства рассмотренных фразеологизмов в представленных языках характерно преобладание пейоративной оценочной коннотации.

Сокращения

Букв. – буквально; мокш. – мокшанский язык; морд. – мордовские языки; фин. – финский язык; эрз. – эрзянский язык.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурно-специфичных контекстах // *Thesis*. 1993. №3. С. 185–206.
2. Кулакова Н. А. Фразеологические обороты, характеризующие человека, его поведение и личностные качества, в мокшанском языке // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2015. №2. С. 85–91.
3. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2013. 200 с.
4. Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург ; Грайфсвальд, 2016. 278 с.
5. Мосина Н. М., Дригалова Е. Д. Репрезентация концепта «семья» в лексико-фразеологических системах финского и эрзянского языков // *XLVIII Огаревские чтения*. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2020. Часть I. С. 32–37.
6. Мосина Н. М., Дригалова Е. Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «rää» / «голова» в финском и русском языках // *Огарев-online*. 2017. №8. – URL : <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/05/drigovalova-e.d.-mosina-n.m-1.pdf> (дата обращения : 07.03.2023). – Текст : электронный.
7. Мосина Н.М. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» в мордовских и финском языках // *Этническая культура*. 2022. Т. 4, № 3. С. 31-36. DOI 10.31483/r-103508. EDN GWKNIL
8. Натуральнова Г. А. Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка // *Вестник угроведения*. 2019. Том 9, №1. С. 53–60. DOI 10.30624/2220-4156-2019-9-1-53-60.
9. Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1986. 280 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 286 с.
11. Храмова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. Москва : КАРО, 2011. 240 с.
12. Ширманкина Р. С. Фразеологиянь валкс. Кемекставозь меревксэнь. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1998. 216 с.
13. Яковлева Е. С. Национально-культурная специфика компонентов-зоонимов, репрезентирующих домашних, диких и мифологических животных во фразеологическом фонде китайского и английского языков : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19. Белгород, 2019. 24 с.
14. Kari E. Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja. Otava, 1993. 232 s.
15. Kuusi M. Vanhan kansan sananlaskuviisaukset. Helsinki : WSOY, 1990. 539 s.

References

1. Vezhbickaya, A. (1993). Semantika, kul'tura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kul'turno-specificnykh kontekstakh. *Thesis*, 3, 185–206.
2. Kulakova, N. A. (2015). Fixed phrases describing a person's behavior and personality traits in Moksha. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. YA. Yakovleva*, 2, 85–91.
3. Kulakova, N. A., Rogozhina, V. F. (2013). *Mokshen'kyalen'kevonzafvalsylmon'valks*. Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
4. Mокienko, V. M. (2016). *Ustojchivye sravneniya v sisteme frazeologii*. Grajfsval'd.
5. Mosina, N. M., Drigalova, E. D. (2020). Rezentatsiya koncepta «sem'ya» v leksiko-frazeologicheskikh sistemah finskogo i erzyanskogo yazykov. *XLVIII Ogarevskie chteniya*, 32–37.
6. Mosina, N. M., Drigalova, E. D. *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits s somatizmom «pää» / «golova» v finskom i russkom yazykah* (n.d.). Retrieved March 7, 2023, from <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/05/drigalovae.d.mosina-n.m1.pdf>.
7. Mosina, N.M. (2022). Comparative Analysis of Phraseological Units with the Zoonym Component «Domestic Animal» in the Mordovian and Finnish Languages. *Ethnic Culture*, 4(3), 31-36. EDN: GWKNIL. <https://doi.org/10.31483/r-103508>
8. Naturalnova, G. A. (2019). The structural and semantic features of the nominal phraseological units in the Shoksha dialect of the Erzya language. *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies* 9(1), 53–60. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-1-53-60>
9. Samorodov, K. T. (1986). *Mordovskie posloviцы, prisloviцы i pogovorki*. Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt*. YAzyki russkoj kul'tury.
11. Hramcova, O. A. (2011). *Finskie posloviцы i pogovorki i ih russkie analogi. Russkie posloviцы i pogovorki i ih finskie analogi*. KARO.
12. SHirmankina, R. S. (1998). *Frazeologiya valks. Kemekstavoz'merevksen'*. Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. YAkovleva, E. C. (2019). *Nacional'nokul'turnaya specifika komponentov-zoonimov, reprezentiruyushchih domashnih, dikih i mifologicheskikh zhivotnykh vo frazeologicheskom fonde kitajskogo i anglijskogo yazykov : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.
14. Kari, E. (1993). *Naulan kantaan*. Nykysuomen idiomisanakirja.
15. Kuusi, M. (1990). *Vanhan kansan sananlaskuviisau*s. WSOY.

Информация об авторе

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>; e-mail: natamish@rambler.ru

Information about the author

Natalya M. Mosina, doctor of philology, associate professor, National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>; e-mail: natamish@rambler.ru

Поступила в редакцию 03.03.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 03 March 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023

Семантика антропонимов в романе С. Снегова «Люди как боги»

<https://doi.org/10.31483/r-105725>

УДК 82-3

Рожин В. О.

Местная религиозная организация православный приход храма
в честь Сретения Господня г. Калининграда Калининградской епархии
Русской православной церкви (Московский патриархат)
г. Калининград, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7046-9785>, e-mail: rozhin.v@inbox.ru

Резюме. В статье анализируется центральное художественное произведение известного советского писателя-фантаста второй половины XX в. С. Снегова, творчество которого почти не рассматривалось в научных работах, а проблема антропонимики вообще не изучалась. Материалом исследования послужил научно-фантастический роман С. Снегова «Люди как боги». С применением контекстуального, мифологического, структурно-семантического и интертекстуального методов был проведен анализ имен собственных ключевых персонажей этого произведения с целью более глубокого понимания авторского замысла. Имя главного героя – Эли – имеет очевидную связь с библейским именем Эль, которое встречается как обычное и общее обозначение Бога в различных языках и диалектах Ближнего Востока. Кроме того, оно является прямой отсылкой к заглавию произведения, которое содержит центральный в художественной системе романа вопрос о человеке как богоподобном существе. Имя жены главного героя – Мери – англоязычная форма русского имени Мария, которое включает в себе высокий смысл, хорошо понятный христианскому сознанию. При полном отсутствии какого-либо внешнего или внутреннего сходства героини С. Снегова с Девой Марией, между ними существует ассоциативная связь: как ученый-биолог Мери ищет способы распространения жизни на необитаемых планетах. Вместе с тем она является матерью мальчика Астра, который в романе соотносится с Личностью Евангельского Спасителя. Семантика антропонимов других персонажей также связывает идейное пространство произведения с основами христианского мировоззрения. Таким образом, рассмотрение имен центральных героев дает автору возможность показать, что ономастическое поле в части антропонимов семантически связано с библейскими мотивами и сюжетами. Системный анализ приводит автора к выводу, что антропонимы в романе создают особенное смысловое пространство, которое способствует глубинному пониманию авторских интенций.

Ключевые слова: научная фантастика, люди как боги, антропонимы, библейские мотивы, христианский дискурс, апостолы новой веры.

Для цитирования: Рожин В.О. Семантика антропонимов в романе С. Снегова «Люди как боги» // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54-59. – DOI 10.31483/r-105725. – EDN PFUWZA

Research Article

Semantics of anthroponyms in S. Snegov's novel "People as Gods"

Vladimir O. Rozhin

Local religious organization Orthodox parish of the Church of the Purification of the Lord in Kaliningrad. Kaliningrad Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
Kaliningrad, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7046-9785>, e-mail: rozhin.v@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the central work of fiction by the famous Soviet science fiction writer of the second half of the 20th century, whose work was almost not considered in scientific works, and the problem of anthroponymy was not considered at all. The science fiction novel by S. Snegov "People as gods" served as the material for the study. Using contextual, mythological, structural-semantic and intertextual methods, an analysis was made of the proper names of the key characters in this work in order to better understand the author's intention. The protagonist's name, Eli, has an obvious connection with the biblical name El, which is found as a common and generic designation for God in various languages and dialects of the Middle East. In addition, it is a direct reference to the title of the work, which contains the central question in the artistic system of the novel about man as a god-like being. The name of the protagonist's wife – Mary – is the English form of the Russian name Maria, which contains a high meaning, well understood by the Christian consciousness. In the complete absence of any external or internal similarity between the heroine of Snegov and the Virgin Mary, there is an associative connection between them: as a biologist, Mary is looking for ways to spread life on uninhabited planets. In addition, she is the mother of a boy named Astre, who in the novel is associated with the Person of the Gospel Savior. The semantics of the names of other characters also connects the ideological space of the work with the foundations of the Christian worldview. Thus, consideration of the names of the central characters gives the author the opportunity to show that the onomastic field in terms of anthroponyms is semantically connected with biblical motifs and plots. System analysis leads the author to the conclusion that anthroponyms in the novel create a special semantic space that contributes to a deep understanding of the author's intentions.

Keywords: science fiction, people as gods, anthroponyms, biblical motifs, Christian discourse, apostles of the new faith.

For citation: Rozhin V.O. (2023). Semantics of anthroponyms in S. Snegov's novel "People as Gods". *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 54-59. EDN: PFUWZA. <https://doi.org/10.31483/r-105725>.

Введение

Сергей Снегов (1910–1994) – известный советский писатель второй половины XX в., жизненный путь которого отразил в себе и судьбу поколения, и определенный период истории нашей страны. Рано проявившиеся разносторонние таланты позволили ему серьезно заниматься не только ядерной физикой, но и литературой. Арестованный в 1936 г. за свободомысле, он был осужден по политической статье на десять лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен на Соловки, а затем перемещен в Норильск, где и остался жить после освобождения в июле 1945 г. Переехав в 1956 г. после реабилитации в Калининград, он целиком посвятил себя писательскому делу: небольшие рассказы биографического характера сменились научно-фантастическими произведениями, из которых настоящую известность ему принесла трилогия «Люди как боги». В 1984 г. ее первый том – «Галактическая разведка» – был удостоен литературной премии «Аэлита», а в дальнейшем вся книга была переведена на многие языки и принесла писателю мировую славу. Произведения С. Снегова занимают значительное место в литературном процессе, однако его творчество почти не рассматривалось в научных работах – таким образом, анализ одного из аспектов поэтики главного романа писателя, обладает безусловной новизной и актуальностью.

Литературные антропонимы как имена художественных объектов, созданных воображением писателя и включенных им в текст литературного произведения, имеют прямое отношение к ономастике. В свое время известный ученый Э. Б. Магазаник назвал эту область ономастики – ономапозитикой [Магазаник, 1978, с. 62]. «Всякое имя собственное как имя композиционно значимого персонажа всегда соотносено с содержанием целого художественного текста, а также ассоциативно связано с другими группами действующих лиц» [Фонякова, 1990, с. 8], – считает исследователь более позднего времени. Имя собственное «выступает в качестве сигнала, возбуждающего весь комплекс ассоциативных значений. Необходимо помнить, что всякое имя в семантическом фокусе представляет собой определенную загадку, шифровку, которую необходимо раскрыть, опираясь на общезыковые и культурно-эстетические задачи писателя» [Фонякова, 1990, с. 8]. Наука толкования имен и их изучения (ономатология) открывает широкие горизонты для понимания сути человеческого характера и, как следствие, более полного постижения замыслов писателей, которые, в свою очередь, также пытаются постичь человеческую личность – только уже на другом уровне. «Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [Флоренский, 2000, с. 21], – утверждал создатель фундаментальной работы об именах отец П. Флоренский. Литературные антропонимы выполняют функцию реализации идейно-эстетического замысла автора произведения, то есть их присутствие в художественном тексте не имеет случайного или стихийного характера: по мысли современного исследователя, «они органически сраста-

ются с общей архитектоникой и содержанием художественного произведения» [Сызранова, 2013, с. 200]. По замечанию другого ученого, «онимы играют важную роль в создании текста любого типа. В большинстве эпических и драматических художественных текстов ономастические единицы являются неотъемлемой частью речевой ткани, обеспечивают оптимальную передачу смысловых установок текста, взаимодействуя с другими компонентами, выступают в качестве вех смысловой структуры текста» [Супрун, 2000, с. 51]. В результате анализа онимов литературных персонажей можно извлечь информацию, которая по своему содержанию имеет значительно больше смыслов (неязыковой информации [Сызранова, 2013, с. 19]) в отличие от семантики какого-то конкретного имени, зафиксированной в ономастических словарях. То есть ономастическое пространство художественного текста обладает большим смысловым потенциалом, так как отражает особенности авторского сознания, специфику жанра, связь между историческим временем создания произведения и эпохи, изображенной в художественном тексте.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил научно-фантастический роман С. Снегова «Люди как боги». С применением контекстуального, мифологического, структурно-семантического и интертекстуального методов был проведен анализ имен собственных ключевых персонажей этого произведения с целью более глубокого понимания авторского замысла. В работе этимологии имен приводятся согласно словарю русских имен А. В. Суперанской [Суперанская, 2005].

Результаты исследования и их обсуждение

Отечественная научно-фантастическая проза XX в. в качестве одного из художественных приемов использует антропонимы, которые условно можно разделить на две группы: к первой относятся привычные для русского языкового сознания сочетания имен и фамилий (Иван Жилин, Геннадий Комов, Богдан Спицын и пр. из «Мира Полудня» братьев Стругацких), ко второй – онимы, относящиеся к пласту нестандартных для русского сознания номинаций (Аллу Зеф, Гай Гаал, Гаг, Дигга и др. из того же произведения). Такое подразделение отражает специфику фантастической реальности, где мир представителей Земли нередко противопоставлен миру инопланетных существ, что и находит свое отражение в номинации персонажей.

В научно-фантастической трилогии «Люди как боги» описываются события далекого будущего, когда технический прогресс обеспечил каждому землянину полный комфорт и независимость от материальных забот. Как показывает писатель, в этот период человечество уже достигло полной социальной гармонии, избавившись от расовой и этнической разобщенности и даже языкового барьера, перейдя на единый и общий для всех жителей планеты язык. Теперь у землян возникают другие проблемы: отправившись в далекую галактику для оказания помощи неизвестной инопланетной цивилизации, они понимают, что им придется

противостоять глобальному злу, нарушающему гармонию Вселенной. Такова сюжетная основа трилогии «Люди как боги».

Главным героем всего этого объемного произведения является Эли Гамазин – молодой человек, проходящий на протяжении событий сложный путь нравственного совершенствования и духовного становления. Из легкомысленного юноши, которому даже его друзья не могут доверить серьезное дело, он постепенно, путем долгого труда над собственной личностью, превращается в мужественного, стойкого и надежного человека, получившего высокую выборную должность адмирала космического флота всей планеты. В фамилии этого персонажа трудно выделить смысловую основу, поддающуюся интерпретации, а его личное имя не является обычным для русского ономастикона. Совершенно очевидно, что оно связано с библейским именем Эль (иврит לֵא), которое «встречается, как обычное и общее обозначение Бога не только у евреев, но и у ассирийцев и финикийцев; как и в еврейском языке, оно встречается также в южно-арабских диалектах, арамейском, арабском и эфиопском языках в качестве ингредиента или части собственных имен. Это имя употребляется в единственном и множественном числе и применяется как к господину богу Израиля, так и к чужестранным богам» [Крупницкий, 1911, с. 132]. Нет сомнения: имя главного героя является прямой отсылкой к заглавию произведения, которое содержит центральный в художественной системе романа вопрос о человеке как богоподобном существе.

Обратившись к имени жены главного героя – Мери Глан – мы увидим, что оно представляет собой англоязычную номинацию, где личное имя является уменьшительной формой (впрочем, хорошо известной в русской литературе – ср.: «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова) от русской канонической формы Мария, что с древнееврейского переводится как любимая, желанная. Этимология имени определенным образом реализуется в сюжетном поле: только поняв после долгих метаний, что именно Мери является для него единственной, и добившись ее любви, главный герой обретает свое счастье. В то же время имя Мария в художественной системе романа заключает в себе иной, более высокий смысл, хорошо понятный христианскому сознанию. При полном отсутствии какого-либо внешнего или внутреннего сходства героини С. Снегова с Девой Марией, ассоциативная связь все же существует: как ученый-биолог Мери ищет способы распространения жизни на обитаемых планетах. «Наша женская судьба – породить жизнь», – говорит она в беседе с мужем, противопоставляя возникновение и распространение жизни ее уничтожению. Согласно евангельской истории, Иисус Христос именуется жизнью, либо источником жизни (Ин. 1:4, 5:26, 6:27, 6:33, 14:6 и т. д.), соответственно Дева Мария осознается как та, от которой произошла жизнь, то есть Бог по плоти. Принимая во внимание богословскую интерпретацию личности Девы Марии и ее значение в истории спасения человечества, и – с другой стороны – род деятельности героини С. Снегова, мы находим идейное сходство между

ними. Кроме того, Мери является матерью мальчика Астра, который в романе соотносится с личностью евангельского спасителя [Жилина, Рожин, 2020, с. 58]. Фамилия героини – Глан, определяя важнейшее качество ее личности, в свою очередь, дополняет данный семантический ряд, поскольку *гланос* (с пракельтского) – чистый, прозрачный, а Дева Мария, как известно, именуется Пречистой.

Сын Эли и Мери получает от родителей имя Астр. Рожденный не на Земле, а на искусственной планете под названием Ора, ребенок становится первым человеком, появившимся на свет в совершенно новых условиях. «Тогда назовем сына Астром. Раз он будет первым человеком, рожденным на иных звездах, то и имя у него должно быть звездное» – предлагает жене Эли и получает ее согласие. Обращаясь к этимологии этого имени, следует сказать, что Астр восходит к греческому *αστήρ* и переводится как светило, звезда, см. также примеры употребления слова *αστήρ*: ~ *της ημέρας* – дневное светило, солнце; ~ *της νύχτας* – луна; ~ *της αυγής* – утренняя звезда [Большой]. Следовательно, имя *Астр* указывает на некую связь героя со значением небесных светил для основ мироздания. Самая известная человечеству звезда – Солнце – является мощнейшим источником световой энергии, без которой с точки зрения биологии жизнь была бы невозможна [Гавриленко, Жигалова, 2005, с. 108]. С момента рождения в ребенке видна необычная, исключительная натура, а немного повзрослев, он проявляет смелость и самоотверженность, вдумчивость и душевную тонкость, которые обычно не свойственны такому юному возрасту. Главное, что успел сделать Астр за свой короткий век, – стать причиной возникновения жизни на искусственной Никелевой планете, принадлежащей врагам человечества, стремящимся уничтожить все живое и названным в произведении *зловредами*, или *разрушителями*. «Я теперь житнетворец, отец», – говорит он, сияя. Таким образом, маленький герой использует свой житнетворческий потенциал, приводя в исполнение те смыслы, которые заложены в его имени. Важно также отметить, что образ Астра заключает в себе аллюзию на Евангельского Христа¹. В частности, имя героя соотносится с Солнцем – так же, как и Богочеловек Иисус Христос символически отождествляется с Солнцем и светом (Ин. 1:5, 9; Ин. 8:12; 1 Ин. 1:5).

Значительное место занимает в романе сестра Эли Гамазина Вера. Согласно словарю, имя Вера – это перевод греческого имени *Pistis* на русский язык. В словоформе это имя полностью совпадает с названием одной из главных христианских добродетелей, наряду с надеждой и любовью. Эти имена носили три дочери «благочестивой вдовы Софии», отказавшиеся по требованию императора Адриана (117–138 гг.) принести жертвы языческим богам и принявшие мучительную смерть за Христа [Терехова, Калугина, 2007, с. 73–74]. Толковый словарь русского языка 1981–1984 гг. фиксирует несколько значений слова *вера*: 1. твердая

¹ Об этом см.: Жилина Н. П., Рожин В. О. Дитя «не от мира сего» в романе С. Снегова «Люди как боги» // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 2. С. 53–60.

убежденность, уверенность в чем-либо, в исполнении чего-либо; 2. состояние сознания, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании чего-либо сверхъестественного; 3. доверие. Христианский мыслитель VI в. Иоанн Лествичник в своем основном труде по христианской аскетике под названием «Лествица» говорит о вере следующее: «По моему разумению, вера подобна лучу... она может творить и созидать» [Иоанн Лествичник, 2013, с. 419]. Семантика имени Вера, таким образом, прочно связывает идейное пространство художественного произведения с основами христианского мировоззрения.

Несмотря на второстепенную роль, Вере отведено важное место в структуре романа, поскольку она является идейным генератором и вдохновителем миротворческой деятельности человеческой цивилизации на просторах Вселенной. Героиня занимает ключевую должность в правительстве Земли и верит в светлое будущее для всех возможных форм жизни, которые встречаются в Космосе. Строить это будущее для «звездоджителей», по ее мнению, должны помочь земляне, уже достигшие больших успехов на этом пути: «Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: «Вы сами по себе, мы сами по себе – прозябайте, коли лучшего не сумели...» А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности – мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития – выход в широкий мир», – так формулирует она свою главную мысль. Концепция всеобщей помощи (то есть доброе участие в жизни любого обитателя Космоса вместо сосредоточенности лишь на проблемах землян), которую предлагает Вера, может рассматриваться как новая религия взамен прежней, как новый этап в нравственном развитии человека – здесь прямая ассоциация с христианством, которое сменило иудаизм. Именно жизненной позицией Веры обозначаются контуры художественного конфликта романа, в основе которого лежит аксиологическое противостояние добра и зла. Убежденность Веры, ее твердость в отстаивании своей позиции оказывают серьезное влияние не только на ее брата Эли, но и на такого стойкого идейного противника, как Павел Ромеро.

Павел и Вера – не только идейные антагонисты, их связывают непростые отношения: дружба, а до разлада и любовь. Не понимая и не разделяя идеи всеобщего космического братства, восприятия любых инопланетных существ как своих близких, которым нужно оказывать помощь даже при возникшей угрозе для самого человечества, Павел вначале решительно противится позиции Веры и вынужденно подчиняется лишь решению большинства. В ходе развития событий взгляды этого героя кардинально меняются: выступая поначалу против масштабной деятельности человечества будущего, развернутой людьми в Космосе, Павел Ромеро затем меняет свою позицию, став непосредственным и активным участником оказания всеобщей апостольской помощи, а позже становится историографом космического флота землян. Таким образом, твердая

уверенность в одной идее в ходе событий сменяется в сознании героя приверженностью другой, противоположной. Нетрудно увидеть, что концепция всеобщей помощи – это своеобразная атеистическая «калька» христианской идеи братской любви к ближнему, то есть к любому человеку, не исключая и врагов. И личное имя данного героя эксплицирует связь с библейским апостолом Павлом, который из ревностного последователя иудейской религиозной традиции, враждебной христианскому исповеданию, стал одним из основных проповедников евангелия. Фамилия героя (Ромеро, т. е. римский, римлянин) также подтверждает эту аллюзию: известно, что апостол Павел, несмотря на свое иудейское происхождение, имел права римского гражданина (Деян. 20:25).

Личное имя Павел этимологизируется с латыни как мальчик. Глубинный смысл, заключенный в этом имени, можно понять не иначе как через призму новозаветной истории обращения апостола Павла. Новое имя Павел, согласно книге Деяний (Деян. 13: 6–12), апостол получил вместо прежнего Савл в знак обращения им в христианскую веру римского проконсула по имени Сергей Павел. Это событие ознаменовало победу христианской проповеди в языческом мире. Новое имя апостола не только стало символом этой победы, но и имплицитно выражало такую черту Павла, как скромность, ведь не случайно он называет себя меньшим из апостолов (1 Кор. 15:9), не имеющим права называться учеником Христа из-за своей прежней деятельности в роли гонителя христиан. Этот ракурс дает возможность видеть отчетливую ассоциативную связь с героем С. Снегова, кардинально изменившимся с течением времени. В начале событий Павел Ромеро выделяется из своего окружения и своим внешним видом, и манерой общения, сознательно моделируя свой образ, однако в ходе событий он испытывает глубокий душевный переворот, приходя к осознанию малости и ничтожности своих притязаний перед лицом той великой духовной брани, участниками которой стали они все.

Еще один очень важный персонаж романа – Андре Шерстюк, близкий друг главного героя. Обращает на себя внимание странное для русского восприятия соединение французского варианта личного имени – Андре – с украинизированной фамилией Шерстюк, в которой к тому же угадывается семантика социально низкого происхождения [Никонов, 1993, с. 166–167]. Греческий оним *Andreas* (рус. – Андрей) переводится на русский язык как мужественный. Герой действительно отличается огромным мужеством в трудных обстоятельствах: оставив беременную жену ради исполнения общественного долга, он проявляет невероятную стойкость в плену у зловердов, применив метод доведения себя до сумасшествия, чтобы не выдать врагам человечества технологических тайн земной цивилизации.

Интересно, что Андре обладает различными талантами: так, он является разработчиком дешифратора речи, который использовался землянами для перевода различных языков инопланетного происхождения. Кроме того, Андре – музыкант, композитор, сочиняющий необычные произведения, которые Эли воспри-

нимает как гениальные. О своей симфонии «Гармония звездных сфер» сам автор говорит: «Моя музыка – не земная, она космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого. И если многое в симфонии для человека трудно – не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам». Герой признает, что не все в его творчестве может быть понятно обычному человеку, однако его музыка рассчитана на более широкую по своему видовому разнообразию аудиторию, и это одна из важнейших особенностей его сочинительства. Как в профессиональной, так и в творческой деятельности у героя четко прослеживается цель: говорить с инопланетянами на понятном друг другу языке. И если обозначенная особенность его характера напрямую не связана с этимологией его имени, то она указывает на иной, не такой очевидный пласт семантического содержания имени Андре: один из учеников Иисуса Христа носил имя Андрей, а поскольку это был первый из апостолов Спасителя, в источниках он называется Первозванным.

Образ апостола Андрея Первозванного занимает важное место в русском сознании: согласно древнерусскому источнику, именно он впервые пришел с проповедью о христианской вере в географические пределы будущей Руси [Повесть, 2012, с. 12]. Задачей апостольских трудов была проповедь евангелия языческим народам: ученики Христа возвещали людям о наступлении новой эпохи – особых отношений между Богом и людьми, что принесет человечеству небывалое благо бытия. Для успеха проповеди апостолам было необходимо знать чужие языки, дар чего они получили в день Пятидесятницы, который в христианской традиции именуется днем сошествия Святого Духа на апостолов (Деян. 2:2–12).

Герои романа С. Снегова также именуются «апостолами всеобщей помощи», так как их деятельность по отношению к инопланетным цивилизациям касается обеспечения благами обделенных жителей других планет. Чтобы научиться их понимать, Андре изобрел дешифратор, о чем говорит главный герой: «Мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь». Таким образом, семантика антропонима *Андре* помимо очевидного значения, заложенного в этом имени, несет в себе дополнительные смыслы, обозначающие, с одной стороны, особенности деятельности героя, а с другой – несомненную связь с евангельскими сюжетами.

Выводы

Проведенный анализ имен центральных героев романа показал, что С. Снегов отстает от уже имевшейся в отечественной научной фантастике традиции: его герои представляют не определенный этнос, а единое человечество, что находит свое выражение в их номинациях. Но более важным является тот факт, что ономастическое поле произведения в части антропонимов семантически связано с библейскими мотивами и сюжетами: оно указывает на особенности творческой деятельности героев и их роли в жизни Вселенной в онтологическом аспекте. Отсюда логика мысли ведет к заглавию романа – сопоставляя людей с богами, автор тем самым предлагает читателю вопрос для размышления: на основании развития сюжета определить, насколько правомерно такое сравнение. Антропонимы в романе, таким образом, создают особенное смысловое пространство, которое способствует более глубокому пониманию авторских интенций.

Список литературы

1. Большой греческо-русский, русско-греческий словарь. – URL : <https://greeklanguage.ru/> (дата обращения : 01.11.2022) . – Текст : электронный.
2. Гавриленко В. Ф., Жигалова Т. В. Фотосинтез // Физиология растений : учебник для студентов вузов. – Москва : Академия, 2005. С. 108–211.
3. Жилина Н. П., Рожин В. О. Дитя «не от мира сего» в романе С. Снегова «Люди как боги» // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. 2020. №2. С. 53–60.
4. Крупицкий З. Имена Божии // Еврейская энциклопедия : в 16 томах / под редакцией Л. Каценельсона и Д. Г. Гинцбурга. Санкт-Петербург : Общество для научных еврейских изданий и Издательство Бродгауз-Ефрон, 1911. Том 8. С. 129–140.
5. Магазаник Э. Б. Ономапэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент : Фан, 1978. 148 с.
6. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / составитель Е. Л. Крушельницкий. – Москва : Школа-Пресс, 1993. 224 с.
7. Повесть временных лет / перевод с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. 512 с.
8. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. М.: Даниловский благовестник, 2013. 592 с.
9. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. – Москва : Айрис-пресс, 2005. 384 с.
10. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Волгоград : Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. 78 с.
11. Сызранова Г. Ю. Ономастика. – Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2013. 248 с.
12. Терехова Н., Калугина Е. Вера, Надежда, Любовь и мать их София // Православие : словарь-справочник. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : ДАРЪ, 2007. С. 73–74.
13. Флоренский П. А. Имена. – Харьков : Москва : Фолио-Аст, 2000. 439 с.
14. Фoniaкова О. Н. Имя собственное в художественном тексте : учебное пособие. – Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1990. 103 с.

References

1. *Bol'shoj grechesko-russkij, russko-grecheskij slovar'*. (n.d.). Retrieved November 1, 2022, from <https://greeklanguage.ru/>.
2. Gavrilenko, V. F., & Zhigalova, T. V. (2005). Fotosintez. *Fiziologiya Rastenij : Uchebnik Dlya Studentov Vuzov*, 108–211.
3. Zhilina, N. P., & Rozhin, V. O. (2020). Ditya «ne ot mira sego» v romane S. Snegova «Lyudi kak bogi». *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im I. Kanta. Seriya : Filologiya, pedagogika, psihologiya*, 2, 53-60.
4. Krupickij, Z. (1911). Imena Bozhii. In L. Katsenel'son & D. G. Gintsburg (Eds.), *Evrejskaya enciklopediya : v 16 tomah* (pp. 129–140). Brogauz-Efron
5. Magazanik, E. B. (1978). *Onomapoetika, ili «govoryashchie imena» v literature*.
6. Nikonov, V. A. (1993). In E. L. Krushel'nickij (Ed.), *Slovar' russkih familij*.
7. *Povest' vremennyh let: perevod s drevnerusskogo*. (2012). (D. S. Lihacheva, O. V. Tvorogova, Trans.). Vita Nova.
8. *Prepodobnogo otca avvy Ioanna, igumena Sinajskoj gory, Lestvica*. (2013). Danilovskij blagovestnik
9. Superanskaya, A. V. (2005). *Sovremennyy slovar' lichnyh imen*. Ajris-press.
10. Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial [Dissertation]*. Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
11. Syzranova, G. Y. (2013). *Onomastika*. Tol'yatinskij gosudarstvennyj universitet.
12. Terekhova, N., & Kalugina, E. (2007). Vera, Nadezhda, Lyubov' i mat' ih Sofiya. *Pravoslavie : slovar'-spravochnik* (2nd ed., pp. 73-74). DAR".
13. Florenskij, P. A. (2000). *Imena*. Folio-Ast.
14. Fonyakova, O. N. (1990). *Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste : uchebnoe posobie*. Leningradskij gosudarstvennyj universitet.

Информация об авторе

Рожин Владимир Олегович, настоятель, Местная религиозная организация православный приход храма в честь Сретения Господня г. Калининграда Калининградской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Калининград, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7046-9785>; e-mail: rozhin.v@inbox.ru

Information about the author

Vladimir O. Rozhin, parson, local religious organization Orthodox Parish of the Church of the Purification of the Lord in the city of Kaliningrad of the Kaliningrad Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Kaliningrad, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7046-9785>; e-mail: rozhin.v@inbox.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023
 Принята к публикации 28.03.2023
 Опубликовано 28.03.2023

Received 06 March 2023
 Accepted 28 March 2023
 Published 28 March 2023

Образ цыган в чувашской лингвокультуре

<https://doi.org/10.31483/r-105642>

УДК 397.4:811.512.11(091)

Фомин Э. В.^а, Илларионова Л. В.^б

Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^б <https://orcid.org/0009-0005-6425-432X>, e-mail: liliya-illarionova@yandex.ru

Резюме. Работа посвящена анализу образа цыган в чувашской лингвокультуре. В исследовании под лингвокультурой понимается феномен, который суммирует все проявления культуры, отражаемые через язык. В основу исследования положен чувашский лингвистический материал, фольклорные и художественные тексты, иные сведения, связанные с цыганами. Исследование базируется на научном анализе чувашских речепроизведений, отмеченных упоминанием цыган. Работа в целом носит ретроспективный характер. Тем не менее выводы представляются актуальными и в условиях современных реалий. Цыгане в Чувашии представляют собой новоявленную этническую группу, в малой степени внедренную в ее социальную действительность и закрытую от постороннего мира. Они не входят в круг близкострадающих с чувашами народов, однако нередко упоминаются в фольклорных текстах с позиций этноцентризма, в большинстве своем обуславливающих их негативное восприятие. Вместе с тем образ цыган нашел отражение в чувашской художественной литературе, и здесь они преимущественно описываются как положительные герои, объективно требующие сопереживания хотя бы потому, что входят в состав центральных персонажей. Представления чувашей о цыганах во многом коррелируют с восприятием их русскими.

Ключевые слова: цыгане, цыгановедение, чувашский язык, фольклор, этнография.

Для цитирования: Фомин Э.В. Образ цыган в чувашской лингвокультуре / Э.В. Фомин, Л.В. Илларионова // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 60-64. – DOI 10.31483/r-105642. – EDN HNZHOQ

Research Article

The image of gypsies in the Chuvash linguistic culture

Eduard V. Fomin^a, Lilia V. Illarionova^b

Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture,
Ethnic Affairs and Archives of the Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^б <https://orcid.org/0009-0005-6425-432X>, e-mail: liliya-illarionova@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the image of gypsies in the Chuvash linguistic culture. In the message, linguoculture is understood as a phenomenon that summarizes all manifestations of culture reflected through language. The study is based on the Chuvash linguistic material, folklore and literary texts, as well as other information related to the gypsies. The study is based on a scientific analysis of the Chuvash speech products marked by the mention of gypsies and is generally retrospective in nature. Nevertheless, the conclusions are still relevant in today's realities. Gypsies in Chuvashia are a newly-minted ethnic group, to a small extent introduced into its social reality and closed from the outside world. They are not included in the circle of peoples who are in close contact with the Chuvashes, however, they are often mentioned in folklore texts from the positions of ethnocentrism, most of which determine their negative perception. At the same time, the image of gypsies is reflected in Chuvash fiction, and here they are mainly described as positive characters, objectively requiring empathy, if only because they are part of the central characters. Chuvash ideas about gypsies largely correlate with their perception by Russians.

Keywords: gypsies, gypsy studies, Chuvash, folklore, ethnography.

For citation: Fomin E.V., & Illarionova L.V. (2023). The image of gypsies in the Chuvash linguistic culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 60-64. EDN: HNZHOQ. <https://doi.org/10.31483/r-105642>.

Введение

Цыгане – интереснейший этнос, сохраняющий свою неповторимость и устойчивое национальное самосознание в условиях дисперсного расселения по всему миру. Их насчитывается от десяти до двадцати миллионов человек. В большинстве своем цыгане проживают в Румынии, Молдавии и Болгарии, достигая десяти процентов населения в них.

Исторической родиной цыган является Индия, откуда в 420 г. н. э. тысяча человек из касты неприкасаемых ушла за пределы страны.

На всемирном конгрессе в Лондоне в 1971 г. цыгане признали себя единой нацией. В память об историческом конгрессе ежегодно восьмого апреля отмечается Международный день цыган.

Цыгане относятся к самому гонимому народу даже в условиях современного толерантного мира.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование является пилотной публикацией проекта, посвященного этнологической проблематике цыганского населения Чувашии. В основу

исследования положен чувашский лингвистический материал, фольклорные и художественные тексты, а также иные сведения, связанные с цыганами. Сообщение построено по уже апробированному образцу подобных публикаций [Фомин, 2022].

Анализируемые фольклорные произведения взяты из книжных серий «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» [Чăваш, 1973–1987], «Чăваш халăх пултарулаĕ» [Чăваш, 2000].

В работе под лингвокультурой понимается феномен, который суммирует все проявления культуры, отражаемые через язык.

Исследование базируется на научном осмыслении речепроизведений на чувашском языке, отмеченных упоминанием цыган. Изучаемый материал ретроспективный, однако нам представляется, что выводы инерционно все еще могут быть экстраполированы на современные реалии.

Авторы придерживаются базового этнологического постулата о бережном и уважительном отношении к каждому народу.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время в Чувашской Республике насчитывается около 600 цыган. Согласно результатам первой переписи населения СССР 1926 г., их на территории республики насчитывалось менее десятка; основной же приток цыганского населения в Чувашию наблюдается в 1980 гг. Цыгане в основном живут в г. Чебоксары.

Поскольку цыгане на территории республики представляют собой новоявленную этническую группу, в малой степени внедренную в ее социальную действительность, едва известную и закрытую для постороннего мира, цыгановедческие исследования в Чувашии находятся в самых истоках формирования. Ему в полной мере присущи замечания, отмечаемые этнологами: «Этническая история цыган России исследована во многом схематично, отсутствуют серьезные региональные исследования; слабо изучены особенности миграций, становлений и развития в России отдельных этнических групп» [Деметер, Черных, Тишков, 2018, с. 7]. В наших условиях, пожалуй, можно упомянуть лишь очерк В. П. Иванова и Г. Б. Матвеева о цыганах, написанный в рамках проекта «Этнокультурный портрет Чувашской Республики» [Иванов, Матвеев, 2015, с. 183–188]. Очерк позволяет сформировать целостное представление о цыганах, и можно сказать, что восприятие их чувашами такое же, как и у русского народа (см.: Волкова, 2016; Соловьева, 2019; Ягубов, 2013).

В чувашском лингвокультурном аспекте наиболее полным источником народных сведений о цыганах следует признать словарь Н. И. Ашмарина [Ашмарин, 1928–1950], нередко называемого энциклопедией чувашской жизни (см.: Лебедев, Родионов, Семенова, Касимов, 2020). Анализ лексикографического материала показывает, что цыгане ожидаемо оценивались чувашами с этноцентрических позиций как малопривлекательный и непонятный этнос: *Çакă ялăн ачисем чикан туматит лайăх* ‘Молодые люди этого села очень подходят, чтобы из них сделать цыган’; *Чикан мари полчĕр-и, йомăç пăхса ларчĕр-и, хыт сухари сичĕр-и* ‘Пусть

станут цыганками, пусть займутся гаданием, пусть поедят сухари’ [Ашмарин, т. 15, с. 195], см. также: *чыкан урапи сиччен ўксе юлнăскер* [Ашмарин, т. 15, с. 181] ‘тот, который выпал из цыганской повозки’ – возможно, бранная фраза о провинившемся человеке.

Об этимологии слова *чыкан* ‘цыган’. В чувашском языке для обозначения цыган используется ряд вариантов литературно-нормативного *чыкан*: *чыкан, чыхан, чикен, чикун* [Ашмарин, т. 15, с. 181–182, 186, 199]. Рассматриваемый этноним является очувашенным вариантом рус. *цыган*, ср. с тат. диал. *чиған, чиган, чегэн. Чиган мэдэгеннэн йыгылып төшкэн* ‘тупой, неприглядный’ [Татар, 2009, с. 747]. В свою очередь рус. *цыган* восходит к ср.-греч. *τσίγγανος*, стар. *ἀτσίγγανος*, ср.-греч. *ἀθίγγανοί* ‘haeretici in Phrygia et Lycaonia praecipue degentes’ [Фасмер, 1996, т. 4, с. 305].

Слово *чыкан* входит в лексико-семантическую группу этнонимов собственно чувашского типа наряду с *акăлчан* ‘англичанин’, *ар* ‘удмурт’, *вырăс* ‘русский’, *ирçе* ‘эрзя’, *мăкшă* ‘мокша’, *мĕриккан* ‘американец’, *нимĕç* ‘немец’, *нухай* ‘ногай’, *пушкăрт* ‘башкир’, *çармăс* ‘мари’, *тутар* ‘татарин’, *хрансус* ‘француз’ (см.: Фомин, 2018).

Цыгане в чувашской ономастике. Этноним *чыкан* встречается в названии чувашского селения в Чебоксарском районе – *Чиканкасси* ‘Цыганкасы’. Селение исключено из списка населенных пунктов Чувашии 18 декабря 1975 г. в связи с переселением жителей в г. Новочебоксарск [Нестеров, 1981, с. 265], в котором название деревни присвоено одной из улиц.

Существует легенда, объясняющая происхождение название *Чиканкасси*: «Эта деревня основана в результате переселения по одному-два хозяйства из Шанар, Ильбешей и Эльгеш-Пайзар. Когда домов стало 10–15, получилась деревня. В то время священники перед Новым годом ходили из дома в дом, собирали зерно, молились. Деревенские жители из-за страха перед ними ушли в лес. Священники сказали: «Ну, и цыгане же они». С тех пор, как будто, деревня и называется Цыганкасы»¹ (пер. наш. – Л. И.) [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 2007, с. 288]. Между тем более вероятным представляется прозвищная обусловленность топонима. Цыганами в среде чувашей принято называть смуглокожих людей, ср.: *хура чыкан пек хура сын* [Ашмарин, т. 15, с. 181] ‘цыганоподобный смуглый человек’; *Хора сынна калаççĕ: и, хора чыкан! – теççĕ* [Ашмарин, т. 16, с. 208] ‘О смуглом человеке говорят: о, черный цыган!’. Кроме того, в чувашской среде цыганами называются животные, ассоциируемых с цыганами: *Чикан* – кличка лошади, купленной у цыгана; *Чикан* – *йытă ячĕ* [Ашмарин, т. 15, с. 195] ‘*Чикан* – прозвище собаки’.

В словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина приводится название речки *Чикан сырми* [Ашмарин, т. 15, с. 195] ‘Цыганская речка’. В современной справочной

¹ Ку ял Шанартан, Илпешрен, Элкеш-Пайсар таврашсем пĕрер-икшер кил килсе ларнипе пулнă. Пĕр 10–15 кил пустаранса пĕр ял пулса кайнă. Вăл вăхăтра пачăшкăсем Çенĕ сұл умĕн Мăн кун чух кашни киле кĕре-кĕре сўренĕ, тырă пустарнă, кĕл тунă. Ял сыннисем пачăшкăсенчен хăраса вăрманна тарса пытаннă. Пачăшкисем вара: «Эй, чикансем кусем», – тесе хăварнă тет. Çавăнтан ялне Чиканкасси теме тытăннă пулать [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 2007, с. 288].

литературе, преимущественно написанной на русском языке и, возможно, по этой субъективной причине игнорирующей чувашский материал, данный гидроним уже не встречается [Дубанов, 2008, с. 174–195].

Цыгане в чувашском фольклоре. Фольклорные тексты являются главным источником, в котором подытоживается субъективный опыт восприятия цыган чувашами. В устном народном творчестве чувашей упоминание цыган встречается в малых жанрах – поговорах и поговорках. В целом в чувашском фольклоре складывается их отрицательная характеристика. Цыгане в восприятии чувашей хитрые (*Чикан майри чике тӳршиӗ лартма та пӗлет* ‘Цыганка запросто может обмануть’); *Чикан улталамасӑр кун каҫаймасть* ‘Цыган не может прожить день без обмана’; настойчивые (*Чикан чӗлхи илес мар сӗртен илтерӗ* ‘Цыган уговорит купить, даже если не хочешь’); непонятные (*Чикан чунне чухлама хӗн* ‘Душу цыгана сложно понять’); агрессивные (*Чикан хӳйӗн ачине айӑп тӳвичченех патакласа хурат* ‘Цыган своего ребенка бьет еще до того, как он совершит что-то непотребное’); *Чикан лашине туйансан куллен виҫсӗ ларса йӗрӗн* ‘При покупке лошади у цыган будешь плакать в день по три раза’; *Чикан лашине туйансан туй вырӑнне суй курӑн* ‘Если купишь лошадь у цыган, вместо свадьбы будет несчастье’; *Чикан начар лашине лайӑх лашапа улӑштарсан та сӗтев ыйтат* ‘Цыган даже при обмене его слабой лошади на хорошую будет требовать денег’), ненадежные (*Чикан сӑмахне ӗненме хушман* ‘Цыган не велено слушать’); *Чикана ӗненсен чике тӳршиӗ ларса юӑн* ‘Если поверишь цыгану, останешься ни с чем’); менее стеснительные (*Чикан сӑнни именме пӗлмест* ‘Цыган не умеет стесняться’); жадные (*Чикан куҫӗ – ҫӑхан куҫӗ: аякранах асӑрхат* ‘Глаз цыгана – вороний: видит издали’).

Относительно положительное восприятие цыган – исключение: *Чикан ӳсӗ – хӳюӑх* ‘Ум цыган – отвага’; *Чикан хӳюӑхӗ чирлӗ выртмасть* ‘Отвага цыгана не притворяется больным’; *Чикан та хӳйне кура чысӗ пур* ‘И у цыгана есть честь’; *Чикан чухӑн мар, пӗтӗм тӗнче уӑн* ‘Цыган не беден, весь мир его’; *Чикан тӳшекӗ – ешӗл курӑк, ҫи виттийӗ – кӑвак тӳпе* ‘Перина цыгана – зеленая трава, одеяло – голубое небо’.

Прежде цыгане в чувашской среде ассоциировались с лошадьми: *Лаша пасарӗнче – чикан, виле масарӗнче – ҫӑхан* ‘На рынке лошадей – цыгане, на кладбище – вороны’; *Чӳхӳмӑс лаша та чиканра йӳрӗ тет* ‘И строптивая лошадь у цыгана становится резвой’; *Хура чиканран ут ан ил, тӳлӑх арӑман хӗр ан ил* ‘У смуглого цыгана лошадь не покупай, у вдовы дочь замуж не бери’; *Чикан алли чуман лашана та чуптарат* ‘Рука цыгана и ленивую лошадь заставит бежать’. Поговорки и пословицы с компонентом *лаша / ут* ‘лошадь’ составляют более половины всех текстов с этнонимом *чикан*.

Другая характерная деталь чувашского фольклора в отношении цыган – частое упоминание их в заговорах от болезней в ряду этнонимов, ср.: *тутар куҫӗ, мӳкши куҫӗ, вырӑс куҫӗ, чикан куҫӗ* ‘глаз татарина, глаз мокши, глаз русского, глаз цыгана’; *тутар вилли туйӗ, чыкан*

вилли туйӗ ҫакна ӗҫсе-ҫисе кайтӳр ‘свадьба мертвого татарина, свадьба мертвого цыгана пусть угостятся этим’. Скорее всего повторяемость слова *чикан* связана с незначительными объемами чувашского этнонимикона при необходимости многократного упоминания однотипных объектов и явлений согласно жанровым особенностям текста заговора.

Цыгане в народном художественном творчестве. У чувашей имело распространение игра «Чиканла» («По-цыгански»). Суть игры: прыгать на одной ноге, не ступая на другую; побеждает тот, кто в прыжках уходит дальше всех [Ашмарин, т. 15, с. 195].

Цыгане в чувашской литературе. Одна из исходных глав трилогии Г. Харлампьева «Илемлӗ ир» («Красивое утро»), рассказывающей об октябрьских событиях 1917 г., называется «Чикансем» («Цыгане»). В ней подробно описывается быт цыган: «После обеда в Майданском лесу остановились цыгане. Три кибитки. Каждая с сопряженными двумя конями и одним на поводу. Всего девять. Цыгане отпустили их на пастбище, некоторых привязали, некоторых стреножили. На краю леса развернули шатер, развели огонь. Повесили чайник кипятить воду, котел для готовки еды. Кажется, остановились надолго. Много их: из каждой кибитки выскочило по несколько детей. Все босые, грязные, в пыли. Шумят, кричат. Но никто не плачет. Они, кочевники, привычны и к голоду, и к холоду. Мужчины – в красных рубахах, черных или голубых штанах, женщины в широких цветастых сарафанах из ситца с мелкими оборками, с большими серьгами, крупными бусами»² (пер. наш. – Л. И.).

Приход цыган напугал жителей села. Цыганам в очередной раз удалось обокрасть сельчан. Увели они и лошадь...

Одним из центральных персонажей романа выступает Аринка, цыганская девушка, воспитанная в чувашской деревне под Казанью. Она глубоко симпатична читателю, и ей по ходу повествования удалось замолить все прегрешения соплеменников.

Следующее обращение к цыганской теме в чувашской литературе относится к концу 1990 гг. и представлено в виде пьесы А. Пртта «Турӑ пурмен юрату» («Запрещенная любовь»). Жанр пьесы определяется автором в качестве мелодрамы. Цыганский табор расположился рядом с чувашским селом. Данило спасает тонущую девушку Люду. Между молодыми людьми начинаются отношения. Однако в финале пьесы выясняется, что Данило и Люда – брат и сестра: много лет назад мальчик был похищен бездетной цыганкой Зариной. Пьяный Петр, добивавшийся руки Люды, убивает Данило из ревности.

² Кӳнтӳрлӑ иртсе Майтан вӳрманне чикансем килсе чарӑнчӗс. Виҫӗ кӳмене. Кашни кӳмине икшер лаша кӳлнӗ, тепер лаша ахаль кӳкарнӑ. Пурӗ тӳхӳр лаша. Чикансем лашасене улӑха тӳварса ячӗс, шӳшине кӳкарчӗс, хӳшне тӳлларӗс. Майтан вӳрманӗ хӗррине чатӳр карчӗс, кӳвайт чӗртӗс. Чейникпе шыв вӗретме, хуранпа апат пӗсӗрме сӳкрӗс. Чылайлӑхах килсе чарӑнчӗс пулмалла. Нумайӳн хӳсем: кашни кӳмерен темӗҫе ача сиксе тухӗ. Пурте сӳрран, хуп-хура, тусанланса пӗтӗн. Шавлаҫсӗ, кӳшкӳрашӳсӗ. Макӳракан сук вара. Вӗсем, пӗр май куҫсе сӳрекенкерсем, выҫса та, сиве те чӳтма хӳнӳхнӑ ӗнтӗ. Ар сӳнсем – хӗрлӗ кӗпе, хура е кӳвак шӳла-вар, хӗрарӳсем чечеклӗ ситсӳран тем чухлӗ пӗрмечеллӗ туса сӗленӗ сарлака сараппан тӳхӳннӑ, пысӳк алка, шултӳра шӳрҫа сӳкнӑ» (Харлампьев Г. Илемлӗ ир. Шупашкар, 1988. С. 19).

В пьесе приводятся некоторые подробности из цыганской жизни, неизвестные чувашскому читателю: чтение молитвы, праздничный быт, объявление имени нового барона, перекочевка. В то же время пьеса представляет собой описание цыган в традиционном представлении чувашей, ср.: *Халăхра чикана хисеплесех каймаççе те. Чикан вăл вăрлать, тухатать, укça ыйтать тата ытти те* 'В народе цыган не очень и уважают. Цыгане крадут, колдуют, денег просят и тому подобное'; *Ямăт пурнăç шыраса сўрессе вёсем* 'Комфортную жизнь ищут они'.

Так или иначе, данная пьеса является первым произведением чувашской литературы, в котором цыганская тема выступила в качестве главной.

Выводы

Цыгане – новая выявленная этническая группа с неповторимыми культурными традициями, представленная в Чувашии с начала XX в. У чувашского народа еще со времен первых контактов сложилось этноцентрически обусловленное негативное восприятие цыган.

Безусловно, цыгане республики должны стать объектом специальных этнологических исследований. Можно предположить, что вокруг них во многом из-за закрытости этнической группы и предубеждений к настоящему времени сложилась новая мифология.

Сокращения

Диал. – диалектизм, рус. – русский язык, ст.-греч. – старогреческий язык, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка : [в 17 томах]. Чебоксары, 1928–1950.
2. Волкова А. А. Реалистическое воплощение цыганской темы в русской литературе XIX века // *Художественное образование и наука*. 2016. №4. С. 19–27.
3. Деметер Н. Г., Черных А. В., Тишков В. А. и др. Цыгане : монография. Москва : Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2018. 614 с.
4. Дубанов И. С. Озера, реки, родники Чувашии. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2008. 205 с.
5. Иванов В. П., Матвеев Г. Б. Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2015. 196 с.
6. Лебедев Э. Е., Родионов В. Г., Семенова И. П., Касимов Е. В. Н. И. Ашмарин – корифей чувашской филологии. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2020. 270 с.
7. Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы : справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1981. 352 с.
8. Соловьева В. В. Цыганский феномен в русской лингвокультуре // *Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка*. Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2019. С. 381–387.
9. Большой диалектологический словарь татарского языка : около 40000 единиц / составитель Г. Ибрагимов. Казань: Татарстан китап нашрияты, 2009. 839 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента РАН О. Н. Трубачева. 3-е издание, стереотипное. Санкт-Петербург : Азбука Терра, 1996.
11. Фомин Э. В. Образ медведя в чувашской культуре // *Этническая культура*. 2022. Т. 4, № 4. С. 62-65. DOI 10.31483/r-103500. EDN IJWYJZ
12. Фомин Э. В. Семантическая структура этнонимов чувашского языка // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2018. №1. С. 53–59.
13. Чăваш халăх пултарулахё. Шупашкар : Чăваш кёнеке издательстви, 2000.
14. Чăваш халăх сăмахлахё : 6 томпа. Шупашкар : Чăваш кёнеке издательстви, 1973–1987.
15. Ягубов Б. А. «Цыганский текст» и его место в русской культуре // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. №9. С. 208–212.

References

1. Ashmarin, N. I. (1928). *Chavash samahesen keneki = Slovar' chuvashskogo yazyka*. Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
2. Volkova, A. A. (2016). Realisticheskoe voploshchenie cyganskoj temy v russkoj literature XIX veka. *Hudozhestvennoe Obrazovanie I Nauka*, 4, 19–27.
3. Demeter, N. G., Chernyh, A. V., & Tishkov, V. A. (2018). *Cygane*. Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij centr "Nauka."
4. Dubanov, I. S. (2008). *Ozera, reki, rodniki Chuvashii*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Ivanov, V. P., & Matveev, G. B. (2015). *Etnokul'turnyj portret Chuvashskoj Respubliki: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Lebedev, E. E., Rodionov, V. G., Semenova, I. P., & Kasymov, E. V. (2020). *N. I. Ashmarin – korifej chuvashskoj filologii*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Nesterov, V. A. (1981). *Naselennye punkty Chuvashskoj ASSR. 1917–1981 gody : spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Solov'eva, V. V. (2019). Cyganskij fenomen v russkoj lingvokul'ture. *Aktual'nye Problemy Sovremennogo Yazykoznanija I Metodiki Prepodavaniya Yazyka*, 381–387.

9. Ibrahimov, G. (2009). *Bol'shoj dialektologicheskij slovar' tatarskogo yazyka : okolo 40000 edinic*. Tatarstan kitap nashriyaty.
10. Fasmer, M. (1996). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 tomah* (O. N. Trubacheva, Trans.). Azbuka Terra.
11. Fomin E.V. (2022). The Image of a Bear in the Chuvash Culture. *Ethnic Culture*, 4(4), 62–65. EDN: IJWYJZ. <https://doi.org/10.31483/r-103500>
12. Fomin, E. V. (2018). Semanticheskaya struktura etnonimov chuvashskogo yazyka. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. I. Ya. Yakovleva*, 1, 53–59.
13. *Chavash halah pultarulaha*. (2000). Chavash keneke izdatel'stvi.
14. *Chavash halah samahlaha : 6 tompa*. (1973). Chavash keneke izdatel'stvi.
15. Yagubov, B. A. (2013). «Gypsy text» and its place in Russian culture. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii I Praktiki*, 9, 208–212.

Информация об авторах

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Илларионова Лилия Владимировна, доцент, декан, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6425-432X>; e-mail: liliya-illarionova@yandex.ru

Information about the authors

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archives of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Lilia V. Illarionova, associate professor, dean, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archives of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6425-432X>; e-mail: liliya-illarionova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2023
Принята к публикации 24.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 01 March 2023
Accepted 24 March 2023
Published 29 March 2023

Роль карело-финского эпоса «Калевала» в этнокультурном воспитании младших школьников

<https://doi.org/10.31483/r-105775>
УДК 398.221(=470.22) +
373.3.035.6:938.221 +
793:398.221

Комарова И. В.

Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0009-0005-0415-7931>, e-mail: kirijna@yandex.ru

Резюме. В статье рассмотрены вопросы этнокультурного воспитания младших школьников и особенности их решения в современном информационном мире; представлены результаты эмпирического исследования, показывающие недостаточно сформированный уровень знания детьми культуры карельского народа на примере эпоса «Калевала», освоение которого является обязательным в образовательном пространстве Республики Карелия; изучены примеры использования идей синтеза искусств в ходе создания хореографического произведения по мотивам эпоса «Калевала». В основу работы положены наблюдения автора за процессом изучения карело-финского эпоса «Калевала» учащимися младшего школьного возраста в условиях г. Петрозаводская. Основными методами исследования стали теоретический анализ и опытно-практическая работа с экспериментальной группой младших школьников. Автором изучены возможности применения синтеза искусств в формировании знаний об эпосе «Калевала». Эпос «Калевала» входит в национально-региональный компонент образовательной программы, реализация которого позволяет достигать задач этнокультурного развития и воспитания школьников. Однако в условиях многозадачности педагогической практики, вынужденной реагировать на все вызовы информационного мира, вопросы сохранения культурных традиций и передачи этнокультурного опыта в современном мире становятся трудно решаемыми и зависимыми от стереотипов, формируемых современными массмедиа.

Ключевые слова: этнокультурное воспитание, синтез искусств, арт-объект, эпос «Калевала», младшие школьники, хореографическое произведение.

Для цитирования: Комарова И.В. Роль карело-финского эпоса «Калевала» в этнокультурном воспитании младших школьников // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 65-69. – DOI 10.31483/r-105775. – EDN RBBAEF

The role of the Karelian-Finnish epic “Kalevala” in the ethno-cultural education of younger schoolchildren

Irina V. Komarova

 Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0009-0005-0415-7931>, e-mail: kirijna@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of ethnocultural education of younger schoolchildren and the features of their solution in the modern information world; the results of an empirical study are presented, showing the insufficiently formed level of knowledge of the culture of the Karelian people by children on the example of the Kalevala epic, the development of which is mandatory in the educational space of the Republic of Karelia; examples of the use of the ideas of the synthesis of arts in the course of creating a choreographic work based on the Kalevala epic have been studied. The work is based on the author's observations of the process of studying the Karelian-Finnish epic “Kalevala” by students of primary school age in the conditions of the city of Petrozavodsk. The main research methods were theoretical analysis and experimental and practical work with an experimental group of younger schoolchildren. The author has studied the possibilities of applying the synthesis of arts in the formation of knowledge about the Kalevala epic. The epos “Kalevala” is included in the national-regional component of the educational program, the implementation of which makes it possible to achieve the tasks of ethno-cultural development and education of schoolchildren. However, in the conditions of multitasking pedagogical practice, forced to respond to all the challenges of the information world, the issues of preserving cultural traditions and transferring ethnocultural experience in the modern world become difficult to solve and depend on the stereotypes formed by modern mass media.

Keywords: ethno-cultural education, synthesis of arts, art object, epic “Kalevala”, junior schoolchildren, choreographic work.

For citation: Komarova I.V. (2023). The role of the Karelian-Finnish epic “Kalevala” in the ethno-cultural education of younger schoolchildren. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 65-69. EDN: RBBAEF. <https://doi.org/10.31483/r-105775>.

Введение

Этнокультурное воспитание в многонациональной России является распространенной практикой в школе. Язык, традиции, обычаи, фольклор, нравственные ценности, нормы поведения, привычки народа дают младшим школьникам четкие представления о добре и зле, правде и лжи, любви и предательстве, важном и случайном в жизни, т. е. о том, что содействует фор-

мированию лучших человеческих качеств у детей. Не случайно федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования содержит требования, соблюдение которых в наилучшей степени отражает содержание духовно-нравственного воспитания и развития школьников с учетом этнокультурного компонента.

Проблема этнокультурного воспитания и примеры ее решения отражены во многих источниках [Волков, 1999; Нездемковская, 2011; Одилова, Фахрутдинова, 2022; Солодухина, Свиридюк, 2012]. Общим в работах является понимание, что этнокультурное воспитание является сложным социально-педагогическим феноменом, содержащим этнокультурный образовательный компонент, раскрытие которого обеспечивает успешную социализацию обучающихся в условиях быстро меняющегося мира, когда необходимо осознавать себя и гражданином большого многонационального государства, и носителем этнокультуры. Последняя неизменна в своих проявлениях, поскольку в ее основе лежит традиция как устойчивая форма народной мудрости.

Система этнокультурного воспитания в начальной школе Республики Карелия также выступает в качестве целостного процесса передачи детям культурных ценностей, традиций карельского народа, их социальных норм и правил поведения. Результатом такой работы становятся ценностно-смысловое отношение к национально-культурным традициям, их положительное эмоционально-оценочное восприятие, способность адаптировать национально-культурные традиции к современным условиям жизни.

Одним из средств этнокультурного воспитания младших школьников является карело-финский эпос, известный под названием «Калевала». Несмотря на то, что это литературное произведение известно во всем мире, современные дети недостаточно хорошо представляют образы главных героев и те события, в которые они вовлечены, не понимают народную мудрость. Данное обстоятельство позволяет предположить, что воспитательный потенциал эпоса в современной начальной школе реализуется слабо. Положение усугубляется и тем, что серьезные методические разработки для педагогов по работе с эпосом «Калевала» приходится на далекий советский период [Калевала, 1953; Мухина, Шитикова, 1985].

Материал и методы исследования

В основу исследования положены наблюдения автора за процессом изучения карело-финского эпоса «Калевала» учащимися младшего школьного возраста в условиях г. Петрозаводска, Республика Карелия.

Основными методами исследования стали теоретический анализ и опытно-практическая работа с экспериментальной группой младших школьников. Автором изучены возможности применения синтеза искусств в формировании знаний об эпосе «Калевала».

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование возможностей искусства в повышении воспитательного потенциала карело-финского эпоса «Калевала» в этнокультурном воспитании младших школьников позволило определить основные результаты, учет которых позволит совершенствовать практику духовно-нравственного воспитания в начальной школе. Во-первых, понимание педагогом воспитательного потенциала эпоса «Калевала» для решения задач этнокультурного воспитания школьников

требует знания как истории создания эпоса в качестве литературного произведения, так и современных подходов к объяснению его этнокультурного содержания и духовно-нравственного значения. Во-вторых, важным предполагается использование в образовательной практике синтеза искусств в качестве педагогического средства этнокультурного воспитания, позволяющего создавать актуальные ценностно обусловленные арт-объекты. В-третьих, необходимо проектирование педагогически обоснованных программ мероприятий, в процессе изучения произведения этнокультурного содержания направленных на активизацию творческой и практико-ориентированной деятельности, управление воспитанием на основе обратной связи; при этом важно обратить внимание на наличный и потенциальный уровни этнокультурного развития личности.

Известно, что в основу карело-финского эпоса «Калевала» положены руны, или народные эпические песни, большая часть которых была записана на территории Карелии (см.: Мишин, 1988; Чернякова, 1998; Киуру, Мишин, 2001; Кочкурина, 2004; Бондаренко, 2015; Карху, 2016; Бакулин, Бакулин, 2018).

Эпос пусть и в искаженной форме дает нам представление об исторических событиях далекого прошлого, причем он регулярно добавлялся и обновлялся народом новыми сведениями на протяжении многих веков. Эпос, как и «всякое произведение фольклора, является плодом коллективного творчества длинного ряда поколений сказителей, что и дает нам полное право говорить, что его создал народ» [Бакулин, 2018, с. 14].

Народные эпические песни – руны считаются одними из самых древних в мировом фольклоре. Они сохранили архаические сюжеты и мотивы о создании мира из яйца, сотворении неба и небесных светил, изготовлении предметов – лодки, кантеле, о тотемных животных. Архаичен и поэтический стиль карельского эпоса – четырехстопный хорей, называемый калевальским размером. В строке, как правило, восемь слогов (четыре пары); первый слог каждой пары – ударный, второй – безударный. Характерной особенностью является также аллитерация. Еще одна особенность – поэтический параллелизм, т. е. последующая строка зачастую повторяет содержание предыдущей, но другими словами, например: *Поднял голову из моря, приподнял из вод макушку* [Бакулин, 2018, с. 14].

Крайне важная отличительная особенность карельского эпоса – его «высокая интеллектуальность и глубокая философичность» [Бакулин, 2018, с. 15]. В карельских рунах нет акцентов на яркие сцены битв, богатырскую удаль, восхваление физической силы, наоборот, в них «повествование чрезвычайно насыщено изображением магических действий и волшебных событий» [Бакулин, 2018, с. 15]. В «Калевале» на первый план выступает знание. Создатели и хранители рун верили в то, что, зная слово, они имеют власть над существом, вещью или явлением, которое это слово обозначает. Итак, знание священного слова есть главное достоинство героя эпоса.

Не секрет, что карельские руны, составляющие эпос, не имеют единой сюжетной линии: повествова-

ние перескакивает с одного на другое действие, что подтверждает возникновение их в разное историческое время и с разной целью. Другими словами, карельские руны «во всей своей совокупности не были единым произведением» [Бакулин, 2018, с. 29].

Э. Леннрот, финский поэт и ученый-фольклорист, записывал эти древние песни от карельских рунопевцев и оформил их в литературное произведение, которое получило название «Калевала». Известно, что 28 февраля 1835 г. он передал свою рукопись в типографию, где книга вышла небольшим тиражом. Окончательная версия карело-финского поэтического эпоса была опубликована в 1849 г., к этому времени произведение уже было известно в Европе, а в XX в. уже эпос имел всемирное признание. В настоящее время в Финляндии и России 28 февраля отмечается день «Калевалы».

Одним из важных сюжетов народного эпоса, имеющего большой воспитательный потенциал для современной педагогической практики, можно считать сюжет о священном предмете и источнике сказочного богатства Сампо – чудо-мельнице, созданной волшебным способом из магических компонентов, которая дарит человеку все, что он хочет.

Существует мнение, что миф о Сампо считается «центральным сюжетом народного эпоса, а руна «Сампо» является стержневой руной, к которой притягиваются герои и события многих других песен» [Бакулин, 2018, с. 31].

Эпос «Калевала», являясь источником вдохновения для разных искусств, имеет крайне важное значение для этнокультурного воспитания младших школьников, возраст которых особенно чувствителен к поэтическому наследию предков.

Мы предполагаем, что педагогическим средством, помогающим раскрыть воспитательный потенциал эпоса в начальной школе, может быть синтез искусств. Единое понимание его еще не сложилось. Приведем в качестве примера одно из определений, когда синтез искусств рассматривается в качестве вида педагогического творчества как «сочетание разных видов искусства, оказывающее многостороннее эстетическое воздействие» [Калинина, 2016, с. 238].

В понимании синтеза искусств отражаются новые тенденции развития культуры и образования, которые могут быть представлены с разных позиций. Первая решает вопрос о том, объективно ли сближение искусств или зависит только от воли автора; вторая решает, возникает ли новое содержание при взаимодействии искусств или сводится к простой сумме каждого из компонентов; третья отвечает по поводу того, каким образом традиционные формы синтеза искусства могут продолжать существование в новых [Калинина, 2016, с. 237].

Искусство традиционно рассматривается в качестве эффективного педагогического средства, ориентированного на духовный мир ученика, его эстетическое восприятие мира, творческое познание и самовыражение. Оно позволяет отражать явления действительности в художественной форме.

Продукт синтеза искусств, по мнению ученых, ближе всего характеризуется как арт-объект. Этот продукт создается не по определенным правилам, а позволяет проявлять свободу, он дает возможность увидеть привычное явление по-новому. По сути арт-объект – «соединение различных материалов, условная неэстетичность, необычность» [Калинина, 2016, с. 238].

Исходя из нелинейности содержания эпических рун, собранных в «Калевале», мы предполагаем возможность создания младшими школьниками такого арт-объекта, который станет для них субъективно значимым, вызовет положительное эмоционально-ценностное отношение к национальным традициям и позволит их рассмотреть в логике современной жизни.

Понятно, что субъективное отношение к рассматриваемым этнокультурным явлениям будет проявляться в эмоциях младших школьников. Они выражают смысл ситуации, как реальной, так и воображаемой, с точки зрения удовлетворения актуальной потребности. Известно, что эмоции не всегда могут осознаваться личностью, но всегда сопровождают ее поведение. Поэтому эмоционально-выразительные движения ученика сообщают информацию о его отношении к тому, что происходит. В этом смысле танец как древнейший вид искусства может иметь особое значение в синтезе искусств для младших школьников.

Эпос «Калевала» очень поэтичный, музыкальный, что помогает познавать его не только при помощи вербальных средств, но и невербальных, т. е. осуществлять синтез искусств при решении задач этнокультурного воспитания в начальной школе.

Опытно-практическая работа, направленная на проверку предположения о возможности применения синтеза искусств в этнокультурном воспитании младших школьников, проводилась на базе ансамбля танца «Мозаика» г. Петрозаводска совместно с хореографом М. С. Дудаль. В качестве экспериментальной выбрана возрастная группа участников танцевального коллектива семи-девяти лет.

На начальном этапе нами установлено, что дети слышали о существовании эпоса «Калевала», но не знают его героев. При этом они могут охарактеризовать былинных персонажей, богатырей, однако используя для этого образы, которые им запомнились благодаря современным мультипликационным фильмам.

Некоторые дети не знают «Калевалу» как эпическое произведение, но знают ее как название поселка в Карелии или название кинотеатра в Петрозаводске. При этом половина опрошенных слышали, что Сампо – это мельница, а Лоухи связана у них с образом злой старухи или злого волшебника.

Рисунки, выполненные детьми, отражают влияние современной мультипликации на образы героев эпоса «Калевалы», они представляются детьми как персонажи из сериала о богатырях и Бабой-ягой. В целом представления младших школьников об эпосе «Калевала» оказались в большей степени поверхностными или неверными. Результаты наблюдений свидетельствуют о необходимости проведения специально разработанной программы мероприятий.

Такой стала программа «Калевала глазами детей», включающая общекультурный блок и собственно постановку танца на основе идей синтеза искусств.

Основными формами работы с младшими школьниками, которые способствовали формированию представлений о народной культуре, жизни и быте карельского народа, отраженные в содержании эпоса, стали экскурсии в краеведческий музей, музей кантеле, посещение мастерских национальных инструментов и народных костюмов, а также встречи с артистами балета ансамбля «Кантеле» и, кроме того, домашнее семейное чтение эпоса (родители получали рекомендации, соблюдение которых должно было помочь обсудить им прочитанное с детьми), выполнение творческих заданий и практические занятия в танцевальном классе.

Постановка танца участниками экспериментальной группы осуществлялась на профессиональном уровне. В отличие от предыдущего опыта младшие школьники вовлекались в создание арт-объекта на всех его этапах. Так, например, они выбирали музыкальные фрагменты, которые в наибольшей степени соответствуют танцевальным движениям, отражающим характеры героев эпоса, также они рисовали эскизы костюмов и выбирали лучшие из них. Далее дети выделяли ключевые темы – тему мужественных богатырей, девичью тему, проблему борьбы добра со злом, формулировали основную идею постановки, ее сюжет и средства реализации, распределяли роли и поручения.

В целом хореографическое произведение включало пять ступеней, каждая из которых раскрывает действия в постановке по мотивам эпоса «Калевала».

Экспозиция. Мужественные величественные богатыри, жители Северной страны Калевы, которые живут достаточно бедно, решили сковать мельницу, чтобы мука была, и хлеба хватало на весь люд честной. Собрались богатыри, но и дня и ночи им не хватило, все работали и работали, ковали они мельницу.

Завязка. И наконец, появилось это чудо на свет – мельница Сампо, и приносила мельница всем жителям Калевы не только муку да хлеб, но и радость, и золото, и солнце, и счастье.

Развитие действия. Красивые в золото одетые девушки, подруги Айно, предстают во всей красе, будто лебеди прекрасные. Они радуются миру и солнцу над головой и закликают женихов. Но вдруг откуда не возьмись с другого берега появляется старуха Лоухи. Разогнала она всех девушек, напугала, увидела, что все радуются, а ее с собой не зовут!

Кульминация. Обозлилась и наколдвала горя. Закружились люди в танце приворотном, помутнело их сознание, и не увидели они, как злая старуха мельницу у них украдала, чтобы все богатство мира теперь только ей принадлежало.

Развязка. Когда одумались люди, очнулись от заклятия, так и вспомнили, что старуха Лоухи частенько на мельницу заглядывалась и сразу все поняли, кто в пропаже виноват. Отыскали богатыри старуху, поймали Лоухи, вернули мельницу, чтобы счастье и радость со всеми делить. А Лоухи пришлось и вовсе прогнать со своих земель, чтобы зла и горя больше никому не приносила.

Общая продолжительность танцевального спектакля, состоящего из четырех танцевальных зарисовок, составляет около девяти минут. Важно, что дети не просто довольны постановкой, но и знают, что танцуют. У них появляется желание приходить на дополнительные репетиции. Поскольку они принимали участие в создании спектакля, он стал лично значим для них и вызвал желание представить свой танец для разных людей.

Таким образом, верно подобранный комплекс мероприятий, включающий в себя различные виды искусства, действительно, приносит положительные результаты в этнокультурном воспитании. Данный тезис подтверждается результатами, полученными в конце опытно-практической работы. Все дети имеют достаточно полное представление о карело-финском эпосе «Калевала», могут назвать его героев и основные события. Причем некоторые помнят, что Вийнемейнен не только богатырь, но и создатель мира. Дети приходят к выводу, что богатыри служили во благо народа, защищали родную землю от нечисти, злых и плохих людей.

Важно, что дети стали проявлять эмоционально-ценностное и познавательное отношение к эпосу, например: «это интересная история о создании мира», «это история о злом и добром мире, в котором доброта и мир всегда побеждают». Интересна реакция девочки, которая играла роль Лоухи. Она не стала считать ее злой старухой, а пришла к выводу, что «она просто могущественная и обижена на весь народ за то, что ее считают злой». В этом отзыве отражается ее личностная позиция, авторское прочтение эпоса, что с точки зрения воспитания является важным результатом.

Выводы

Карело-финский эпос «Калевала» является общемировой сокровищницей человеческой цивилизации. Эпические руны, сохранившие мудрость карельского народа, содержат установки на роль слова духовно-нравственного содержания в решении всех жизненных проблем, показывают примеры разрешения конфликтов, когда происходит столкновение добра со злом, дают понимание роли материального труда и собственных духовных усилий в достижении счастья, к которому стремятся люди во все времена.

Эпос «Калевала» входит в этнокультурный компонент образовательной программы Карелии, реализация которого позволяет достигать задач этнокультурного развития и воспитания школьников.

Возможности синтеза искусств в приобщении младших школьников к этническим и духовным ценностям своего народа позволяют находить способы усиления педагогической работы, направленной на сохранение и укрепление культурно – исторических традиций, возрождения чувства связи с народом, ощущение счастья бытия и творчества. Использование традиций и обычаев в этнокультурном воспитании детей позволяет оказывать влияние на их социальное, духовно-нравственное, психическое и эмоциональное развитие.

Список литературы

1. Бакулин Д., Бакулин А. Сампо. Руны Похьёлы (Карельский эпос). Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2018. 386 с.
2. Бондаренко В. «Калевала» и ее иллюстраторы: к 125-летию полного издания эпоса // Север. 2015. №1. С. 110–114.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика. Москва : Издательский центр «Академия», 1999. 168 с.
4. Калевала: карело-финский эпос : пересказ для детей А. Любарской. Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1953. 192 с.
5. Калинина Л. Ю. Понятие «синтез искусств»: актуальные аспекты // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Том 5, №4. С. 236–239.
6. Карху Э. Г. «Калевала» – ее культурно-историческое и современное значение // Carelia. 2016. №3. С. 7–17.
7. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки Калевалы / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск, 2001. 246 с.
8. Кочкуркина С. И. Народы Карелии: история и культура / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск : Карелия, 2004. 207 с.
9. Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск : Карелия, 1988. 166 с.
10. Мухина А. Ф., Шитикова Л. И. Младшим школьникам о «Калевале». Петрозаводск : Карелия, 1985. 57 с.
11. Нездемковская Г. В. Этнопедагогика. Москва : Альма Матер : Академический проект, 2011. 225 с.
12. Одилова Д. И. Этнокультурное воспитание младших школьников в условиях неурочной деятельности / Д. И. Одилова, А. В. Фахрутдинова // Вопросы студенческой науки. 2022. №4 (68). С. 494-498. EDN RYVZNE
13. Солодухина Т. К. Методологические основы этнокультурного воспитания младших школьников в учреждениях культуры / Т. К. Солодухина, А. Н. Свиридюк // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. №6. С. 211-216. EDN PKWFSJ.
14. Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Леннрот. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1998. 411 с.

References

1. Bakulin, D. & Bakulin, A. (2018). *Sampo. Runy Poh'yoly (Karel'skij epos)*. LEMA.
2. Bondarenko, V. (2015). «Kalevala» i ee illyustratory: k 125-letiyu polnogo izdaniya eposa. *Sever*, 1, 110–114.
3. Volkov, G. N. (1999). *Etnopedagogika*. Izdatel'skij centr «Akademiya».
4. *Kalevala: karelo-finskij epos : pereskaz dlya detej A. Lyubarskoj* (1953). Gosizdat Karelo-Finskoy SSR.
5. Kalinina, L. YU. (2016). Ponyatie «sintez iskusstv»: aktual'nye aspekty. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal* 5(4), 236–239.
6. Karhu, E. G. (2016). «Kalevala» – ee kul'turno-istoricheskoe i sovremennoe znachenie. *Carelia*, 3, 7–17.
7. Kiuru, E. S., Mishin, A. I. (2001). *Fol'klornye istoki Kalevaly*. Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo centra Rossij-skoj akademii nauk. Petrozavodsk, 246.
8. Kochkurkina, S. I. (2004). *Narody Karelii: istoriya i kul'tura*. Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk, 207.
9. Mishin, A. I. (1988). *Puteshestvie v «Kalevalu»*. Kareliya.
10. Muhina, A. F., SHitikova, L. I. (1985). *Mladshim shkol'nikam o «Kalevale»*. Kareliya.
11. Nezdemkovskaya, G. V. (2011). *Etnopedagogika*. Al'ma Mater : Akademicheskij proekt.
12. Odilova, D. I. & Fahrutdinova, A. V. (2022). Ethno-cultural education of younger schoolchildren in extracurricular activities. *Voprosy studencheskoy nauki*, 4(68). 494-498. EDN: RYVZNE
13. Soloduhina, T. K. & Sviridyuk, A. N. (2012) Metodologicheskie osnovy etnokul'turnogo vospitaniya mladshih shkol'nikov v uchrezhdeniyah kul'tury. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 6, 211-216. EDN: PKWFSJ.
14. CHernyakova, I. A. (1998). *O chem ne rasskazal Elias Lennrot*. Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta.

Информация об авторе

Комарова Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0415-7931>; e-mail: kirijna@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Komarova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0415-7931>; e-mail: kirijna@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.03.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 02 March 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023

**Рецензия на: Лебедев Э. Е.,
Родионов В. Г., Семенова И. П., Касимов
Е. В. Н. И. Ашмарин – корифей чувашской
филологии. Чебоксары : Чувашское
книжное издательство, 2020. 270 с.**

<https://doi.org/10.31483/r-105504>

УДК 811.512.111(091)-
05(Ашмарин)

Фомин Э.В.

Чувашский государственный институт культуры и искусств
Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики,
г. Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Для цитирования: Фомин Э.В. Рецензия на: Лебедев Э. Е., Родионов В. Г., Семенова И. П., Касимов Е. В. Н. И. Ашмарин – корифей чувашской филологии. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2020. 270 с: журнал. // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 70-72. – DOI 10.31483/r-105504. – EDN FTTJYJ

Review

**Review of: Lebedev E. E., Rodionov V. G., Semenova I. P.,
Kasimov E. V. N. I. Ashmarin –
the coryphaeus of Chuvash philology. Cheboksary:
Chuvash book publishing house, 2020. 270 p.**

Eduard V. Fomin

Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry
of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

For citation: Fomin E.V. (2023). Review of: Lebedev E. E., Rodionov V. G., Semenova I. P., Kasimov E. V. N. I. Ashmarin – the coryphaeus of Chuvash philology. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 2020. 270 p. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1), 70-72. EDN: FTTJYJ. <https://doi.org/10.31483/r-105504>

В 2020 г. научная общественность Чувашской Республики отметила 150-летие со дня рождения ученого-тюрколога, основателя чувашского языкознания, уроженца г. Ядрина Николая Ивановича Ашмарина. В республике, пожалуй, нет человека, который никогда бы не слышал его имя. Прежде всего оно знакомо нам в связи с главным трудом всей его жизни – 17-томным словарем чувашского языка [Ашмарин, 1928–1950]. Но и помимо этого лексикографического шедевра ученым было подготовлено несколько фундаментальных работ по чувашскому языку и фольклору, которые уже при издании стали классикой.

Чувашское книжное издательство совместно с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук подготовило коллективную монографию «Н. И. Ашмарин – корифей чувашской филологии». Книга издана в серии «Замечательные люди Чувашии». Авторами этой монографии стали научные сотрудники института Э. Е. Лебедев, В. Г. Родионов, И. П. Семенова и доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева Е. В. Касимов.

Издание имеет особую актуальность. Это первое подробное жизнеописание ученого, признанного научным сообществом всего мира. В нем собраны под одной обложкой все разрозненные до сего дня факты из жизни и научного творчества Н. И. Ашмарина. При всем этом она предназначена не только для узких

специалистов, но и для широкого круга читателей, что тоже является ее несомненным преимуществом.

Содержание монографии построено по хронологическому принципу. В отдельных главах рассказывается о детстве, юношеских годах и учебе ученого в учебных заведениях Нижнего Новгорода и Москвы. Особый интерес вызывают главы, где дается информация о предках и родственниках Н. И. Ашмарина, о том, как представители этого семейства переселились на территорию Чувашии. Отметим также описание курмышского периода жизни будущего ученого, ведь именно в этом городе, где прошло его детство, он впервые познакомился с чувашами и их языком. Здесь зародился интерес к изучению как самого народа, его быта, культуры, истории, так и его языка.

Важным для профессионального становления Николая Ивановича стал период его учебы в Москве – в Институте восточных языков. В этом центре науки он получил блестящее образование в области изучения восточных и западноевропейских языков. Все это потом пригодилось ему в собственной научной деятельности.

Большая часть труда посвящена жизни и работе Николая Ивановича в г. Казани. Ученый почти два десятилетия преподавал в Казанской учительской семинарии и параллельно принимал активное участие в научной жизни города. Авторы рассказывают о его дружеских и деловых отношениях с другими известными

чувашскими просветителями и российскими и зарубежными учеными того времени – с И. Я. Яковлевым, М. П. Петровым, Н. Ф. Катановым, А. Н. Самойловичем, Б. Мункачи и др. Книга снабжена фотоматериалами и документами той эпохи, что несомненно представляет интерес для читателя.

Затрагивают авторы и содержание его научных работ. Предпочтение отдано наиболее известным трудам, имевшим большой успех в научном мире. Среди них «Материалы для изучения чувашского языка» [Ашмарин, ч. 1, 1998; Ашмарин, ч. 2, 1998], два тома «Опыта исследования чувашского синтаксиса» [Ашмарин, 1903; Ашмарин, 1923], «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш» [Ашмарин, 1921], и, возможно, одна из наиболее важных работ ученого, в которой он впервые научно обосновывает происхождение чувашского народа от волжских болгар – «Болгары и чуваш» [Ашмарин, 1902].

Не забыли авторы и тот период жизни тюрколога, который пришелся на его непродолжительную по времени работу в других городах – Симбирске и Баку. В этих главах также представлена весьма интересная информация. Наиболее сложным периодом жизни семьи Ашмариных стали годы его работы в Симбирске. В это время в Поволжье разразился страшный голод, который непосредственным образом повлиял на всех преподавателей и студентов Чувашского института народного образования, где преподавал ученый. Болезни и голод сильно подкосили здоровье ученого, и в 1923 г. он был вынужден принять приглашение Министерства просвещения Азербайджана и уехать в Баку, где ему было обещано высокое жалование и все условия

для ведения научно-преподавательской деятельности. В книге описываются наиболее примечательные события этого периода: написание новых научных трудов, продолжительная экспедиция в г. Нухи для сбора языкового материала, участие в Первом всесоюзном тюркологическом съезде, получение звания доктора филологии.

Отдельная глава посвящена многолетнему труду ученого по сбору, подготовке и публикации словаря чувашского языка. Читатель может проследить всю историю невыносимо сложной и кропотливой работы автора словаря, которую мог выдержать только человек, беззаветно любящий и преданный культуре и языку чувашского народа. Похвально, что авторы монографии не ограничились описанием только периода жизни ученого. Ими представлены интересные факты и события, связанные с великим ученым и его наследием и произошедшие уже после его смерти. Особо отметим информацию о современном состоянии словаря, об электронных ресурсах, на которых можно с ним ознакомиться.

Не все из того, что было написано авторами книги, вошло в ее окончательную версию, и дополнительные материалы нашли отражение в частных публикациях (см., например: 7–9) [Лебедев, 2022; Лебедев, 2020; Семенова, 2021].

Монография «Н. И. Ашмарин – корифей чувашской филологии» на настоящее время является значимым вкладом в ашмариноведение и выступает замечательной основой для дальнейшего изучения жизни и научной деятельности ученого.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Болгары и чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1902. Том 18, выпуск 1–3. С. 1–132.
2. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Часть 1 : Учение о звуках (фонетика). – Казань, 1898. XXXIV, 382 с.
3. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Часть 2 : Учение о формах (морфология). Казань, 1898. XXXIV, 392 с.
4. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 1. Казань, 1903. 602 с.
5. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2. Симбирск, 1923. 284 с.
6. Ашмарин Н. И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. Казань, 1921. Том 2. С. 93–128.
7. Ашмарин Н. И. Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 томах / Чувашский научно-исследовательский институт социокультурного строительства. Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1928–1950.
8. Лебедев Э. Е. Изучение форм глагола чувашского языка в трудах Н. И. Ашмарина // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2022. С. 117–123.
9. Лебедев Э. Е. Об одной статье Н. И. Ашмарина // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2020. С. 24–26.
10. Семёнова И.П. Неизвестные рецензии на «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина // Этническая культура. 2021. Т. 3, № 3. С. 54-56. DOI [10.31483/r-97993](https://doi.org/10.31483/r-97993). EDN [LEVIRO](https://www.edn.ru/LEVIRO)

References

1. Ashmarin, N. I. (1902). *Bolgary i chuvashi. Izvestiya Obshchestva Arheologii, Istorii I Etnografii Pri Kazanskom Universitete*. 18(1-3), 1–132.
2. Ashmarin, N. I. (1898). *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka.: Vol. 2 Uchenie o zvukah.*
3. Ashmarin, N. I. (1898). *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka.: Vol. 2 Uchenie o formah.*
4. Ashmarin, N. I. (1903). *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa.* (Vol. 1).
5. Ashmarin, N. I. (1923). *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa.* (Vol. 2).
6. Ashmarin, N. I. (1921). *Otgoloski zolotoordynskoj stariny v narodnyh verovaniyah Chuvash. Izvestiya Severo-Vostochnogo Arheologicheskogo I Etnograficheskogo Instituta V Kazani*, 2, 93–128.

7. Ashmarin, N. I. (Ed.). (1928–1950). *Chavash samahesen keneki. Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 tomah*. Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
8. Lebedev, E. E. (2022). Izuchenie form glagola chuvashskogo yazyka v trudah N. I. Ashmarina. *Ashmarinskie Chteniya*, 117–123.
9. Lebedev, E. E. (2020). Ob odnoj statye N. I. Ashmarina. *Ashmarinskie Chteniya*, 24–26.
10. Semenova I.P. (2021). Previously Unknown Reviews of the «Thesaurus of the Chuvash Language» by N.I. Ashmarin. *Ethnic Culture*, 3(3), 54–56. EDN: LEVIRO. <https://doi.org/10.31483/r-97993>

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Information about the author

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.02.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Received 17 February 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023